

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

ТАРТУСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
„СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ
ИСТОРИИ”

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

ТАРТУСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
„СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ
ИСТОРИИ“

Тарту-Кяэрику, 16-18 апреля 1979 г.

Оргкомитет конференции:

проф. Я.К.Ребане, доц. Э.Н.Лооне /отв. редактор/, и.о. доц.
П.О.Кенкманн, проф. Р.Н.Блум, ст. преп. А.А.Порк, ст. преп.
Н.Ф.Кулли.

РЕШЕННЫЕ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Э.Н. Лооне

I. Споры вокруг решения вопроса "Что такое философия истории?" часто схоластичны (не говоря уже о необходимости учета предложенных в литературе решений этого вопроса — см. напр. II, I2, I3, I4). Это же относится к более узкому вопросу о том, что такое методология истории. Ответы на поставленный вопрос становятся ценными для развития человеческой мысли тогда, когда они дают нам новое знание о предмете вопроса, а еще более ценными — когда некоторый ответ становится исходной точкой развернутого исследования внутри самой философии истории. При этом нельзя забывать, что характер философии истории меняется со временем. Так, аналитическая революция в немарксистской философии истории (ср. I) привела к изменению предмета философии истории, а также опосредованно доказательств и уровня аргументации. Поднимаемая аналитиками проблематика относится к теории познания и аналогична подобной же проблематике в отношении естествознания. Мы не можем не учитывать эти изменения как при определении направления, так и уровня (качества) философских исследований. Это тем более необходимо, что реальные проблемы традиционной философии истории, как признается всеми, успешно решаются историческим материализмом.

2. Существует старая проблема: "В чем сущность исторического знания?" Если внешне многие (но не все — исключением является напр. Гардинер) аналитики защищают дильтевско-риккертIANскую традицию, то подход их существенно изменился: в отличие от Риккерта и Дильтея (и даже от Коллингвуда, хотя для последнего это сведение не так уж важно) аналитики перестали искать специфический объект, доступный только историческому знанию. Они стали искать та-

кие формы самой мысли, которые позволили бы отграничить историческое от других видов знания. В этом, кстати, смысл трудов о нарративе (см. о них 2). Стратегия решения данной проблемы ведет нас, далее, к сопоставлению исторического и других видов сознания (см. ниже, п.п. 3, 4). Однако, в аналитической философии не учитывается история исторического знания, что в значительной степени обесценивает применение полученных в нем частных результатов для ответа на рассматриваемую проблему – в отличие от марксизма (ср. 3).

3. Применимы ли результаты методологического исследования естественных наук для описания исторического познания? Так, можно изучать, что представляют собой исторические теории (см. напр. 4 , 15). При этом следует, однако, различать вопросы: (а) что историки называют теорией? и (б) имеются ли в трудах историков те образования, которые в философии естественных наук называются теорией? Аналитики поставленную в начале пункта проблему рассматривали прежде всего на примере исторического объяснения (ср. 5), которое советскими философами освещалось более подробно лишь в связи с проблемой причинности (ср. 6). Мы теперь в состоянии объяснить, почему научные объяснения редки в историографии, и показать наличие специфического для исторической науки подмножества научных объяснений (ср. 7), а также то, что объяснение через мотив и научное объяснение являются подмножествами одного и того же множества мыслительных процедур, которые могут описываться обычным современным логическим аппаратом (ср. 16).

4. Применимы ли результаты методологического исследования исторического познания для описания естественнонаучного познания? Обычно философами вопрос так не ставился. Однако, полезность его очевидна. Например, после всех разговоров об устарелости если и не самого разграничения "эмпирическое-теоретическое", то в любом случае его традиционных оснований, представляет интерес рассмотреть проблему применимости трехчленной схемы ступеней истори-

ческого познания и знания (см. 8) в отношении некоторых естественных наук.

5. По справедливому замечанию Марка Блока (см. 9), описание нынешнего состояния исторической науки должно сопровождаться выяснением тенденций ее развития. Проблемой становится вопрос: "Куда идет историческая наука?" Происходит ли в ней в настоящее время смена парадигм? Стоим ли мы перед научной революцией, или новая историческая наука уже существует? Или, быть может, историография должна оставаться прежде всего формой ценностного сознания? Общеизвестно, что Поппер в своей "Нищете историзма" отверг возможность предсказания конкретного пути развития познания, но ведь философы могут открывать признаки наличного развития (напр. складывание признаков или предпосылок научной революции) и на их основе прогнозировать направление этого развития, без формулирования при этом еще не полученных исследуемой наукой результатов. Следовательно, Поппер неправ. А проблема философами однозначно не решена (ср. 3 и 10).

Л и т е р а т у р а

1. Э.Н.Лонна. Возникновение и развитие аналитической философии истории. - "Вопросы философии", 1974, № 6.
2. А.А.Порк. Нарратив как проблема методологии исторической науки. - Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 361, Тарту, 1975.
3. Э.Н.Лоона. Основные этапы развития структуры познания в исследовании истории. - Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 361, Тарту, 1975.
4. А.И.Уваров. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973.
5. И.С.Кон. К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера-Гемпеля и ее критики). - Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
6. Д.В.Петров. Причинность в исторической науке. Томск, 1972.

7. Э.Н.Лооне. Проблема исторического объяснения. - "Философские науки", 1975, № 6.
8. Э.Н.Лооне. Об уровнях исторического значения и познания. - Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 301, Тарту, 1973.
9. М.Блок. Апология истории или Ремесло историка. М., 1973, стр. II-12.
10. А.В.Гулыга. Эстетика истории. М., 1974.
11. Э.Н.Лооне. Возможность философии истории. - Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 212, Тарту, 1968.
12. R.G.Collingwood. The Idea of History. London, 1966, p. 1 - 7.
13. W.H.Walsh. Introduction to Philosophy of History. London, 1967, pp. 11 - 29.
14. H.Fain. Between Philosophy and History. Princeton (N.J.), 1970, pp. 207 - 233.
15. M.G.Murphy. Our Knowledge of the Historical Past. Indianapolis - New York, 1973.
16. L.Nordenfelt. Explanation of Human Actions. Uppsala, 1974.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БЫТИЕ

И.О. Джигоев

I. Толкование исторической необходимости имеет важное значение для человеческого бытия - для определения того, на что человек может надеяться, какие обязанности накладываются на него, какую ответственность несет он за реальный ход истории и за то зло, которое имеет в ней место.

а) Способ человеческого бытия, деятельность человека зависит от того, как он относится к исторической необходимости, как воспринимает ее, признаем ли мы ее вообще или отвергаем, и, если признаем, насколько жесткой ее считаем:

если история определяется силами, независимыми от человека, тогда людям в ожидании благоприятных общественных изменений остается лишь заботиться о своих повседневных нуждах и, в таком случае, будет оправдано противопоставление частной и общественной жизни и поиск человеческого счастья в освобождении от суеты общественной, публичной жизни. Если же необходимость в истории отвергается или игнорируется, если предполагается, что устройство общественной жизни зависит от составления разумных утопий, тогда участие в общественно-политической жизни не только не осуждается, но и вменяется людям в обязанность.

б) С толкованием взаимоотношения исторической необходимости и человеческой свободы связана и интерпретация ценностных ориентаций людей, взаимоотношения сущего и должного: если ход истории, изменение общественной жизни целиком определяется независимыми от людей факторами, то и представления людей о ценностях, ценностные ориентации целиком будут определяться теми или иными конкретными условиями. В таком случае должное будет сведено к сущему, каждая система ценностей будет оправдана своей исторической основой и мы будем лишены критериев для сопоставления этих систем. Если же историческая необходимость будет отвергаться, тогда в качестве основания ценностных ориентаций выступит трансцендентная инстанция, утопии будут выведены из метафизической сущности человека и будет выдвинуто безусловное требование социальных изменений соответственно этой метафизической сущности.

в) Представление об исторической необходимости, о взаимоотношении историзма и ценностей, сущего и должного определяют то или иное понимание ответственности человека. Если в истории все необходимо, то оправданы все исторические деяния, всякое зло объявляется исторической неизбежностью, интересам и судьбам индивидов, не придается значение, жертвы в расчет не принимаются, так как они воспринимаются как неизбежные потери осуществления исторической необходимости; каждая акция совершается именем законов

истории. Если же историческая необходимость не признается, то остается вне поля зрения сущность исторического процесса, необходимость социального прогресса, необходимость устранения общественного зла, а деятельность человека сводится к морализированию.

2. Неверное понимание исторической необходимости порождает сомнения в ее существовании. Это ошибочное понимание проявляется прежде всего в игнорировании относительного, реляционного характера самой необходимости, в отождествлении необходимости и действительности: необходимость приписывается не отношению между явлениями, свойствами предметов, а конкретному процессу действительности, временному ряду событий — рассуждают, например, о том, была ли необходимой та или иная революция (в ее конкретной форме), была ли необходимой победа того или иного режима в данной стране и данное время, была ли неизбежной та или иная война. На самом деле ряд индивидуальных событий не могут быть сведены к необходимости; необходимость всегда общая, действительность не может быть сведена к необходимости. Гегелевское понимание необходимости как единства возможности и действительности ошибочно. Забвение относительного (реляционного) характера необходимости приводит к замене философского понятия необходимости мифологическим представлением неизбежности.

Ошибочное толкование исторической необходимости проявляется и в ее реификации, субстанционализации: дело представляется так, будто на каждом историческом этапе имеется лишь одна необходимость. При таком толковании признание всякой самостоятельной роли личностей должно быть отвергнуто, историческая необходимость отождествляется с природной, а ее "задержка" должна казаться необъяснимой. На самом же деле многообразие исторических явлений предопределяет существование различных тенденций, которым присуща различная степень вероятности их реализации. Соответственно этому можно говорить лишь о главных тенденциях эпохи, можно выделить и господствующую тенденцию, но нельзя в ис-

тории говорить об единственной тенденции и возможности: ни одной из тенденций не гарантирована победа; для решения вытекающих из общественных тенденций задач, необходимы усилия социальных сил, деятельность субъективного фактора.

При отождествлении необходимости и действительности и реификации первой история предстает перед человеком как чуждый, независимо от него протекающий процесс; если необходимость приписывается самому процессу, если она отождествляется с действительностью, тогда возможность воздействия на исторический процесс означает возможность воздействия на необходимость, а так как последнее считается недопустимым, то и приходится отрицать и первое, т.е. возможность воздействия на исторический процесс; таким же образом, реификация исторической необходимости означает, что человек имеет дело лишь с одной необходимостью, которой он может лишь подчиниться, ибо для сколько-нибудь самостоятельного воздействия он должен был бы опираться на какую-нибудь необходимость, на какую-то закономерность, т.е. следовало бы допустить, что необходимость не предстает перед человеком как единственная возможность.

3. То, что необходимость не сводится к действительности, а составляет или выражает одно из ее отношений, делает возможным воздействие человека на реальный ход событий, в особенности исторических событий. Такая возможность, превращается в необходимость в историческом развитии, ибо сама необходимость в истории предполагает определенные "антропологические" предпосылки; история как наука исходит из таких предпосылок (о них говорит К.Маркс в "Немецкой идеологии"). Такой предпосылкой является прежде всего необходимость для человека сохранить свое существование, как живого существа. Но история, тем более наука о "подлинной-истории", должна исходить не только из такой предпосылки, она должна исходить также из необходимости для человека сохранить свое человеческое существование, из необходимости для человека положительно оценивать свою жизнь: нельзя сводить мотивы неприятия человеком существующего общества к

осознании угрозы для его физического существования: человек способен бороться и за человеческое существование.

4. Поскольку необходимость образует отношение действительности, она всегда реализована, поэтому понятие реализации исторической необходимости в строгом смысле противоречиво — о реализации исторической необходимости можно говорить лишь в переносном смысле, как о реализации общественных задач, вытекающих из необходимости. Реализация исторической необходимости в этом, нестрогом смысле не может совершиться без сознательных усилий людей; поэтому роль субъективного фактора не сводится лишь к ускорению или замедлению решения стоящих перед обществом задач.

5. Не только бытие человека зависит от восприятия исторической необходимости, но и исторический процесс, как реализация вытекающих из необходимости общественных задач, зависит от человеческого бытия, от отношения человека к своему бытию (что также составляет часть этого бытия). Отношение человека к своему бытию выражается в культуре, которая всегда адресована более широкому социальному кругу, чем является субъект, непосредственно создавший ее. В этом — основа относительной самостоятельности общественного сознания.

6. Не следует смешивать признание антропологических предпосылок истории с антропологизмом: антропологизм подразумевает выведение необходимости социальных изменений из природы человека, признание же антропологических предпосылок есть лишь указывание своеобразия субъекта исторического процесса, которое должно приниматься в расчет как при установлении необходимых связей между определенными сторонами общественной жизни, так и при оценке перспектив решения общественных задач, вытекающих из исторической необходимости.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ

Р.Н.Блин

1. В истории общественной мысли вряд ли найдется направление, школа или отдельный сколько-нибудь значительный автор которые в той или иной форме не обсуждали бы проблему радикального изменения действительности, но в более или менее развитом виде теория революционных изменений стала разрабатываться лишь начиная с конца XVIII – начала XIX века.

2. В развитии революционной мысли можно отчетливо выделить две главные концептуальные схемы, две главные модели революционного преобразования, которые достаточно резко расходятся между собой в своих основаниях и существенных признаках. Первая концептуальная схема /модель/ – назовем ее политической концепцией революции – видит в революции преимущественно политическое преобразование, целью которой является разрушение старой и создание новой политической системы. Вторая концептуальная схема /модель/ – назовем ее социальной концепцией революции – видит в революции, в первую очередь и главным образом, социальное преобразование, целью которого является коренное изменение социально-экономических отношений в обществе и положение в нем личности.

3. Для сторонников политической концепции революции ха-

рактарны:

а/ реализм, стремление революционным путем осуществить насущные задачи, стоящие перед данным обществом, разрешить назревшие противоречия, освободить общественное развитие от препятствий, от старых общественных форм, сковывающих это развитие; требование исходить из того, что уже реально есть, т.е. революция ориентирована на сущее;

б/ детерминизм /или субстанционализм/, ориентация на историческую необходимость;

в/ революционный элитаризм, расчет на активную роль революционного меньшинства и стремление так или иначе устранить от революционного творчества широкие массы народа;

г/ политицизм, сосредоточение основных революционных усилий на свержение старого политического режима и завоевание политической власти;

д/ этатизм, признание за политической надстройкой решающей роли в реализации революционной программы.

4. Для сторонников социальной концепции революции характерны:

а/ революционный романтизм, который исходит из необходимости создания совершенно нового общества, отрицающее по всем важнейшим параметрам старое, общества, структура и основные особенности которого соответствует целевым установкам и идеалам революционного авангарда, считающего себя выразителем истинных интересов народа; революция с этой точки зрения не может довольствоваться тем, что уже существует в обществе реально, она базируется на внутренних потен-

циях общественного развития; цель революции – творчество новой действительности, новых социальных отношений, она ориентирована на должное;

б/ принцип свободы как основной философский принцип /точка зрения самосознания/, и как принцип, определяющий радикальные социальные изменения /свободное творчество новой исторической реальности/, и как принцип, определяющий роль и место человека /противопоставление конкретного, реального индивида абстрактной личности/;

в/ демократизм – достижение основных целей революции возможно лишь в активной самостоятельной деятельности широких масс народа, революция должна осуществляться под лозунгом "все для народа и посредством народа";

г/ аполитизм – отказ от политической борьбы и политической революции /или признание за ними второстепенного значения/, как средств, отвлекающих от непосредственного решения основных социальных задач;

д/ необходимость активности и самодеятельности народных масс на всех этапах революционного преобразования, глубокие социально-экономические перемены должны проводится силами самих трудящихся классов, эти перемены – результат творческой самодеятельности низов, создающих в процессе борьбы самобытные формы самоуправления.

5. Различия между двумя концепциями революции вытекают из имеющих фундаментальное значение различий философских и социологических позиций, ибо дело идет, по выражению Г.В. Плеханова о великом философско-историческом вопросе "о том, как относится закономерный ход истории вообще и истории

мысли в частности к сознательной деятельности отдельных лиц /Соч.т.ХУШ, стр.157/.

6. Оценивая политическую и социальную концепции революции с позиций марксизма, необходимо отметить, как их односторонность и ограниченность, так и содержащиеся в них рациональные моменты. Политическая концепция ориентирована на изучение объективной исторической ситуации, на учет особенностей обстановки, в ней имплицитно содержится требование оценки революции с научных позиций. Рациональное содержание социальной концепции состоит в провозглашении и защите принципа активности, принципа революционной самодеятельности; она — программа поиска и использования зреющих исторических возможностей.

7. Взаимодействие двух революционных концепций особенно хорошо прослеживается в русской революционной мысли XIX века. Абстрактное единство /рядоположенность/ социальных и политических аспектов революции, которое обнаруживается у Радищева, у его продолжателей распадается на противоположности — политическая концепция представлена декабристами, социальная — Герценом. Во взглядах Чернышевского сделана далеко идущая, хотя полностью и нереализованная, попытка снять противоположность между двумя концепциями революции. В 60-е гг. XIX в. политическая и социальная концепций вновь разошлись и оказались в состоянии достаточно острого противоречия. Политическое направление было представлено "Великоруссом", публицистами "Русского слова", Писаревым, социальное — Н.А.Серно-Соловьевичем, публицис-

тами "Современника", ишутинцами. В это же время возникли и промежуточные направления: политико-социальное, стремящееся политическими средствами решить социальные задачи /"Молодая Россия", Ткачев/, и социально-политическое, признающее в той или иной мере значение политической борьбы, но отодвигающее ее на задний план /Шелгунов, Лавров/. Это же деление сохраняется и в 70-е годы /бакунисты, народовольцы, лавристы/.

8. Антиномия политической и социальной концепций революции была снята в марксистской теории революции, которая базируется на диалектике необходимости и свободы, исторической реальности и активной творческой деятельности революционных сил, создающих новую действительность.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

А.В. Гулыга

1. Термин "сознание" употребляется в данном контексте как предельно широкий, охватывающий не только познавательную, но и ценностную деятельность человека. "Историческое" означает относящиеся к прошлому. Историческое сознание — освоение человеком (индивидом, социальной группой, человечеством) своего положения во времени, связи прошлого с настоящим и будущим. Это ретроспектива, необходимая для перспективы.

2. Опозиция историческому сознанию — мифологическое сознание. Миф либо не знает категории времени, либо дает нам неадекватное представление о нем. В первом случае это первобытный миф, где субъект и объект, прошлое и настоящее слиты воедино. Во втором случае — миф религиозный и светский социальный миф. Мифологическое время, возникающее во втором случае, либо циклично, либо эсхатологично (т.е. предполагает "конец истории").

3. Первоначальной (неразвитой) формой исторического сознания является фольклор. Устная традиция в виде преданий, исторических легенд и песен сохраняет в памяти народа наиболее существенные события его истории. Пережитки мифологического сознания дают о себе знать, искажая адекватность отражения. Подлинные факты здесь перемешаны с вымыслом. Устная традиция, не закреплённая в памятниках письменности, легко может быть оборвана, особенно в обществе, потерявшем патриархальную структуру. Устная традиция не остается неизменной. Происходит процесс "стачивания" острых углов, критическое отношение сменяется апологетическим.

4. Для того, чтобы историческое сознание заняло подобающее ему место в духовной жизни общества, нужны иные формы социальной памяти, чем устная традиция. Таковыми являются наука и искусство, опирающиеся на современные средства

массовой коммуникации. Первым из них была печатная книга. Не Геродот, а Гутенберг – подлинный отец исторического сознания. История должна быть не только написана, но и прочитана, чтобы войти в сознание общества. В наши дни "связь времен" осуществляется уже не столько при помощи книги, сколько средствами периодической печати, радио, кино, телевидения.

5. Первоначально историческое описание существует как вид искусства (муза Клио). В дальнейшем происходит размежевание сфер, но осязаемая связь остается. Ни в одной науке образное мышление не играет такой важной роли, как в науке о прошлом человеческого общества. Историческое обобщение представляет собой своеобразный синтез теоретического и эстетического освоения мира.

6. В формировании исторического сознания у большинства людей значительную роль играет искусство. Мы узнаем о своем прошлом чаще из романов, кинофильмов и телепередач, чем из учебников. В современном историческом искусстве проявляются те же тенденции, которые характерны для современной художественной жизни вообще – документализм и отстранение.

7. Итак, фольклор, наука, искусство – три формы, в которых возможно существование исторического сознания. Не устанавливая строгого соответствия, можно говорить и о трех подходах к прошлому, трех аспектах, в которых проявляется значение исторического сознания для общества – воспитательном, познавательном, ценностном.

8. Устная традиция, как правило, содержит наставление. Изучая историю, мы производим нравственную оценку поведения людей в прошлом. Одновременно (и это главное) на материале прошлого мы вырабатываем критерий для собственного поведения. Историческое сознание – школа нравственности и социального опыта.

9. Познавательное значение истории двойного рода. Прежде всего мы находим в ее фактическом материале подтверждение законам общественного развития. Но важнее дру-

гое. Нас интересуют события в их подлинности и полноте, теоретическая задача при этом состоит в объяснении того, что произошло. "Как" и "почему" — два основных вопроса, на которые мы ждем ответа от истории.

10. Ценностный императив заставляет нас обращаться к прошлому независимо от теоретических и утилитарных задач. Мы переживаем судьбу своих предков, радуемся ей или огорчаемся, живем жизнью ушедших поколений как собственной. Только так можно объяснить ненасытность историка в отношении фактов, стремление продолжать их сбор даже после того, как первые две задачи уже фактически решены. Историческое сознание живет "подробностями".

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

В.В. Косолапов

В современной науке без использования категорий "система", "структура", "функция" анализ становится все более невозможным. Некоторые исследователи не без оснований считают, что наш век — не только эпоха ракет, космоса или атомной энергии, но также "эпоха систем".

Структурный подход все шире используется в социологии, лингвистике, педагогике, психологии, в исторической науке. Идеи структурно-функционального подхода возникли в истории общественной мысли давно. Еще в работах Г.Спенсера предприняты попытки обосновать этот метод применительно к общественным явлениям. Ныне в структурно-функциональном методе система рассматривается с точки зрения ее функ-

ций, поддерживающих систему в состоянии устойчивого равновесия, дисфункций, характеризующих отклонения поведения системы от нормы, и "скрытых" (латентных) функций. Формирование кибернетики, семиотики, системотехники и ряда других направлений непосредственно связано с категорией "структура", и, по мнению отдельных философов, она должна сыграть существенную роль в совершенствовании понятийного аппарата философии.

Структурно-функциональный метод все чаще применяется в исторических исследованиях. Многие исторические ситуации могут быть раскрыты только с его помощью. Показательным в этом плане является изучение истории науки. Еще в 20-30-х годах наука рассматривалась односторонне — только как генезис научного мышления, вне связи с конкретно-историческими ситуациями его функционирования. С помощью структурно-функционального метода было обнаружено, что каждой эпохе присущ свой набор языков обобщения и даже стиль мышления. Видный французский представитель структурного анализа М.Фуко в развитии европейского общества с XVI по XIX в., выделил, например, три сменяющие друг друга неосознанные людьми, т.е. объективные структуры научного знания — "эпистемы". Эти структуры обуславливают как решение научных проблем, так и их постановку. За рамками данной "эпистемы", т.е. сочетания знаковых систем, которые характеризуют соотношение между словами, вещами и знаниями, люди не могут **найти** даже в постановке проблем.

Аналогичных взглядов придерживается и ряд американских историков науки, философов. Т.Кун считает, что противоречия и аномалии, существующие в науке, до поры до времени не называются на ее развитии, которое ориентируется на господствующую в данный момент парадигму.

Аналогичные мысли высказывал и Макс Борн, полагавший, что в науке на протяжении длительных исторических периодов господствует строго определенные "стили", "единый" "склад мысли". В частности, одним из таких периодов, для которого характерен один "стиль", он считал время античной науки и переходной период от нее к новой науке — вплоть до Галилея,

Ньютона, Лагранжа. И. Зелены (ЧССР) предлагает для анализа развития мышления со времени возникновения научного познания термин "тип рациональности". Он характеризуется тремя моментами: определенным набором философских категорий, в которых выражается понимание структуры реальности, сущностью и механизмом взаимоотношений между теорией и практикой, структурой человеческой деятельности, характером отношений между описывающими и оценивающими суждениями. На основе этих признаков Зелены выделяет античный тип рациональности (созерцательное понимание теории как наивысшей формы человеческого отношения к миру, смысл и цель которой в ней самой), внеисторически-технический, обосновываемый метафизически-теологическими аргументами (абсолютизация разума и бога, сверхчеловеческие факторы, от которых человек зависит, утилитарно-техническое понимание соотношения теории и практики), и, наконец, третий тип рациональности - диалектико-материалистический (система "бытие-практика - познание" имеет сложную структуру, в которой центральным звеном является практика, единственная действительность - действующие люди вместе с природной) данной независимо от человеческой деятельности (и общественной) созданной человеком) средой, в теории отражения познание - диалектический процесс, включающий и опережающее, проектирующее отражение действительности. Диалектико-материалистический тип рациональности возник вместе с марксизмом.

Основным объектом структурно-функционального метода в исторической науке является человеческая деятельность в ее конкретно-исторических формах проявления.

Структура исторической системы, на наш взгляд, может рассматриваться в трех планах: функциональном, т.е. как упорядоченная система определенных элементов и форм человеческой деятельности, взаимосвязанных между собой; организационном, т.е. как система связей и отношений, которые образуют различные элементы и формы деятельности, характерные для данной системы; ограниченным изучением структуры общественных явлений в процессе функционирования составляющих ее элементов. Человеческое общество в этом случае

представляется как взаимосвязь его социальной структуры, структуры человеческой деятельности и способа деятельности людей.

Структурно-функциональный метод как частный метод исторического исследования только в сочетании с материалистической диалектикой, материалистическим пониманием истории оказывается плодотворным. Любая попытка абсолютизировать этот метод, превратить его из инструмента в некую философскую теорию "среднего уровня", как это пытается сделать Мертон и другие буржуазные социологи, приводит к потере этим методом его эвристических возможностей. Но и в пределах материалистического подхода и истории роль структурно-функционального метода остается также вспомогательной, ограниченной.

Нельзя согласиться с абсолютизацией роли структурно-функционального метода в историческом исследовании, с отдельными попытками представить его как универсальное средство решения сложных проблем исторической науки.

Правильное, научное использование новых методов исторического исследования, в том числе математических, может быть обеспечено только при условии соблюдения ленинского принципа партийности, на основе рассмотрения исторического процесса как последовательной смены общественно-экономических формаций, состоящих из исторических систем, элементы которых упорядочены в определенные структуры. Изучение содержательных исторических структур на основе материалистического понимания истории, учета ее классового характера может проводиться различными методами, в том числе и структурно-функциональным. При этом его применение может быть успешным только при четкой, классовой постановке проблем, размежевания методических приемов структурно-функционального анализа от их субъективистского истолкования в духе буржуазного структурализма, от терминологических злоупотреблений, принятых в работах буржуазных авторов по структурно-функциональному методу и призванных служить маскировкой их классово-буржуазной позиции в истолковании полученных результатов. Подлинное научное применение структур-

но-функционального метода связано с объективным анализом производственных отношений, образующих данную общественную формацию, с исследованием законов ее функционирования и развития с изучением внутренней структуры, в первую очередь, — классово-социальной, исторических событий и ситуаций.

В буржуазной историографии, применяющей структурно-функциональный метод для изучения общественных явлений как ставших, готовых, раз навсегда определенных, идеалистическое, субъективистское понимание исторического процесса является исходной методологической посылкой. Поэтому исторические системы рассматриваются вне процесса развития, вне субординации составляющих их элементов, в изоляции от причинно-следственных связей с другими событиями. Это ведет к тому, что историческая система представляется функцией то сознания как "суперорганического явления" (П.Сорокин), то наиндивидуальных сознаний в виде "коллективных представлений" (Э.Дюркгейм), то как следствие "ценностных ориентаций" личности (Т.Парсонс). Тем самым структурно-функциональный метод в соединении с идеалистическим пониманием истории теряет свой рациональный смысл, превращаясь в средство оправдания научно несостоятельных выводов. Только на основе материалистического понимания истории структурно-функциональный метод становится действенным способом исторического исследования.

О РОЛИ ВОООБРАЖЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ. ИСТОРИЧЕСКАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРАВДА.

Л.В. Сувойчик

Вопрос о природе исторической реальности в марксизме сводится, в конечном счете, к вопросу о месте и роли человека в историческом процессе. Причем человек понимается как деятельный, исторический субъект, как творец истории. Тогда

сама "целесолагающая деятельность человека" рассматривается как "форма объективного процесса"¹⁾. Предметная деятельность человека принимает необходимый, закономерный характер, поскольку непрерывно сама себя детерминирует результатами прошлой деятельности, которые в "снятой" форме воспроизводятся в ее новом результате²⁾. Таким образом, объективные связи истории замыкаются через предметные формы культуры, что служит объективной основой познания исторического прошлого и предвидения будущего.

Задача познания человека как субъекта истории наиболее адекватно может быть раскрыта не только средствами научного, но и художественного познания. Типическое понятие и типический образ в исторической науке взаимообуславливают и взаимодополняют друг друга. Эта мысль нашла широкое признание в работах советских исследователей – философов, историков, литературоведов и т.д.³⁾

Раскрытие логики факта исторического и логики художественного образа как основных звеньев, фрагментов воспроизведения и реконструкции исторической реальности, анализ специфики и общности научного и художественного обобщения (типическое понятие и типический образ), рассмотрение значения искусства для исторической науки – смысл и содержание наших размышлений.

В общем плане значение искусства для науки обнаруживается на путях, с одной стороны, анализа стимулирующей роли искусства для научного творчества (достаточно сослаться на признания А.Эйнштейна, Ч.Дарвина, Луи – де – Бройля и др.), с другой стороны, при рассмотрении проявлений эстетического в самом научном творчестве (речь идет об эстетике научного открытия).

1) В.И.Ленин. Полное собр. соч., т. 29, стр. 170.

2) Заметим, что в каждом акте человеческой деятельности присутствует не только причинная, но и целевая детерминация (детерминация будущим).

3) А.В.Гулыга. О предмете исторической науки. "Вопросы истории", 1964, № 4; Б.С.Мейлах. На рубеже науки и искусства. Л., 1971; сб. "Содружество наук и тайны творчества", М., 1968; М.С.Каган. Литература как человековедение. "Вопросы литературы", 1972, № 3 и др.

Чем же обусловлено обращение науки к искусству, к его возможностям, к определенным его преимуществам, связанным с познанием общественного субъекта средствами художественного образа?

Объективный исторический процесс по существу является воплощением материальной и духовной деятельности человеческих поколений. В исторических фактах как одной из разновидностей социальных фактов, фиксируется определенный уровень развития человеческой практики. Как формы и продукты человеческой деятельности они сложны по своей сущности. Это выражается в многослойности содержания факта, с одной стороны, в его многозначности и внутренней противоречивости, с другой. Одну из задач историка и составляет раскрытие гуманитарного содержания исторического процесса, судеб личности в истории. Именно эта задача наиболее полно решается средствами художественного познания в силу присущих ему специфических особенностей, связанных с синтетичностью искусства в отражении духовной динамики индивида, многозначностью и многослойностью художественного образа, способностью искусства к опережающему отражению действительности, включением в ткань художественного образа нравственных, философских и иных идей и т.д. А потому историческая реальность, социальный и духовный мир личности у гениальных писателей, таких, например, как О.Бальзак, Л.Толстой, Г.Манн, А.Горький, Ф.Достоевский, предстает в гораздо более полной, яркой и правдивой форме, чем в иных специальных исторических исследованиях.

С анализом активности субъекта в научном и художественном творчестве (а более узко – в творчестве историка и писателя – исторического романиста) тесно связана проблема исторической и художественной правды, сопряженной с поиском объективной истины, – понятий, по своему содержанию далеко не тождественных.

Художественную правду некоторые авторы трактуют очень узко, сводя ее к "правде факта", документализму, достоверности, к жизнеподобию. Особенности художественного обобще-

ния, соотношение субъективного и объективного в процессе художественного творчества, роль воображения при этом не учитываются.

Предметность, историческая конкретность, одновременно условность образной структуры, концептуальная и философская определенность художественного мышления позволяют художнику широко и правдиво охватить историческое явление. Так, чем дальше уходит история вперед, тем с большей силой раскрывается новаторство эстетических принципов "Медного всадника", "Капитанской дочки", "Бориса Годунова", "Петра Первого" и т.д.

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

А.Я. Гуревич

1. Обсуждение логико-методологических проблем исторического знания едва ли может быть плодотворным без анализа реального опыта современного исторического исследования, без выявления основных направлений исторической науки и новых тенденций ее развития. В докладе предпринята попытка обсудить некоторые ведущие тенденции современной исторической мысли.

2. При этом существенно возвратиться к осмыслению давно установленного разграничения и противопоставления наук о культуре наукам о природе. Идентичность познающего субъекта познаваемому объекту в науках о культуре порождает ситуацию, немислимую для наук о природе. Противоположную позицию занимают те, кто склонен сближать историю с точными науками и считать ее наукой в той мере, в какой она способна овладеть

их методами. Преодоление этого "комплекса неполноценности" позволило бы работникам гуманитарных дисциплин лучше уяснить предмет их занятий и разработать гуманитарную методологию.

3. Особая природа гуманитарного знания связана со спецификой выполняемой им социальной функции – быть одной из форм самосознания общества, компонентом его духовной культуры. Содержание исторической мысли в равной мере определяется и изучаемым предметом – историческим прошлым и современностью, ценностями того социума, в котором эта мысль возникла. Социально-культурная "включенность" историка не может расцениваться только в качестве фактора, ограничивающего его познание, – прежде всего она есть необходимое условие самого этого познания. Ибо гуманитарное знание имеет природу "диалога": культура, представителем которой является исследователь, вступает в "диалог" с культурой, служащей предметом исследования.

4. Предпосылкой "диалога" с людьми другой эпохи и культуры служит анализ их саморефлексии, который не ограничивался бы одними только разработанными идеями, философскими, этическими или религиозными системами, остававшимися как правило достоянием интеллектуальной элиты, но распространялся бы на всю присущую обществу и отдельным его группам картину мира, культурный "язык" эпохи.

5. Только реконструкция системы восприятия и переживания действительности, присущей людям изучаемой эпохи, позволяет понять их социальное поведение. Традиционная установка историографии на обнаружение преимущественно так называемых "объективных" сторон исторического процесса, якобы не зависящих от мировосприятия, воли и поведения его участников, чревата опасностью навязывания им мировосприятия и поведения современников исследователя. Подобный "энтомологический" подход к изучению истории исключает возможность упомянутого "диалога" и противоречит самой природе гуманитарного знания.

6. Мировидение эпохи может быть оценено как ее "ложное

сознание", однако необходимо отдавать себе отчет в том, что именно этим "ложным" (с точки зрения исследователя) сознанием руководствовались люди в своей жизненной практике и поэтому их мировидение составляло столь же неотъемлемую сторону исторической действительности, как и производственный, политический или социальный ее аспекты. Попытки познать "объективное", отвлекаясь от "субъективного фактора" в истории, означает не что иное как беспощадное изуродование живого организма человеческой культуры на прокрустовом ложе естественно-научного мышления.

7. Столь же условно и сомнительно разделение исторической действительности на "социальное" и "культурное" в традиционном их понимании. Речь может идти либо об изучении разных, но равнозначных аспектов единой человеческой практики, в контексте которой эти аспекты взаимопроникают, либо об изучении социально-культурного комплекса в его тотальности, об изучении социальных "срезов" культуры, ее роли в функционировании общества, о понимании общества как сложного комплекса связей и отношений между людьми, опосредованных знаковыми системами.

8. Таким образом, исследование системы мировидения, образа мыслей людей изучаемой эпохи представляет собой не какую-то дополнительную ветвь исторического знания и не попытку "оживить" рассказ об истории психологическими деталями, — исследование "ментальности" есть императивное требование современного исторического знания, выражающее одну из ведущих его тенденций. Проблема состоит не в "психологизации" истории, но в раскрытии в ней человеческого начала.

9. Тем самым во весь рост встает проблема взаимодействия и интеграции гуманитарных наук, понимаемых именно как науки о культуре: от анализа индивидуальных явлений (произведений, взглядов того или иного мыслителя или художника) или изолированных цепочек художественного, философского и т.п. развития необходим переход к раскрытию "духовного инвентаря", "умственного инструментария" эпохи, который проявлялся как в индивидуальных творениях, так и во

всех без исключения продуктах человеческой деятельности, во всех знаковых системах.

Ю. Переворот, ныне совершающийся в различных отраслях гуманитарного знания, заключается в переориентации исследования на предмет, который до недавнего времени оставался по сути дела неизученным, — на человека в его социально-культурной обусловленности.

В докладе предпринят анализ новейших трудов историков, в которых исследуется "ментальность" людей средневековой эпохи.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ, ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И РЕАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В.Н. Шевченко

1. Одним из самых острых и дискуссионных вопросов в историческом материализме является вопрос о количестве общественно-экономических формаций, выделяемых нами в прогрессивном, восходящем развитии человеческого общества, которое рассматривается здесь как некоторая целостность, как единое земное человечество. Мне представляется, что в этом вопросе полная ясность будет получена только в том случае, когда мы обратим пристальное внимание на то основание, по которому выделяются сами формации. Сущность и специфические черты этого основания могут быть должным образом выявлены лишь в результате всестороннего и глубокого анализа объективно-диалектического хода общественного развития.

2. Исторический материализм по своему теоретическому содержанию и есть диалектико-материалистическое объяснение истории. Как верно подчеркнул акад. П.Н. Федосеев "исторический материализм — это собственно и есть диалектика общественного развития. Если приходится особо подчеркивать необходимость исследований диалектики общественной жизни, то-

главным образом потому, что эти вопросы недостаточно отражаются в работах по историческому материализму¹.

Последовательному проведению в жизнь данного положения существенно мешает, на мой взгляд, "поэлементное" изложение нынешнего учебного курса исторического материализма, в то время как изложение собственно теоретического содержания этой науки должно вестись в соответствии с ходом исторического процесса, т.е. в соответствии с теми формационными ступенями, которые проходит человеческое общество в своем развитии.

Диалектика общественного развития, исторический материализм и общесоциологическая теория, в которой одно из основных мест занимает вопросы категориального смысла понятия "формация", есть единое целостное учение. Видимо, каждая из этих его сторон обладает определенной самостоятельностью. Но главное — это глубокое и всестороннее воспроизведение объективной диалектики (логики) поступательного развития человеческой цивилизации, так что в самом теоретическом содержании исторического материализма все разработки, связанные с изучением как особенностей проявления законов и категорий диалектики в социальной жизни, так и категориального аппарата исторического материализма, присутствуют в "снятом виде".

3. Объективно-диалектический ход развития социальной формы движения (как и развития вообще) можно изучать под различными углами зрения, однако всестороннее представление о содержании процесса и его результатах мы получим только в том случае, когда все уровни анализа будут взяты во взаимной связи и обусловленности, будут как бы вытекать один из другого. Основные идеи развиваемого нами подхода к анализу объективной диалектики общественного развития изложены в ряде статей, опубликованных в журнале "Философские науки"². Поэтому в настоящих тезисах я ограничусь только теми выводами, которые носят методологический характер по отношению к исторической науке.

Переходный период — существенно важная часть учения о формации. Странным представляется практически полное отсутствие попыток осмыслить его сущность и историческое назначение в целом. Общепризнано наличие переходного периода в ходе развития от феодализма к капитализму и от капитализма к социализму. Есть всякие доводы утверждать о наличии переходного периода в ходе развития от первобытности к классовым антагонистическим обществам, что непосредственно следует из рассмотрения объективной диалектики исторического процесса. Данный вывод позволяет поставить на обсуждение вопрос о том, что в общепринятом пятичленном делении исторического процесса одна из формаций, а именно рабовладельческая выделяется по иному основанию, чем все остальные четыре формации, причем рабовладение как раз и выступает сущностной характеристикой указанного выше переходного периода.

Переходный период имеет двоякую природу, которая проистекает из неравномерности развития общества (неравномерность — атрибут развития). Целостный объект никогда не переходит сразу в новое состояние. Первоначально новое возникает в несовершенной, незрелой форме на возможно более раннем этапе развития целостного объекта в силу чрезмерного обострения противоречий в части его, а потому здесь новое прежде всего и утверждается. Лишь спустя относительно длительный период времени в той части объекта, которая оставалась еще в старом состоянии, под воздействием неизбежного хода развития так же происходит переход в новое состояние, но уже при существенно изменившихся условиях. Иначе говоря, имеет место два взаимосвязанных и взаимообуславливающих друг друга пути возникновения и развития (до определенного периода) каждой новой общественно-экономической формации. Причем один из них носит непосредственный характер, другой — опосредствованный. Такая ситуация возникает по той причине, что в первом случае в рамках старой формации вызревает необходимая совокупность материальных предпосылок для перехода к новой формации, а во втором — такой совокупности нет.

Вследствие этого и возникает особое, опосредствующее звено в развитии, отсутствующее в первом случае, на протяжении которого создаются необходимые для перехода к новой формации материальные предпосылки. Порядок наступления того или иного переходного периода, носящего непосредственный или опосредствованный характер, требует особого рассмотрения. Заметим только, что выявление двойкой природы каждого переходного периода в рамках исторического материализма будет способствовать более плодотворному проведению дискуссии в исторической науке по конкретным проблемам, например, относительно специфики перехода от феодализма к капитализму в странах Западной Европы (спонтанный тип развития капитализма) и в странах Центральной и Восточной Европы (формированный тип развития капитализма).

Теперь на вопрос о том, какая наука призвана определить количество общественно-экономических формаций и характер переходных периодов от формации к формации, можно дать вполне однозначный ответ: исторический материализм. По моему мнению, изъятие из его ведения такой принципиально важной задачи как выявление объективного основания формационного членения исторического процесса и соответственно количества формаций не только существенно обедняет теоретическое содержание исторического материализма, но и невольно толкает специалистов, работающих в этой области, на путь самых общих рассуждений, нередко отдающих схоластикой.

4. В самом общем плане истолкование принципа единства исторического и логического, применяемого в ходе теоретического анализа наряду с другими принципами не вызывает особых затруднений. Историческое — есть реально существующее явление в самой жизни, логическое — его отражение в форме определенной теории. Но здесь есть один момент, на который не всегда обращается должное внимание. Представление о том, что та или иная частная гуманитарная наука, а тем более исторический материализм, как социально-философское знание, развивается в результате непосредственного обобщения явлений социальной действительности есть всего

лишь эмпирическая иллюзия.

Теоретическое содержание исторической науки как раз и является тем опосредствующим звеном, которое связывает во-едино исторический материализм с реальным ходом истории. Необходимо глубже и обстоятельнее раскрывать принципиальные различия и вместе с тем органическую связь двух уровней теоретического анализа исторического процесса — объективно-логического и конкретно-исторического, что позволит преодолеть наметившуюся в литературе тенденцию на различение двух смысловых значений категории "формация". Дело в том, что сформировалось и успешно "работает" на конкретно-историческом уровне анализ понятия "историческая эпоха". Дальнейшая разработка содержания этого понятия — одного из основополагающих в категориальном аппарате исторической науки — безусловно необходима и актуальна. По этой причине и отпадает потребность в расщеплении смысла категории "формация".

Марксистская философия, исторический материализм выступает не только как весьма специфическая наука отличная от частных наук, но и как идеология, выражающая коренные интересы рабочего класса. В этой своей функции философия формирует в частности, предмет познания исторической науки и в определенном смысле выступает всеобщим условием, без которого вообще невозможно историческое познание.

В целом имеет место двоякая по своей природе связь между философией, историческим материализмом и реально протекающим историческим процессом: в аспекте идеологическом — непосредственная; в аспекте научном — опосредствованная, через теоретическое содержание исторической науки³.

Можно слышать немало возражений против попытки изложить теоретическое содержание исторического материализма как воспроизведения объективной диалектики (логики) естественноисторического процесса смены одной общественно-экономической формации другой. Но дело в том, что только исторический материализм в состоянии раскрыть сущность каждой формации, как определенного типа общества, в виде це-

лостного саморазвивающегося социального организма, в том числе и взаимосвязь в каждом из них всей совокупности общественных отношений⁴.

Поскольку эта взаимосвязь общественных отношений на каждом формационном этапе развития общества носит существенно различный характер, то ее изучение позволит продвигнуть вперед разработку актуальных вопросов "стыковки" частных дисциплин, изучающих отдельные стороны социальной действительности, которая для отдельной формации будет решаться своим особым образом.

Л и т е р а т у р а

1. П.Н.Федосеев. "Диалектика современной эпохи". М., 1975, с. 122.
2. В.Н.Шевченко. К характеристике объективной диалектики общественного развития. — "Философские науки", 1978, № 2, 4. его же. К характеристике диалектики перехода от феодализма к капитализму. — "Философские науки", 1979, № 2.
4. Интересный материал по этому вопросу содержится в работе М.Н.Грецкий. Наука, философия, идеология, М., 1978, гл. 3, посвященной анализу теоретической деятельности французских марксистов.
4. См. подробнее материалы координационного совещания, опубликованные в сб. Актуальные проблемы теории общественных отношений. М., 1978.

ТИП КУЛЬТУРЫ КАК КАТЕГОРИЯ ФИЛОСОФСКО- ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В.Н.Афонина

Вопросы типологии культуры всегда стояли в центре внимания создателей систем философии истории. Попыткам обосновать теоретическую схему историко-культурного процесса, най-

ти ритм смены эпох и культур, построить "систему координат" для соотношения разных стадий развития культуры посвящены концепции А.С.Хомякова, Н.Я.Данилевского, О.Шпенглера, П.Сорокина, А.Тойнби, М.Хенсович. Они стремились дать исчерпывающий перечень типов культуры (цивилизаций), предсказать будущее развитие.

Для теоретического обобщения исторического процесса понятие типа культуры действительно имеет очень большое значение. На это указывают в своих работах многие советские ученые.

В историческом материализме центральной категорией философско-исторического познания является категория общественно-экономической формации. Долгое время периодизация и типологизация развития культуры подчинялись разделению истории по формациям. Однако специальные исследования показали, что эта категория является слишком общей, отражающей предельное, самое абстрактное отношение социального развития, основанного на смене способов производства. При этом из системы понятий, выражающих структуру формации во многом ускользает реально-историческое содержание культуры, связанное с этническими процессами, с собственными закономерностями духовной культуры. Для более близкого подхода к конкретному содержанию истории культуры в советской культурологии были попытки создать **"внутриформационную"** типологию: общий тип культуры (ӨЭФ) – локальная культура (Э.С.Маркарян)¹, общий тип культуры – стадияльно-региональный тип – локальная культура (В.Е.Иванова)². Создание "многоуровневой" типологии" усложняет схему, делает ее неопределенной в терминологическом плане, громоздкой в применении для конкретных гуманитарных наук, нуждающихся в этой категории – искусствоведении, филологии, истории, педагогике.

Внутри каждой формации конкретный исторический пространственно-временной регион (культурный ареал) проходит сложный путь развития. Способ производства проходит несколько стадий до высшего расцвета и постепенного упадка, меняя свои исторические формы по стадиям. Кроме того, один

и тот же способ производства может иметь разные формы в различных регионах (характер феодального производства отличается в странах Западной Европы и в Японии или Китае в средние века). Все это обуславливает очень сложный характер детерминации культуры со стороны материальных и общественных условий. Характер духовного производства, способы создания и функционирования духовных ценностей, содержание элементов культуры меняются динамичнее, чем общественно-экономическая формация. Следовательно, нам представляется, что границей объема категории типа культуры должно быть стадийно-региональное понятие, а не формация. Во временном отношении тип культуры может быть соотнесен с понятием "историческая эпоха".

Категория типа культуры разрабатывается в науке на двух уровнях: содержательно-историческом (строятся модели типа культуры Античности, Ренессанса, барокко и т.д.), и формально-логическом. В первом случае каждый тип предстает как историческая индивидуальность, обобщение последовательных этапов культурного развития, как система культурных явлений этнического ареала Земли в рамках исторической эпохи как стадии социально-культурного развития, имеющей качественно отличные особенности материальной и духовной культуры. Эти особенности проявляются: 1) в этнических процессах, связанных с формированием народности, развитием языка; 2) в образе жизни, определяемым уровнем материально-производственной деятельности, общественным устройством, формами быта; 3) в формах и содержании духовного производства, т.е. в способах выражения человеком своих духовных потенций, своего понимания мира; 4) в характерных особенностях формы и содержания элементов духовной культуры — в наличии единого стиля мыслительной и художественной деятельности; 5) в особом понимании личности. В конечном счете этапы развития культуры региона отличаются изменением понимания человека и положения его в мире. "Вся история человеческой культуры есть цепь последовательных открытий человека"³. В центре исторического типа культуры стоит исторический тип личности.

В формально-логическом плане целью исследования является теоретическая модель типа культуры – система показателей, с помощью которой можно обобщать бесконечное разнообразие культурных фактов и выявлять как устойчивые структуры, так и закономерности развития культуры. Эта конструкция должна проверяться на "работоспособность" в конкретном историческом материале. В изучении такого сложного феномена, как культура, особенно необходимо правильное сочетание исторического и логического способов познания.

Практически построение теоретической модели типа культуры сводится к представлению ее в виде целостной системы, т.е. выявлению устойчивого в рамках отрезка времени набора функционирующих элементов и связей между ними. Общий перечень этих элементов за два столетия развития культурологии относительно устоялся, хотя современное развитие и вносит новые данные. Меняются представления о соотношении, субординации элементов в системе. В XX веке проблему типологизации культурно-исторического процесса как одну из главных задач поставил именно системный подход. Наиболее фундаментальной попыткой в этом плане была теория социокультурных суперсистем П.А.Сорокина. В этой теории исторический процесс представляется как бесконечная циклическая повторяемость трех типов культуры основанных на трех глобально-обобщенных системах мировоззрения: ориентированного на духовный идеал (Идеациональная система), на материально-чувственные ценности (Сенсатная) и на смешанные ценности (Идеалистическая). Тип культуры как социокультурная суперсистема выражает общие интегративные свойства всех систем культуры данной эпохи в данном ареале Земли – языка, науки, религии, искусств, этики. Объективно типология Сорокина относится к сфере духовной культуры и не учитывает влияния материально-производственной деятельности.

Структурный подход внес большой вклад в решение проблем типологии культуры в отношении формализации исследования и поисков строгих и точных методов изучения материала. Тип культуры может быть представлен как "метаструктура", которая объединяет совокупность всех структур культурных яв-

лений данной эпохи в целое. Но, как саморазвивающаяся система, "культура должна проявлять одновременно черты и стабильности и динамизма, быть структурой и не быть ею в одно и то же время"⁴. Статичность структурного подхода не позволяет ему отобразить исчерпывающим образом динамически развивающуюся историческую реальность.

В современной марксистской философии истории и культурологии широко применяется системный и системно-структурный подход в определенных границах и на основе принципов материалистической диалектики и историзма. Примерами плодотворного сочетания их являются опыты построения типологии культуры М.С.Кагана⁵, Э.И.Файнбурга⁶, основанные на широком понимании культуры как способа человеческой деятельности, непосредственного элемента всех общественных явлений. Эти гипотезы отличаются широтой, глобальностью обобщений и неизбежной абстрактностью, потому, что в конечном итоге объем типа культуры совпадает с ОЭФ.

Более конкретными и содержательными являются типологии, основанные на понятии стиля как выражении целостности, системности духовной, прежде всего художественной культуры, наличия общих особенностей всех культурных явлений эпохи. Понятие стиля является очень важным общим культурологическим понятием. Ускорение смены стилей в связи с общим ускорением социального развития, дробление стиля и усложнение картины культуры в последнее столетие не отменяет эту категорию. Она нуждается в дальнейшей разработке.

Среди типологических работ, связанных с понятием стиля, наиболее интересными и фундаментальными являются исследования Д.С.Лихачева, особенно "Развитие русской литературы X-XVII веков" и "Человек в литературе древней Руси". Большой вклад в разработку данной проблемы внесли также работы Л.М.Баткина, В.В.Кожина, Ю.М.Лотмана, С.С.Аверинцева и других. Однако мы не можем еще считать решенной задачу построения категории типа культуры, а также типологизации развития русской культуры.

Л и т е р а т у р а

1. Э.С.Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, ч. II, гл. 2.
2. В.Е.Иванова. Методологические основания культурно-исторической типологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Л., 1976.
3. Д.С.Лихачев. Возрождение в средневековье, - Русская литература, 1973, № 4, стр. II5.
4. Ю.М.Лотман. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970, стр. 99.
5. М.С.Каган. Человеческая деятельность. М., 1974, стр. 238-246; его же: "Принципы построения историко-культурной типологии", - в "Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки", 1976, № 3.
6. З.И.Файнбург. Смена исторического типа культуры в условиях современности. - в "Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки", 1978, № I.

О ПРЕДМЕТЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

М.А.Варшавчик

I. Повышение интереса историков к проблемам методологии определяется рядом обстоятельств: расширением задач и возрастанием социальных функций исторической науки; необходимостью теоретико-методологического обобщения с марксистско-ленинских позиций накопленного исследовательского опыта; усиливающейся дифференциацией научного исторического знания и потребностью в связи с этим конкретизации методологических аспектов каждой отрасли этого знания, с одной стороны, и упрочения исходных методологических позиций науки в целом, с другой; обостре-

нием противоборства марксистско-ленинской и буржуазной историографии, которое все более отчетливо переносится в область коренных, мировоззренческих проблем.

Среди вопросов, привлекающих внимание исследователей и находящихся не всегда совпадающие ответы, — понимание самого предмета методологии исторической науки. Решение этого вопроса включает выяснение таких моментов, как отношение методологии исторической науки к историческому материализму, соотношение теории и методологии исторической науки, определение места методологии в системе исторической науки.

Для марксистских историков бесспорно признание исторического материализма, понимаемого как материалистическая теория общества и как диалектический метод познания исторического процесса, общей методологией всего общественно-знания и, в частности, исторической науки. На основе марксистско-ленинской философии формируются основополагающие принципы исторического познания, методы исторического исследования. Признанием исторического материализма всеобщим методом общественных наук и, следовательно, методологией исторической науки подчеркивается мировоззренческая сущность методологии, она выступает как мировоззренческая основа марксистской исторической науки. Исторический материализм служит критерием применимости специальных методик частных наук, специальных методов и приемов исторического исследования, дает им диалектико-материалистическое обоснование. Единство методологии всего общественно-знания, исходных принципов познания общества дает возможность использования в отдельных общественных науках методов смежных наук, что обогащает методологию каждой из них.

3. При всей принципиальной важности признания исторического материализма методологической основой исторической науки неверно просто отождествлять с ним ее собственную методологию. Такое отождествление как бы выводит методологию за рамки самой исторической науки, придает ей характер знания, вносимого в науку извне. Методология истории пред-

ставляется иногда в виде общих формул, лишь иллюстрируемых конкретным историческим материалом.

Методология истории строится на знании общих законов общественного развития и принципов их познания, даваемом историческим материализмом, и на знании конкретно-исторических форм действия этих законов, исторических закономерностей и способов их познания, даваемом самой исторической наукой, на ее теоретических положениях и выводах. Эти последние в процессе развивающегося познания превращаются в методологические, познавательные регулятивные принципы, которыми руководствуется историк. Методы исторического исследования определяются содержанием самой исторической науки, ибо метод, по выражению Гегеля, одобренному В.И. Лениным, — "душа и понятие содержания" (I, 328).

В исторической науке, как и в общей социологии, теория и метод выступают в единстве, теория в процессе познания выполняет методологическую функцию. Применительно к социологии это положение хорошо известно, оно неоднократно подчеркивалось самими создателями материалистического понимания истории (2, 529; 3, 371). В этом смысле В.И. Ленин указывал, что "материализм — единственно научный метод социологии" (4, 438). Что касается исторической науки, то методологическая функция ее теоретических выводов раскрывается и используется, на наш взгляд, недостаточно. Всякая же тенденция рассматривать методологию той или иной науки вне связи с реальной диалектикой развития, изучаемой данной наукой, не может не привести к ослаблению разработки ее методологических проблем.

Между признанием исторического материализма методологией исторической науки и утверждением существования ее собственной методологии нет противоречия. Вернее, если и есть, то противоречие диалектическое, отмеченное еще Ф.Энгельсом, который писал, что в частных науках философия "одновременно преодолена и сохранена", преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию (5, 142).

Отношение между историческим материализмом и методологией исторической науки — это отношение общего и особенного.

Методология истории – та особенная форма исторического материализма, в которой он "участвует" в познании конкретно-исторического процесса. Иначе говоря, методология исторической науки – не какая-то отгороженная, независимая от исторического материализма область знания, но это и не всего лишь "частный случай" применения исторического материализма, как иногда пишут, а естественная, более того – единственно возможная форма существования единой марксистско-ленинской методологии в исторической науке.

4. Установление связей между теорией и методологией исторической науки не означает стирания различий между ними. Прежде всего, каждая из них имеет свой предмет. Предмет исторической науки и, следовательно, системы ее теоретических обобщений составляют объективные закономерности развития человеческого общества. Предмет методологии – закономерности познания исторического процесса. Далее: социальные функции теории (самой исторической науки) намного шире одной лишь методологически-исследовательской функции. Теоретические выводы исторической науки, и в этом ее главное назначение, служат практически-политическим и идеологическим целям Коммунистической партии и Советского государства. Наконец, сами по себе теоретические выводы еще не есть методологические принципы науки. Первые превращаются во вторые только тогда, когда используются как регулятивные установки для дальнейшего исследования. Механизм такого превращения изучен слабо, но при всем этом ясно, что осмысление методологических возможностей, методологического значения теоретических достижений самой исторической науки для ее развития – важная задача каждого исследователя конкретно-исторических проблем.

Установление связи методологии науки с ее теорией, ее собственным содержанием позволяет увидеть специфику, особенности методологии отдельных исторических наук, имеющих своим предметом каждая определенный круг объективных исторических закономерностей, и, соответственно, свою систему теоретических выводов, отражающих эти закономерности. Более того,

открываются возможности разработки проблемной методологии, то есть изучения специфических методологических аспектов исследования крупных проблем исторической науки, в чем ощущается острая необходимость и сделаны лишь первые шаги. И снова же речь идет не о создании каких-то обособленных методологий, а о единой методологии, рассматриваемой на различных уровнях конкретности, о непрерывном процессе "восхождения от абстрактного к конкретному" (6, 727) в данной области знания.

5. Методология, имеющая своим предметом закономерности исторического познания (или познания исторического процесса, что одно и то же), есть диалектико-материалистическая теория исторического познания, учение о принципах и методах исторического исследования. Как "теория методов" она есть особая, специальная область научных исторических знаний. Но будучи областью знаний, призванной "обслуживать" историческую науку, обогащать ее познавательный арсенал, она может выполнять свою роль только при том, если не будет обособляться от исследовательской практики. Методология пронизывает всю работу историка, она определяет постановку исследовательской проблемы, направление поиска фактического материала, характер и уровень теоретических обобщений. Она реализуется в практике исследования и в таком своем качестве сама выступает как исследовательская, методологическая практика. Поэтому методологию следует рассматривать не только как учение о методах, но и как совокупность самих принципов и методов исторического исследования, реализуемых в историографической практике.

Сама по себе методология не решает задач исторической науки, они решаются всей наукой. Но она органически входит в ее систему и является мощным средством решения этих задач, развития всей исторической науки, выполнения ее социальных функций.

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 1.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12.

Г.В.ПЛЕХАНОВ О ФИЛОСОФСКИХ ПРИНЦИПАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В.Г.Осипов

1. Одной из актуальных проблем философии истории остается проблема принципиального обоснования исторических исследований и диалектической корреляции философских категорий и принципов с понятийной структурой исторической науки.

В этом отношении представляет интерес обращение к теоретическому наследию Г.В.Плеханова, который стоял у истоков марксистского обоснования и творческой разработки гуманитарного познания.

2. Обосновать ту или иную науку, значит, с одной стороны, показать, как в этой науке функционируют всеобщие философские принципы, с другой стороны, разработать категориальную структуру данной науки. Эти два уровня гносеологического анализа научной теории находятся в неразрывной связи.

3. Подчеркивая особую роль теории в исторической науке, Г.В.Плеханов доказывает, что "главная цель истории не излагать и описывать, а объяснять и понимать". Поэтому задачу социального исследования он видит в познании и объяснении исторических явлений с помощью философских и специальных принципов познания. Для него всеобщие философские принципы являются основными методологическими положениями в

области исторического познания. Их необходимость и важность для научного освоения действительности гуманитарией раскрывается в анализе механизма их познавательного действия и анализе форм, которые принимают философские принципы в теоретических конструкциях исторической науки.

4. "История человечества, — писал Г.В.Плеханов, — есть частный случай развития вообще. (Г.В.Плеханов. Избр. философ. произв. т. I, с. 485). Поэтому принцип историзма он рассматривал как конкретизацию принципа развития в социальном познании. Марксистский принцип историзма первый русский марксист образно называл "диалектическим динамитом", который сослужил "огромную службу в борьбе со старыми революционными предрассудками, и который явился неизбежным теоретическим продуктом нашего перехода на точку зрения развития". (Архив Дома Плеханова. Фонд I093, ед.хр. P20. Iа, л. 24). По отношению же к классовой позиции принцип историзма означивал переход исторической науки на точку зрения пролетариата.

5. Исходным общесоциологическим принципом гуманитарных наук явился принцип материалистического понимания истории. Пожалуй, ни какому другому принципу не уделял Г.В.Плеханов в своих работах столько внимания. По справедливому мнению его, в системе принципов исторического познания этот принцип занимает центральное положение; с помощью принципа материалистического понимания истории обосновываются большинство остальных специально гуманитарных принципов.

Этот принцип не указывает на причины отдельных исторических явлений, а указывает на то, как надо подходить к открытию этих причин. А это значит, что материалистическое обоснование истории имеет прежде всего методологическое значение. В одной из рукописей, хранящихся в ленинградском Доме Плеханова, Г.В.Плеханов записал: "Я хорошо помню с каким восторгом я показал П.Б.Аксельроду слова Энгельса:... "Нам не так нужны голые результаты, как изучение. Результаты без развития, которое ведет к ним — ничто; это мы уже знаем со времен Гегеля. А результаты, которые фиксируются как неиз-

менные и не кладутся в основу дальнейшего развития, хуже чем бесполезны. Смей думать, что в последующей моей литературной деятельности я никогда не позабывал этих замечательных строк". (АДП. Фонд I093, ед.хр. P20. Ia, л. 7-8).

7. Одной из существенных сторон диалектического метода является поиск и раскрытие конкретности в истине. Сущность принципа конкретности истины проявляется в требовании всестороннего исследования всех действительных качеств предмета в его конкретной пространственно-временной определенности. По мнению Г.В.Плеханова, этот принцип особенно важен в публицистике и исторической науке. Это обстоятельство заставляет его резко выступать против "закостенелости" понятий и метафизических принципов в области гуманитарных наук, "в которых стало привычкой произносить приговоры об явлениях, опираясь на тот или иной, раз навсегда принятый принцип..." (Г.В.Плеханов. Избр. философ. произв., т. III, с. 643.)

8. Г.В.Плеханов считал одним из необходимых условий истинности теорий в исторической науке их объективность. Раскрывая содержание принципа объективности исследования социальных явлений, он показывает сложную иерархическую структуру этого принципа, отражающего различные уровни субъектно-объектных отношений". Проблема объективности гуманитарного и исторического исследования выступает у Г.В. Плеханова как проблема определения возможностей и трудностей достижения истинного знания в общественном развитии.

9. Критикуя исторический идеализм с его невозможностью выработать объективное "мерило истины", он высказывает мысль о взаимодействии в сознании историка двух принципов: объективности и прогрессивной тенденциозности, а также об объективном критерии истинности исторических теорий. "Критерий истины лежит не во мне, а в отношениях существующих вне меня, — пишет Г.В.Плеханов, — ... истинно то историческое описание, которое верно изображает общественные отношения, существовавшие в описываемую им эпоху. Там, где историку приходится изображать борьбу противоположных общественных сил,

он неизбежно будет сочувствовать той или другой, если только сам не превратился в сухого педанта. В этом отношении он будет субъективен... Но такой субъективизм не мешает ему быть совершенно объективным историком, если только он не станет искажать те реальные экономические отношения, на почве которых выросли борющиеся общественные силы". (Г.В.Плеханов. Избр. философ. произв., т. I, с. 67I.)

Ю. Г.В.Плеханов тонко и глубоко ставит вопрос о партийности в философии. Эта общая оценка Б.А.Чагинным решения проблемы партийности в трудах Г.В.Плеханова подчеркивает необходимость анализа "тонкостей" его подхода к данному принципу. Особенность постановки этой проблемы у Г.В.Плеханова проявляется не столько в методологическом и логическом обосновании принципа партийности, сколько в вычленении социального и гносеологического аспекта в нем. Он включает в этот принцип исторического познания пролетарскую тенденциозность, прогрессивную идейность, объективность познания, соотносит его с другими исходными понятиями диалектической логики.

Научную ценность представляют его суждения о возможности разлада между отдельными идеологами и классом, общественную психологию которого они выражают. Г.В.Плеханов замечает, что подобный разлад вообще не редкость в истории: "Им объясняются весьма многие особенности в умственном и художественном развитии человечества". (Г.В.Плеханов. Указ. соч., т. III, с. 182.)

II. На наш взгляд, одной из характерных черт гносеологического подхода к рассмотрению объектов исторической науки у Г.В.Плеханова выступает единство исторического и логического. Он прекрасно знал воззрения Гегеля, сформулировавшего этот диалектический принцип, не раз обращался к анализу трудов Н.Г.Чернышевского, самостоятельно высказавшего догадку о том, что без истории предмета нет теории предмета, но без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах.

12. Г.В.Плеханов, используя в историческом познании философские принципы, стремился — и это черта его диалектичес-

кого стиля мышления — найти и показать границы распространения понятия; рамки меры, выход за которые превращает принцип в свою противоположность, а метод упрощается до искажения. Он отмечал, что правильного принципа недостаточно: нужно еще и умение правильно пользоваться им. Научность исторического мышления заключается не только в строгом следовании одному принципу, не только в правильном использовании его, но и в умении эффективно оперировать всей системой философских принципов, которые современная наука предоставляет в руки историка. В лекциях "Материалистическое понимание истории" Г.В.Плеханов заметил: "Нужно..., чтобы, оставаясь верным своему основному принципу, историк тщательно изучил все факты, предшествовавшие и сопровождавшие явление, которое он хочет объяснить. Основной принцип может и должен служить лишь путеводной нитью в анализе исторической действительности". (Г.В.Плеханов. Указ.соч., т. II, с. 637).

13. В дальнейшем основные философские принципы исторического познания: материалистического понимания истории, историзма, конкретности истины, объективности, партийности были гениально сформулированы и применены для анализа исторической действительности В.И.Лениным. Но игнорирование достижений Г.В.Плеханова в этой области значило бы,вольное или невольное, искажение ленинского этапа в развитии философии, который развивался вслед и параллельно развитию философии истории в трудах учеников и соратников К.Маркса и Ф.Энгельса.

О ДВУХ ЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ОДНОИМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ В ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМАЦИЙ

В.П.Илюшечкин

1. Понятие "общественная формация", представляющее собой логическую систему жестко детерминированных категорий, призвано отображать в нашем сознании средствами логики и аб-

страгирования наиболее глубокую сущность стадийного процесса развития общества. Оно позволяет мысленно воссоздавать в абстрактной, обобщенной, идеализированной и логически упорядоченной форме структуру общественных отношений и общественного строя на той или иной стадии развития общества и потому служит важнейшим познавательным инструментом при рассмотрении многообразной исторической действительности, позволяя выделять в ней наиболее существенные признаки и звенья данной общественной структуры. Иначе говоря, это — сложная содержательная научная абстракция, реальный аналог которой не существует в действительности сам по себе, т.е. вне и отдельно от исторической конкретики. Такие абстракции выводятся из конкретной действительности только с помощью метода отдельного-особенного-общего, т.е. путем сопоставления и сравнительного изучения всего ряда однотипных объектов в определенных аспектах. Этот метод поэтому является одной из важнейших методологических основ теории формаций.

2. Однако он совершенно игнорируется, когда речь заходит о добуржуазных классовых обществах и неосознанно подменяется давно устарелой и произвольной методологией "эталонов" ("классических образцов"), при которой некоторые страны древней и средневековой Зап.Европы заранее, априорно и произвольно принимаются за некие "эталоны" ("классические образцы"), будто бы являющиеся наиболее полным и адекватным воплощением общих закономерностей развития общества в эпоху древности и средневековья. По этим "эталонам" принято определять стадийную (формационную) принадлежность всех остальных, "неклассических" и "неэталонных" добуржуазных классовых обществ. Иначе говоря, за глубинно сущностное абстрактное общее здесь неправомерно принимается специфика конкретно-исторического развития некоторых стран Зап.Европы, а за особенное — специфика всех остальных добуржуазных классовых обществ, рассматриваемая относительно специфики указанных стран; один уровень познания здесь неосознанно подменяется совершенно иным. Вполне понятно, что при таком методе отпадает необходимость в спе-

циальных исследованиях для выявления общего и особенного, поскольку первое из них заранее, априорно и произвольно дается в "эталонах", а второе — в "неэталонах".

3. Эталонный подход имел самое широкое распространение в европейской науке XVIII — первой половины XIX в. В то время уже возникла историческая социология и появился целый ряд концепций стадийной общественной эволюции (концепции А.Тюрго, С.Е.Десницкого, А.Барнава, Ж.Кондорсэ, А.Сен-Симона, Г.Гегеля, О.Конта и др.), но тогдашняя историческая наука еще не располагала сколько-нибудь достаточными данными для сравнительного изучения хотя бы большинства добуржуазных классовых обществ в социально-экономическом плане, т.е. для применения метода отдельного-особенного-общего в социологии и политэкономии добуржуазных классовых обществ. В значительной мере именно поэтому эталонный подход стал методологической основой домарксовых концепций стадийной общественной эволюции. В них за "эталон" стадийного развития общества принимались те страны Зап. Европы, история которых была более или менее известна тогдашней науке и только потому, что она была более или менее известна, тогда как социально-экономическая история огромного большинства других народов представлялась тогда европейским ученым областью для далеко не всегда удачных догадок, предположений и домыслов¹.

4. В значительной мере именно на переосмыслении некоторых из предшествующих концепций стадийного развития общества в духе материалистического понимания истории Маркс создал свою схему общественных формаций. В части, касающейся добуржуазных классовых обществ, она по необходимости унаследовала эталонную методологию, поскольку и во времена Маркса наука еще не накопила достаточных данных для применения метода отдельного-особенного-общего при изучении социально-экономической истории добуржуазных классовых обществ. В этом нетрудно убедиться хотя бы при беглом ознакомлении с уровнем развития исторической науки в то время. Однако, этим, к сожалению, никто и никогда не занимался

специально, поэтому указанное обстоятельство остается в тени. Именно поэтому же теория общесетвенных формаций продолжает базироваться фактически на двух взаимоисключающих методах: на научном методе отдельного-особенного-общего в части, касающейся первобытнообщинной, капиталистической и коммунистической формаций, и на допотопном эталонном подходе в части, касающейся добуржуазных классовых обществ. Вследствие этого в логической системе категорий теории формаций одни и те же одноименные категории отображают глубинно сущностное абстрактное общее для одних формаций и нечто отнюдь не глубинно сущностное и не абстрактное общее — для других.

5. Сказанное можно пояснить на примерах, относящихся не только к теории формаций, но и к политической экономии, на исследования и выводы которой должна всецело опираться эта теория, поскольку она исходит из материалистического, а следовательно, и из экономического понимания и объяснения истории. Вообще говоря, политэкономические исследования и обоснования каждой из стадий общественного развития составляют важнейшую и необходимейшую часть материалистического понимания и объяснения истории. Без них оно будет далеко не полным, не глубоким и оставляющим достаточный простор для всевозможных вульгаризаторских и идеалистических толкований исторического процесса. Соотношение между наукой исторического материализма и политэкономией должно быть таково, что первая из этих наук сначала выдвигает лишь гипотезу той или иной формации. Затем эта гипотеза обязательно должна быть проверена специальными политэкономическими исследованиями на основе методологии отдельного-особенного-общего. И только лишь после такой проверки, подтверждающей либо отвергающей гипотезу, создается научно обоснованная теория той или иной формации, целиком опирающаяся на соответствующие политэкономические исследования и вытекающая из них. Именно так была создана Марксом научная теория капиталистической формации. И точно так же была создана советскими учеными научная теория социалистической фазы развития

коммунистической формации. Иначе обстоит дело с рабовладельческой и феодальной формациями: политэкономия этих формаций до сих пор по существу не создана² и не может быть создана на базе эталонного подхода, положенного в основу формационной характеристики добуржуазных классовых обществ. Ее ныне заменяют попытки представить в качестве глубинно сущностного абстрактного общего то, что было специфично лишь для некоторых стран древней и средневековой Зап. Европы и описать это в терминах марксистской политэкономии.

6. Пример добуржуазных классовых обществ показывает, что теория формаций неспособна сама по себе, т.е. без непосредственной помощи политэкономии и без опоры на специальные политэкономические исследования, определить такие важнейшие категории как типы собственности на средства и условия производства, типы производственных отношений, типы и формы частнособственнической эксплуатации и т.д. Что значит, например, определить в экономическом плане, т.е. как экономическую (не правовую) категорию тип крупной частной либо общественной собственности на средства и условия производства? Это означает ни что иное, как определить тип экономической реализации этой собственности в процессе производства и распределения, т.е. определить тип распределения прибавочного продукта, обусловленный соответствующими распределением средств и условий производства (что опять-таки невозможно без специальных политэкономических исследований). Применительно к добуржуазным классовым обществам это означает определить тип отчуждения и присвоения прибавочного труда работников собственниками средств и условий производства, т.е. выяснить тип (способ) частнособственнической эксплуатации, а не ее формы, которые представляют лишь технологическую внешность, но не экономическую сущность отношений этой эксплуатации. Когда речь заходит, например, о капиталистической собственности, то она характеризуется в качестве особого типа эксплуататорской собственности вовсе не по форме эксплуатации, не по наемному труду, который имел некоторое распространение и в древних и в средневековых обществах, а

именно по типу экономической реализации ее в виде прибавочной стоимости. Именно так определял эту собственность Маркс в "Капитале". Точно так же и социалистическая собственность характеризуется в качестве особого типа неэксплуататорской собственности именно по типу экономической реализации ее в процессе производства и распределения.

Совершенно иначе обстоит дело с определением типа крупной частной собственности на средства и условия производства в добуржуазных классовых обществах. Она характеризуется вовсе не по типу экономической реализации ее, т.е. в данном случае не по типу (способу) частнособственнической эксплуатации, а по господствовавшим в некоторых странах древней и средневековой Зап.Европы формам эксплуатации, которые сами, в свою очередь, определяются опять-таки не по экономическому признаку, т.е. не по способам соединения работников со средствами производства, а по признаку сословно-правовому, по правовым различиям между сословием рабов в древнем Риме и сословием крепостных в средневековой Франции. А поскольку господствующий тип собственности на средства и условия производства служит основой при выведении таких категорий как типы производственных отношений, способы производства и т.д., то оказывается, что все эти категории для добуржуазных классовых обществ определяются вовсе не по экономическому признаку, как должно быть, а по признаку правовому, либо какому угодно, но только не экономическому.

7. Из сказанного следует, что в теории формаций неосознанно применяются вовсе не одна, а целых две, одинаковых по внешности, но различных по своему существу, логических системы одноименных категорий: одна — основанная на методе отдельного-особенного-общего и на экономических признаках и применяемая при формационной характеристике доклассовых, капиталистических и социалистических (коммунистических) обществ, и другая — основанная на эталонном подходе и правовых признаках и применяемая при формационной характеристике добуржуазных классовых обществ.

Однако ни одна научная теория не может базироваться

сразу на двух взаимоисключающих методологических принципах и на двух внешне одинаковых, но в сущности различных логических системах одноименных категорий. Следовательно, вопрос заключается в том, что действительно необходимо избавить теорию формаций от допотопного эталонного подхода и от применения правовых признаков вместо экономических при выведении соответствующих категорий. Но тогда окажется, что для всех без исключения добуржуазных классовых обществ характерны: один и тот же господствующий, рентный тип (способ) частнособственнической эксплуатации, один и тот же рентный тип эксплуататорской собственности на средства и условия производства, для которого характерна экономическая реализация в виде различных разновидностей докапиталистической ренты (земельной или арендаторской, земельно-личностной или крепостной, и личностной или рабской и оброчно-невольнической)³ и, следовательно, один и тот же рентный тип производственных отношений и один и тот же рентный способ производства. Иначе говоря, если схема формаций будет строиться на единой основе метода отдельного-особенного-общего, — а она должна строиться именно на такой основе, — то она окажется не пятичленной, а четырехчленной. Не останавливаемся на этом вопросе, поскольку он так или иначе освещался нами в ряде публикаций⁴ на основе многолетнего исследования проблем социологии и политэкономии добуржуазных классовых обществ именно в плане метода отдельного-особенного-общего.

¹ Примером может послужить картина развития древневосточных обществ, изображенная Гегелем в его "Философии истории" и характеризуемая современными историками как "фантасматическая и искаженная". См. В.И.Авдиев. История древнего Востока, М., 1953, стр. 12.

² Один из экономистов еще в 1934 г. писал о "консерватизме" наших ученых в осознании важности и необходимости изучения докапиталистических обществ в политэкономическом плане и отмечал, что "в теории докапиталистической экономики многое еще по настоящему не разработано" (А.И.Пашков, Вопросы экономической науки, М., 1973, стр. 441 и 454). С тех пор положение существенно не изменилось.

³ См. об этом подробнее: В.П.Илюшечкин, Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени. М., 1971; ато же, О господствующих способах эксплуатации в древнем и средневековом Китае, - в сб. "Китай: государство и общество", М., 1977.

⁴ См., напр., "Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции", М., 1970; "Проблема второй основной стадии развития общества в свете истории Китая" (в сб. "Китай: общество и государство", М., 1973); "Общее и особенное в развитии добуржуазных классовых обществ" (в сб. "Социальная и социально-экономическая история Китая", М., 1979); "К вопросу о формационной характеристике древнего и средневекового общества в Китае" (в том же сборнике).

ПОНЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

А.И.Уваров

Проблема исторического опыта сложная и мало разработанная в философии истории. Исторический опыт - основополагающая категория исторической науки. Она тесно связана со всеми понятиями исторической науки, являясь тем отправным пунктом, опираясь на который можно изложить всю систему ее категорий. Данная категория используется историками на всех уровнях исторического исследования.

Было бы естественным считать основной категорией исторического познания категорию исторической реальности, которая действительно является фундаментальной категорией исторической науки. Однако специфика исторического познания заключается в том, что определяющей категорией исторической науки служит исторический опыт в широком смысле этого слова, через призму которого историческая реальность и предстает в исторической науке. Это видно уже из того, что историческая реальность тесно связана с сознанием. Будучи актуальной действительностью историческая реальность создавалась мыслящими людьми, а став прошлым, она сохраняется как познанная действительность или как нечто зафиксированное в сознании людей, или как-то, что может быть познано и учтено

в настоящем, т.е. как определенный исторический опыт. Конечно, любая современность сохраняет часть прошлого, как из материальной, так и духовной сферы, но прежде всего прошлое включается в настоящее в форме исторического опыта. Кроме того, все атрибуты исторической реальности, как-то: историческая закономерность, причинность, общее и специфическое в истории, историческое время, пространство и т.п. — все они также входят в исторический опыт, хотя бы в сжатом виде, ибо исторический опыт по своей природе и при условии его правильного понимания конкретен, берется с учетом времени и пространства, содержит общее и специфическое, необходимое и случайное.

Исторический опыт — общесоциологическая категория и с этой точки зрения она выступает как философская категория, обладает признаком всеобщности по отношению ко всем объектам социального познания, включается в систему категорий всех гуманитарных наук, хотя и в разной мере и форме, и с разной степенью значимости.

Исторический опыт служит онтологической основой для единства исторического и логического подходов в познании социального прошлого, позволяет представить историю в более теоретическом виде, поскольку данная категория в отличие от категории исторической реальности не предполагает отражать исторический процесс во всех его конкретных проявлениях.

Отсюда, категория исторического опыта синтетична, многоаспектна. Она в концентрированном виде выражает синтетичность исторического познания и гуманитарного в целом. Синтетичность категории исторического опыта проявляется, в частности, в том, что историческая истина включает в свое содержание оценку, которая может выступать как объективным, так и субъективным элементом исторической истины. Исторический опыт служит онтологическим основанием такого включения оценки в историческую истину и в определенной степени любой гуманитарной истины, поскольку исторический опыт при своем использовании оценивается и анализируется субъектом.

Если же поставить вопрос шире, то следует подчеркнуть, что исторический опыт во многом определяет синтез в реальном историческом процессе и дает возможность понять целый ряд существенных его сторон. Синтез в истории совершается как во времени, так и в пространстве, как по вертикали, так и по горизонтали. Он имеет прямое отношение к преемственности в истории, повторению и заимствованию; синтез является важным условием образования общего в историческом процессе, необходимого, закономерного в истории, в том числе общественно-экономической формации. Исторический синтез способен быть причиной появления того или крупного социального явления.

Занимая центральное место в системе категорий исторического познания, категория исторического опыта особенно тесно связана с принципами и категориями диалектического и исторического материализма, в первую очередь с принципами развития, материального единства мира, принципами объективности, партийности, историзма, конкретности и другими. Через эту категорию в историческое познание и гуманитарное познание в целом в значительной степени и входит принцип историзма и другие принципы материалистической диалектики. Более того, категория исторического опыта является важным условием их реализации в гуманитарном исследовании.

"Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь α) исторически; β) лишь в связи с другими; γ) лишь в связи с конкретным опытом истории", — пишет В.И. Ленин (В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329).

Сложное взаимоотношение существует между историческим опытом и социальным опытом вообще. Если под последним понимать опыт всего человечества как в прошлом, так и настоящем, тогда в этом случае исторический опыт составляет только часть социального опыта и категория исторического опыта будет уже категорией социального опыта, она предстает более конкретной категорией. Если же социальный опыт рассматривать только как опыт современности, то исторический опыт

окажется более широким понятием, поскольку в его содержание войдет тогда и опыт прошлого, и настоящего, хотя бы уже в силу связи между прошлым и настоящим.

Следовательно, исторический опыт — это прежде всего такое прошлое, которое в той или иной форме включено в настоящее как один из элементов его, причем, обязательных структурных элементов.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТА ИСТОРИИ

А.С.Ахиезер

I. Всемирно-исторический процесс развития человечества выступает перед глазами историка в двух как будто включающих друг друга формах. С одной стороны, история человечества есть стихийный неуправляемый процесс. Человеческая история, "социальное развитие — это в некотором роде такой же бессознательный процесс, как и эволюция животного мира"¹. Но с другой стороны, практика, человеческая деятельность как в ее всеобщей, так и в особенных формах есть творческая деятельность человека формирующего свои цели и борющегося за их реализацию.

Человек, следовательно, может рассматриваться как объект истории, как объект стихийных сил, как игрушка новшеств, возникающих в результате бесконечных противоречий в обществе, между обществом и природой. Но одновременно человек творческий субъект, творец истории, сила, осваивающая овладевающая общественным процессом, окружающим социальным и природным миром. История человечества, следовательно, может рассматриваться с одной стороны, как стихийный процесс, а, с другой стороны, как результат творчества людей.

Без разрешения этой антиномии невозможно понять смысл и скрытие пружины человеческой истории.

2. Очевидно существование этой антиномии истории есть не только результат двух возможных взглядов, концептуальных подходов к историческому процессу. Сами разные взгляды стали возможными в результате того, что в человеческой истории каким-то образом создаются предпосылки для той и другой точки зрения.

3. Антиномия всемирно-исторического процесса развития человечества возникла вместе с появлением человека, общества, самой человеческой деятельности, ее специфических закономерностей. Антиномия субъекта истории возникает из антиномии самой человеческой деятельности. Последняя заключается в том, что сама деятельность человека выступает в двух противоречивых аспектах. С одной стороны, она — стихийно сложившийся результат прошлого развития, она то, что индивид застает при своем рождении и то, что должно быть им освоено как нечто навязанное. Но с другой стороны, эта деятельность и есть живая творческая функция самого человека, его специфическая общественная форма жизни. Здесь открывается специфика человека, специфика социальной формы движения, его отличие от иных форм движения, например, биологической. Маркс писал: "животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта жизнедеятельность. Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания"². Специфика человека в его способности превращать себя, свою деятельность в предмет своей деятельности, в свою проблему. Отсюда способность человека к творчеству. "Творчество есть историческая активность людей, непрестанно раздвигающая границы возможностей их человеческого развития"³. Творчество включает, следовательно, рефлексивную обращенность человека на самого себя, превращение собственной деятельности в особый предмет постоянного развития, совершенствования. Человеческая деятельность, взятая в ее всемирно-исторической всеобщности, есть возрастающая творческая рефлексивная способность к самоизменению, к совершенствованию, к овладению законами собственного развития.

4. Это позволяет перейти от рассмотрения истории в свете двух противоположных точек зрения к осмыслению проблемы субъекта истории. Способность человека осваивать свою собственную деятельность, превращать ее в собственный предмет тождественна способности развивать свои собственные практические способности. Это многоплановый всемирно-исторический процесс включающий, например, творческое развитие способности превращать окружающую человека среду, во-первых, в условия существования, во-вторых, в средство достижения целей, в-третьих, в цель, т.е. расценивать воспроизводство среды как элемент цели воспроизводства общества. В этом одно из проявлений развития практики, развития человеческой истории⁴. Исторический процесс развивается от осмысления окружающего мира как навязанного условия к возникновению цели — развивать этот мир как мир человека. Тем самым раскрывается общее направление разрешения антиномии истории. История есть практический процесс преодоления человеком своей собственной исторической ограниченности, творческое преодоление оценки внешнего мира, самой деятельности как чего-то внешнего, чуждого человеку, как стихийной силы господствующей над человеком.

5. Важнейший элемент этого практического процесса снятия антиномии человеческой истории заключается в развитии, в саморазвитии самого субъекта исторического процесса. Субъект, однако, также антиномичен. С одной стороны, в качестве субъекта истории может быть рассмотрено общество в целом. Им может быть большие коллективы, группы людей, например, классы, совокупность действующих в обществе индивидов⁵. Такая точка зрения опирается на то, что общество есть организованная система действия. Люди, чтобы жить и действовать объединяются в государство, общины, организации, партии и т.д. Однако в качестве субъекта истории может рассматриваться и личность. Это положение вполне правомерно в связи с тем, что вообще вся история осуществляется в результате действия отдельных личностей. Эта антиномия также разрешается в процессе развития человеческой деятельности, совершенствования творческих рефлексивных способностей.

6. Одно из определений субъекта гласит, что он "есть реальность, разворачивающаяся через свои внутренние противоречия"⁶. Если движущий силой биологической эволюции является противоречие между популяцией и средой, то движущую силу общественного развития следует искать внутри общества. Это требует анализа общественного субъекта как противоречивого единства, с одной стороны, общества, различных объединений и, с другой стороны, личности. Между тем и другим постоянно возникает противоречие. Одно из объяснений этого заключается в том, что человек "будучи включенным в общественные связи и отношения, он в то же время индивид, обладающий собственным "Я", индивидуальным самосознанием"⁷. Исторически это индивидуальное самосознание общественно необходимо прежде всего для того, чтобы каждый индивид появившись на свет сумел вписаться в социальное целое, включиться в систему общественных отношений. Без этого никакое общество не могло бы существовать. Тем не менее, противоречие между обществом и личностью остается, не только потому, что это стремление раствориться в целом всегда незавершенно в связи с тем, что постоянно изменяются условия в которых люди включаются в целое. Это порождает новые потребности, которые мешают личности включиться в целое так, как это требует сложившаяся культура, старые обычаи, вся давно сложившаяся система общественных отношений. Личность, стремясь примирить новые обстоятельства и старые требования, вольно или невольно создает новшества, вносит свою интерпретацию в сложившуюся культуру, систему отношений. В архаическом обществе это был единственный способ создания новшеств.

Для первых исторических этапов развития субъекта характерна концепция общественных сил с целью максимально включить личность в сложившуюся систему отношений. Люди полагали, что общество государство создано не ими, и, следовательно, не может быть ими изменено. Например, для раннего средневековья были характерны социальные условия "при которых общество и член общества могли ожидать упорядочения, умиротворения, оформления своей жизни только из-за пределов своей "природы"⁸. Тем самым человеческая деятельность сама высту-

пала как стихийная сила истории.

Дальнейшее развитие субъекта истории связано со способностью личности вычленить сначала технологические, а затем и организационные отношения, что связано с отказом рассматривать эти отношения как нечто извечное, с ростом стремления развивать их и совершенствовать⁹. Тем самым произошли важнейшие качественные сдвиги в субъекте истории. Личность существенно расширила возможность творчества развивая свои возможности совершенствовать технологические и организационные отношения. Рост значимости личности неотделим от роста потребности в новшествах. Тем самым значительно возросло влияние личности на историю, хотя сами новшества не перестали быть фактором стихийных процессов.

7. Следующий этап развития субъекта истории связан с социализмом, т.е. с обществом, где человек ставит под свой творческий контроль всю совокупность своих общественных отношений. В Конституции СССР записано, что одной из главных задач социалистического государства является "совершенствование социалистических общественных отношений".

8. Следовательно, в конечном итоге антиномия субъекта всемирно-исторического процесса разрешается в творческом саморазвитии общества, в процессе которого история имеет тенденцию превратиться из стихийного в процесс находящийся под контролем "коллективного человека, ассоциированного производителя". Это происходит посредством расширения, углубления рефлексивной способности человека, превращать последовательно одну за другой разные формы общественных отношений в управляемые, превращать эти отношения из унаследованных от прошлого условий в сферу личной ответственности, превращать их воспроизводство в цель. Это, в свою очередь, связано с возрастанием значимости личности, как источника новшеств, творческих решений.

Субъект истории, следовательно, не остается неизменным. История бесконечный далеко не равномерный процесс развития личности как субъекта исторического процесса.

9. Рост значимости личности, однако, превращается в реальный исторический процесс не непосредственно, но лишь

в том случае, если ее новшества принимаются массами, если массы вносят соответствующие изменения в культуру, делают эти новшества всеобщими.

Л и т е р а т у р а

1. Дж.Льюис. Человек и эволюция. М., 1964, стр. 148.
2. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 42, стр. 93.
3. Г.А.Давыдова. Творчество и диалектика. М., "Наука", 1976, стр. 22.
4. См. подробнее А.С.Ахиезер. Социальная философия марксизма и экологические проблемы. В кн.: "Социальные проблемы экологии и современность". М., "Наука", 1978, стр. 60-62.
5. См. Е.А.Самарская. Понятие практики у К.Маркса и современные дискуссии. М., "Наука", стр. 124, 127, 135-136.
6. Э.В.Ильенков. Диалектическая логика. М., Политиздат, 1974, стр. 240.
7. Г.Г.Дилигенский. Исследование человеческих потребностей: проблемы, методы, гипотезы из кн. "Будущее науки", М., 1978, стр. 213.
8. С.С.Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М., "Наука", 1977, стр. 26.
9. А.С.Ахиезер. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. М."Наука", 1974, стр. 59-65.

СОВРЕМЕННОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Н.И.Смоленский

Прошлое выразимо логически, т.е. в форме научных понятий, причем, оно доступно познанию в такой степени, что это обеспечивает как правило потребность общества в знании прошлого в связи с решением встающих перед ним практических задач. Практическую значимость исторического познания нельзя

объяснить, исходя из частных интересов самого историка к изучению того или иного вопроса. Поскольку в действительности, как и в исторической науке речь идет об обществе, а не об отдельном индивидуе, об отношениях людей в общественной жизни, потребность в знании истории носит практически-политический, социальный характер. Конечно, общественная потребность в знании прошлого реализуется прежде всего через деятельность историка — через его социальные позиции и те результаты, к которым он приходит, но эта потребность носит объективный, не зависящий от сознания историка характер. Нет и не может быть исторической эпохи, которая практически и духовно была бы независима от прошлого. С момента разделения общества на классы то или иное понимание прошлого поэтому стало предметом острой идеологической борьбы, причем, обосновывая свое понимание прошлого, социальные силы имеют в виду интересы отстаиваемой ими тенденции развития в условиях современной им действительности. Связь познания прошлого с современной историкой действительностью, принимающая форму того или иного общественно-значимого интереса к прошлому, является важнейшей закономерностью развития исторической науки с момента возникновения последней. Для нас эта связь дает поэтому отправной пункт изучения вопроса о природе исторических понятий. История общества и развитие исторической науки свидетельствуют о том, что каждая эпоха создавала свой образ прошлого и свое представление о собственном месте в истории. Главной движущей силой исторического познания является общественная потребность в его результатах. Прошлое переписывается наново прежде всего в силу возникновения новой потребности, которая всегда конкретна, принимая самые разнообразные формы и значение в зависимости от того, исходит она от реакционных или прогрессивных сил и классов. В историческом исследовании речь идет о реализации общественного интереса к прошлому на научной основе в пределах, предоставляемых уровнем развития исторической науки в каждую эпоху, но не только этим. Познавательный образ в историчес-

ком исследовании имеет логическую природу, т.е. предполагает использование научных принципов и категорий. Вместе с тем важно подчеркнуть, что степень научности изучения прошлого не является величиной, безотносительной к характеру самой общественной потребности и развитию общества в целом. Для объективной значимости результатов исторического исследования отнюдь не безразлично то, какие именно общественные силы, классы, борющиеся между собой тенденции в историческом развитии обращаются к прошлому. Поэтому прогрессивное развитие общества в целом повышало степень адекватности результатов исторического познания, хотя эта связь отнюдь не являлась прямолинейной. Превращение истории в подлинную науку, основывающуюся на материалистическом понимании истории, было подготовлено развитием общества. Таким образом, логика развития науки диктуется объективной логикой, развитием исторического процесса, будучи непосредственно связанной с современной историкой действительностью, хотя в истории исторической науки широкое распространение получил миф о науке ради самой науки.

Запросы к познанию прошлого тем более значительны и многообразны, чем более богатой и многосторонней является социальная практика людей. Поэтому, в частности, периоды важных общественных перемен, активной борьбы общественно-политических сил являются одновременно и важными страницами в истории исторической науки; эти периоды в большой степени продвигают вперед познание прошлого, создавая новые направления исторических исследований.

Целенаправленный, т.е. заданный современностью подход к прошлому свидетельствует о том, что оно не предстает перед историком в качестве некоего хаотического и иррационального состояния, в котором он бессилен разобраться. Историк способен не только ставить по отношению к прошлому вопросы, но и получить на них определенные ответы, выражая результаты познания в логически-рациональной форме, в форме научных понятий. То, что создаваемый историком познавательный образ лишь приближенно отражает действительность, свидетельствует о сложности процесса познания, его незавершен-

ности в каждый данный момент, но это не исключает ни возможности самого познания, ни научности его результатов. Частные результаты исследования, как и познавательный образ того или иного явления в целом могут быть проверены, в той или иной мере подтверждены или опровергнуты.

Конечно, история исторической науки свидетельствует о том, что социальная потребность в знании прошлого может быть реализована на основе как научного, объективно-истинного, так и антинаучного или ошибочного в той или иной мере подхода к прошлому. Поэтому факт реализации этой потребности сам по себе не является свидетельством в пользу истинности соответствующих результатов исторического исследования.

Общественная практика, жизнь является конечной основой, отправляясь от которой, можно отчетливо увидеть предметный, объективный характер исторических понятий или, напротив, их несоответствие действительности. К понятиям, как и к познавательному образу в целом, в исторической науке применимы следующие слова Энгельса: "Если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидаем от ее употребления, — тогда мы имеем положительное доказательство, что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадает с существующей вне нас действительностью"¹⁾. Конечно, исследователь обладает относительной свободой выбора познавательных средств, в том числе исторических понятий. Но эта свобода может быть правильно понята лишь с учетом, во-первых, их обусловленности предметом исследования, во-вторых, в свете поступательного развития истории, критерия общественной практики, обнажающего их пригодность или, напротив, несостоятельность именно как познавательных средств.

Источником социально-классового подхода историка к прошлому является его собственная действительность. Обуславливает ли она понятийный аппарат его мышления? Поскольку современность оказывает решающее влияние на выбор историком темы, предмета исследования, она обуславливает вмес-

те с тем и определенную совокупность понятий. Прошлое многообразно, но современность выдвигает в нем — в качестве предмета исследования отдельного историка или целого направления — те его грани, которые являются социально значимыми в условиях современности. В любом акте исторического мышления прошлое и современность в этом смысле активно взаимодействуют; познавательный образ, создаваемый историком, является результатом такого взаимодействия. В этом взаимодействии научные понятия имеют прочную объективную основу: их совокупность соответственно предмету исследования определяется современностью, их содержание коренится в объективной реальности прошлого; понятия не могут быть ничем иным, как большим или меньшим приближением к нему. У историка нет иной основы для изучения прошлого, кроме его собственной эпохи. Далеко не всегда прошлое связано в непосредственной форме с современностью, чаще этого, особенно в отношении далекого прошлого, даже не бывает, но в любом случае современность является исходным пунктом познания прошлого. Она определяет не только направление исследований и логический аппарат мышления, но и язык историка в целом, т.е. совокупность научных понятий в сочетании с современным ему литературным разговорным языком. Очевидно, что в этом отношении историк лишен выбора, ибо он может рассказывать о прошлом только языком современной ему разговорной среды. Язык — это одна из неотъемлемых черт современной историку эпохи и от него он так же мало может отказаться, как и от своей принадлежности к ней. Уже по этой причине историк не в состоянии описать прошлое только в терминах самого прошлого. Исторические понятия, как и язык в широком смысле слова, развивается вместе с развитием общества, вследствие его содержание исторического понятия никогда не ограничивается тем, что в нем перерабатываются представления эпохи о самой себе, т.е. содержанием соответствующих терминов и понятий, которые историк находит в исторических источниках. Это, конечно, не значит, что сами эти термины лишены объективного содержания. Например, понятие свободы в варварских правдах, категория времени в се-

средние века, безусловно, объективны, но исторические рамки их применения вполне определены.

Современность оказывает большое влияние не только на общую направленность исследования, совокупность его категорий, но и на их содержание. Понятие является средством, с помощью которого историк овладевает материалом источников. Приступая к исследованию, историк должен располагать этим средством, т.к. предмет исследования становится реально мыслимым лишь при наличии известной совокупности понятий. Следовательно, с логической точки зрения мышление историка, приступающего к изучению избранной темы не является чем-то вроде *tabula rasa*. По отношению к развитию исторической науки в целом это, конечно, не означает, что понятия создаются до начала всякого исследования или вне его. Понятия вообще не привносятся в познание извне, они складываются в соответствии с опытом его развития в каждой области, в том числе в области исторического исследования.

И.К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.22, с.303-304.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Р.И.Эпштейн

Пространство и время — всеобщие формы движения материи. Но как материя вообще, так и движение есть предельные философские абстракции. Такими же предельными абстракциями являются категории пространства и времени. Как известно, наполнение содержанием этих абстракций начинается с движения от понятий материи и движения вообще к логике развертывания движения в конкретных его формах. Согласно энгельсовской классификации социальная форма, как высшая форма движения материи, весьма далеко отстоит от той его формы, которая описывается физической наукой. Прекрасно понимая несводимость социальной формы движения к низшим его формам,

мы, как это ни парадоксально, могли долгое время совмещать это понимание с тем, что анализировали высшие формы используя пространственно-временную структуру физического уровня организации материи. Между тем, как элементарная логика подсказывает, что каждому уровню движения материи не может не соответствовать специфическая пространственно-временная форма.

Впрочем, все более серьезно занимается наука биологическим, геологическим, психологическим временем. Серьезное внимание стало уделяться вопросу исторического времени и особенно, проблеме исторического восприятия времени (4). Меньше (и по количеству работ и по глубине анализа) разрабатывается проблематика социального пространства (5,7). Хотя в ряде работ и высказывалась мысль о существовании пространственно-временных форм движения общества (5,7,8), тем не менее еще можно встретить точку зрения о том, что понятия социального времени и пространства не имеют принципиального познавательного значения (2,3). Нам представляется такая точка зрения глубоко ошибочной. Более того, назрела необходимость основательной разработки этих понятий как фундаментальных категорий исторического материализма, без чего дальнейшее его развитие, и в особенности развитие частных наук, касающихся в своем анализе тех или иных аспектов социального пространства и времени, было бы значительно затруднено. Так, определенно нуждаются в некоем общем понимании социального пространства исследования по урбанизации (10). Все более актуальной с разных сторон становится проблематика социального пространства для социологии города, для регионального социального планирования, для социологии культуры, истории культуры, этнографии и др. наук.

Каким образом мы должны определить объективное содержание категорий социального пространства и времени, подсказывает общий подход к пониманию пространства и времени, сложившийся в диалектическом материализме. Пространство и время, как известно, являются всеобщими универсальными формами бытия материи. Категория пространства выражает протяженность и порядок сосуществования, координацию материальных

объектов относительно друг друга; категория времени — длительность и характер смены состояний движущейся материи. Соответственно, социальное пространство и время суть общие формы бытия материи на ее социальном уровне. Время как смена состояний в обществе реализуется как смена общественно-экономических формаций, эпох, этапов, стадий общественно-исторического развития. Что же касается пространства, т.е. порядка сосуществования, координации материальных объектов, то для общества такими объектами выступают целостные социальные системы, затем социальные группы разной степени общности и, наконец, отдельные индивиды. Координация же социальных объектов между собой, их взаимосвязь, взаимодействие осуществляется как общение^{х)}.

Т.о., социальное пространство есть пространство общения, субъектами которого могут выступать целостные общественные системы, нации, различные социальные общности, классы, группы, личности. Социальное пространство, и в этом состоит его специфика в отличие от пространства физического, географического, измеряется не в одних километрах, милях, площадях и т.п., а и с помощью городов, сел, государств, стран, культур и т.д. "Единицей измерения в этом случае будет служить общественная система, воспроизводящая самое себя как нечно целое, относительно самостоятельное и самодеятельное" (9).

В зависимости от субъектов общения можно выделить уровень социального пространства. На наш взгляд правомерно выделение трех важнейших структурных уровней социального пространства:

а) субъекты общения — целостные социальные системы, относительно замкнутые; нации (как применяется этот термин в "Немецкой идеологии"). Т.е. речь идет о "внешнем" общении

х) Мы исходим здесь из понимания общения, изложенного Марксом и Энгельсом в "Немецкой идеологии" (I), где они различают "внешнее" общение как общение между нациями и "внутреннее" — внутри каждой нации.

(согласно терминологии в "Немецкой идеологии"). С таким уровнем связано социальное пространство в наиболее широком смысле (иногда применяется термин "историческое пространство") (б), т.е. пространство всемирного исторического процесса. Т.о. социальное пространство человеческого общества, взятого в целом, есть пространство "внешнего" общения между нациями, целостными общественными системами, исторически – конкретными общностями. Последние являются единицами измерения на данном уровне социального пространства. Это есть пространство, на котором в процессе "внешнего" общения (экономического, социально-политического, культурного) осуществляется всемирный исторический процесс. Именно на этом уровне необыкновенно ярко прослеживается теснейшая связь, неразрывное единство социального пространства и социального времени. Здесь речь идет об общесоциологическом плане понятия "социальное пространство".

б) субъекты общения – классы, социальные группы, в рамках каждой целостной общественной системы, различных ее подсистемах. Т.е. речь идет о "внутреннем" общении в рамках каждой такой общественной системы, нации. Для данного уровня социального пространства (социальное пространство некоторой общественной системы, социальной общности, нации...) единицами измерения будут города, села, центры культуры, т.е. узлы концентрации деятельности (материального производства, общения, культуры), существующие в рамках данной общественной системы. Здесь – конкретно – социологический план¹ понятия "социальное пространство".

в) Субъекты общения – индивиды, т.е. речь идет о межличностном общении, которое и определяет социальное пространство индивида. (Этим понятием охватывается сфера общения каждого индивида, объем социальных связей, взаимодействий с другими индивидами – как связей непосредственных, прямых, так и опосредованных, косвенных). На этом уровне рассматривается личностно-индивидуальный план понятия "со-

1) На этом уровне возможно проводить внутреннюю детализацию, сколь угодно подробную, вплоть до самых малых формальных и неформальных социальных групп.

циальное пространство". Очевидно, эти три уровня социального пространства входят в предметы различных наук. Если общесоциологический план понятия рассматривается философией, историей, конкретно-социологический, соответственно, прикладной социологией, урбанистикой, то третий, личностно-индивидуальный план этого понятия входит, видимо, в рассмотрение психологической науки.

Изложенное здесь понимание социального пространства дает возможность постановки и исследования новых конкретных и общих задач, как-то: соотношение социального пространства и времени; соотношение социального пространства и низших уровней пространственной организации материи, в частности, биологического, физического и др. пространств; внутренняя организация социального пространства, проблема прерывности-непрерывности; эволюция исторических форм социального пространства и силы общественного сознания и т.д. и т.п. Эвристическая ценность данной категории для исторического материализма, как и категории социального времени, представляется нам бесспорной.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Соч., т. 3.
2. Алибеков З.Г. Пространство и время. — Филос. науки, 1972, № 3.
3. Аронов Р.А. (Рец. на кн.:) Мостепаненко П.М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л., 1969. "Вопросы философии", 1970, № 1.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М. "Иск." 1912.
5. Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974.
6. Кэндзиро Янагиде. Философия истории. М., 1968.
7. Лой А.Н. Социально-историческое содержание категорий "время" и "пространство". Киев, 1978.

8. Сафронов И.А. Зависимость временных отношений от формы взаимодействия материальных систем. — Филос. науки. 1973, № 4.
9. Уваров П.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калининград, 1973, с. 128.
10. Яницкий О.Н. Социально-информационные аспекты урбанизации. М., 1970.

ТРАДИЦИОННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРМАЦИИ

В.П.Илюшечкин

1. Термин "эпоха" имеет в исторической науке два принципиально различных значения: 1) период протекания того или иного процесса, явления или события, по которому он выделен; в данном случае имеются в виду такие понятия как эпохи стадийные – формационные (периоды господства той или иной общественной формации) и межформационные (периоды перехода от одной формации к другой), а также периоды различных общепроцессов и региональных процессов, событий и явлений; 2) период, означающий грубо приблизительную степень отдаленности во времени тех или иных фактов и процессов от субъекта, рассматривающего их; это значение включает понятия традиционных исторических эпох древности, средневековья, нового и новейшего времени, а также всех иных периодов и исторических фактов, выделенных по признаку той или иной грубо приблизительной степени отдаленности во времени от субъекта, рассматривающего их. Термин "эпоха" нас интересует в данном случае только в значениях "формационные и межформационные эпохи" и "традиционные исторические эпохи" и притом лишь в их соотношениях между собой, а также с понятиями "общественно-экономические формации" ("основные стадии развития общества") и "промежуточные стадии развития общества".

2. Понятия "формационные и межформационные эпохи" и "основные и промежуточные стадии развития общества" тесно взаимосвязаны, поскольку служат целям рассмотрения одного и того же стадийного исторического процесса, но в двух различных аспектах соответственно: 1) конкретно-историческом и 2) абстрактно-логическом. Рассмотрение исторического процесса в плане формационных и межформационных эпох, т.е. в определенных хронологических рамках, означает мысленное вос-

произведение его в многообразной и неповторимой конкретике, во взаимопереплетении и взаимодействии самых различных процессов, явлений и событий, в их причинно-следственной связи и хронологической последовательности. Что же касается Марксовой теории стадийного (формационного) развития общества на основе стадийного же (ступенчатого) развития его материальных производительных сил, то она призвана воспроизводить в нашем сознании средствами логики и абстрагирования, на основе метода отдельного-особенного-общего, наиболее глубокую сущность стадийного процесса развития общества в ее очищенной от конкретики, идеализованной и логически упорядоченной форме. Членение исторического процесса на основные и промежуточные стадии развития сложилось в результате возникновения исторического материализма и марксистской политэкономии, позволяющих выявить наиболее сущностные черты и стороны указанного процесса, и является делением именно по его наиболее глубокой сущности.

3. Что же касается деления исторического процесса на традиционные исторические эпохи, то оно возникло на неизмеримо более низком уровне развития науки, задолго до появления идеи прогрессивного развития общества, исторической социологии и, тем более, концепций стадийной общественной эволюции. Оно было введено в историческую науку немецким историком К.Келлером (Целлариусом) в последней четверти XVIII в. взамен господствовавшего до того деления истории на 4 периода по времени существования "4-х великих империй" — ассиро-вавилонской, мидяно-персидской, греко-македонской и римской (включая средневековую "Священную Римскую империю германской нации"), — деления, которому, в свою очередь, предшествовала периодизация истории по библейско-евангельским событиям от сотворения мира богом за шесть дней и до грядущего "страшного суда". Оно всецело определялось тогдашним уровнем развития науки и было в сущности делением по наиболее бросающейся тогда в глаза ученым особенности западноевропейской исторической действительности — по сменявшим одну другую в качестве господствующих цивилизациям: античной, христианской католической (средневековой романо-гер-

манской) и буржуазной или "гуманистической" по тогдашним представлениям.

В деление западноевропейской истории на древнюю, средневековую и новую различные ученые сначала вкладывали содержание, не выходявшее за рамки циклических представлений о развитии западноевропейской региональной цивилизации. Лишь после появления в конце XVIII – начале XIX в. первых концепций стадийной общественной эволюции оно было переосмыслено некоторыми учеными в качестве членения по основным стадиям развития общества. В частности, А.Сен-Симон и вслед за ним О.Конт стали трактовать эпоху западноевропейской древности как стадию господства рабовладельческой формы эксплуатации, эпоху западноевропейского средневековья – как стадию господства крепостнической формы эксплуатации, а эпоху нового времени – как стадию господства эксплуатации наёмного труда. Вместе с тем, в соответствии с принятым тогда в буржуазной исторической социологии "эталонным" методом, западноевропейский вариант смены господствующих форм частнособственнической эксплуатации стал приниматься, как наиболее изученный, за "эталон" стадийной общественной эволюции вообще. А делению западноевропейской истории на три традиционные исторические эпохи постепенно был придан глобальный характер, что сделало его европоцентристским.

4. К.Маркс, разрабатывая схему способов производства и соответствующих им общественных формаций, переосмыслил в духе материалистического понимания истории сенсимоновскую схему трех стадий общественной эволюции по господствовавшим формам частнособственнической эксплуатации. Однако при исследовании им капиталистического способа производства обнаружилось, что типы производственных отношений и соответствующие им способы производства в классово-антагонистических обществах определяются отнюдь не по господствующим формам частнособственнической эксплуатации и не по правовым формам собственности ("античная", "феодално-иерархическая" и "свободная" капиталистическая), а только лишь по

экономическим типам эксплуататорской собственности на средства и условия производства, — типам, которые, в свою очередь, определяются по типам экономической реализации этой собственности в процессе производства и распределения, т.е. по господствующим типам отчуждения и присвоения собственниками прибавочного труда работников, или, короче, по типам (способам) частнособственнической эксплуатации. Но, в связи с отсутствием фундаментальных политэкономических исследований системы производственных отношений в добуржуазных классовых обществах, вопрос о типах (способах) добуржуазной частнособственнической эксплуатации остается неразработанным. Поэтому в нашей науке типы производственных отношений в этих обществах неправомерно определяются по господствующим формам частнособственнической эксплуатации и правовым формам собственности, а во всех остальных обществах — по господствующим экономическим типам собственности на средства производства.

5. В нашей науке проявляется тенденция рассматривать традиционное деление исторического процесса на общепризнанные эпохи древности, средневековья нового и новейшего времени в качестве равнозначного делению его на формационные эпохи и основные стадии развития общества (общественные формации)¹. Эта тенденция является неправомерной и не имеющей достаточных научных оснований, поскольку деление исторического процесса на традиционные эпохи и деление его на основные стадии общественного развития (общественные формации) основаны на совершенно различных принципах. Основные и промежуточные стадии развития общества и соответствующие им формационные и межформационные эпохи объективны и безусловны в том смысле, что они существуют независимо от сознания тех или иных субъектов и от времени восприятия их последними. Что же касается деления исторического

¹ См., напр., В.Н.Никифоров, Восток и всемирная история. М., 1977; его же, Логика дискуссии и логика в дискуссии, — "Вопросы истории", 1968, № 2, стр. 120; Д.И.Семенов, Теория общественно-экономических формаций и всемирный исторический процесс, — "Народы Азии и Африки", 1970, № 5, стр. 89; его же, Марксистско-ленинская теория общественных формаций и исторический процесс, — "Философские науки", 1973, № 5, стр. 11. 76

процесса на эпохи древности, средневековья, нового и новейшего времени, то оно носит субъективный, а потому произвольный, относительный и условный характер, поскольку является членением лишь по грубо приближительной величине удаления во времени тех или иных объектов от рассматриваемых их субъектов, — величине, которая в отношении одних и тех же объектов неизменно и постоянно возрастает вместе со сменой поколений субъектов, вынуждая последних относить считавшиеся ранее современными события ко все более отдаленным временам. Например, Геродоту новейшей (современной) представлялась эпоха, в которую он жил и которую мы ныне характеризуем в качестве древней.

Указанное деление является к тому же европоцентристским, поскольку оно основано лишь на материалах истории Зап. Европы, где имела место замена одних цивилизаций другими. Оно не могло возникнуть, например, в Китае, где на протяжении всей древности, средневековья и нового времени неизменно господствовала одна и та же китайская цивилизация, которая рассматривалась самими китайцами как "срединная", оказывавшая определяющее влияние на "варварскую периферию", т.е. на весь остальной мир, а следовательно, и на всю мировую историю. Поэтому в китайской добуржуазной науке господствовали китаеццентристские циклические представления о всемирной истории, согласно которым каждый исторический цикл определялся периодом царствования соответствующей династии, либо одновременных династий (при распадении страны) в Китае.

Деление исторического процесса на традиционные эпохи не может быть равнозначным членению того же процесса на основные стадии развития общества и соответствующие им формационные эпохи также потому, что оно, во-первых, не делает различия между формационными и межформационными эпохами и, во-вторых, либо оставляет за бортом первобытнообщинную формацию, либо объединяет ее вместе с рабовладельческой формацией в одну и ту же эпоху древности. Несоответствие его членению по основным стадиям развития общества (общественным формациям) и соответствующим формационным эпохам будет

еще более разительным, если согласиться либо с теми авторами, которые признают существование в истории азиатского способа производства и соответствующей ему формации, либо с теми, кто считает, что все добуржуазные классовые общества древности, средневековья и нового времени составляют единую добуржуазную классово-антагонистическую формацию.

Следует также иметь в виду, что процесс общественной эволюции протекал и будет до определенного времени протекать очень неравномерно во времени и в пространстве для разных обществ и разных регионов. Почти в каждую историческую эпоху существовали и будут до определенного времени существовать общества различных по своему социально-экономическому характеру типов, — общества, находящиеся на разных стадиях общественного развития. Поэтому субъективное, условное, произвольное и европоцентристское деление исторического процесса на традиционные эпохи представляется непригодным в качестве сущностно общего при определении и характеристике основных стадий развития общества и не может служить сущностной основой при определении этих стадий.

6. Вместе с тем это доставшееся нам в наследство от буржуазной науки традиционное деление истории на общеисторические эпохи по степени удаления во времени от рассматриваемого их субъекта очень удобно в том отношении, что оно позволяет делать обзор и сопоставление всех одновременно существовавших в данную эпоху обществ, нередко находящихся на разных стадиях общественной эволюции и связанных между собой только принадлежностью к одной и той же традиционной эпохе. Такое рассмотрение исторического процесса во многих случаях представляется просто необходимым наряду с рассмотрением его по формационным и межформационным эпохам, а иногда даже и более предпочтительным. Это как раз и определяет необходимость и полезность членения истории на традиционные эпохи в исторической науке.

Конечно, можно так или иначе приспособить это членение к делению исторического процесса на формационные и межформационные эпохи, однако при этом ни в коем случае не следует забывать, что при всех обстоятельствах оно имеет субъективный, условный, относительный и европоцентристский характер.

О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ю.Кахк

Вопрос о применении метода моделирования в исторических исследованиях приобрел актуальность в 1950-60-е годы, когда им стали пользоваться историки разных стран. Среди историков США разгорелся спор вокруг вопроса о том, можно ли пользоваться в исторических исследованиях так называемыми контр-фактуальными моделями, т.е. моделями, где на основе имеющихся в конкретной исторической информации данных строится модель альтернативного развития и изучается, к каким результатам пришло бы историческое развитие, если бы оно пошло по какому-либо предполагаемому (а в конкретном историческом прошлом не осуществляемому) пути. Некоторые американские историки категорически отрицали возможность применения таких моделей, считая, что таким образом создается своеобразная квази-история.

Советские историки применяли метод моделирования для того, чтобы глубже раскрыть и познать внутренний механизм различных социально-экономических организмов (модель крестьянского хозяйства, модель имения и т.д.). Выдвигалась идея о том, что именно при помощи метода моделирования можно "заполнить" пробелы источников.

Кроме того советские историки указали на то, что принципы моделирования альтернативных исторических перспектив

(похожие на метод контр-фактуального моделирования) был применен уже В.И.Лениным. Изучая аграрный вопрос в России в конце XIX века В.И.Ленин неоднократно и всегда очень точно и конкретно изучал возможности двух альтернативных путей аграрного развития — так называемого русского и так называемого американского пути развития капитализма в земледелии. При этом Ленин, опираясь на точные статистические данные подчас конкретно вычислял, насколько более успешно и эффективно развивалось бы сельское хозяйство, тогда, когда победил бы американский путь развития.

Развивая эти идеи член-корр. АН СССР И.Д.Ковальченко недавно сконструировал примерные модели выяснения результативности сельскохозяйственного производства в России в конце XIX в. при различном значении разных факторов.

Обобщая до сих пор накопленный опыт по применению метода моделирования в исторических исследованиях можно утверждать следующее:

1) Метод моделирования оказался довольно не эффективным при попытках "заполнять" пробелы источников — в результате его применения были получены показатели очень близкие к среднему арифметическому и метод можно было использовать только в довольно ограниченных рамках.

2) Возможности применения метода моделирования при изучении внутреннего характера каких-то социально-экономических организмов и их взаимных связей со средой сильно зависят от состояния источников.

3) Наиболее перспективным для углубления исторического познания может оказаться именно метод построения альтернативных моделей, но при его применении надо очень осторожно и при этом диалектически учитывать границы "исторической реальности".

СТРУКТУРА ТЕОРИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Д.В.Петров

Теория в исторической науке есть высшая форма знания и наиболее полное выражение исследуемого объекта. Процесс научного познания может считаться логически завершенным лишь в том случае, когда от эмпирического описания фактов сделан переход к общим выводам, установлению необходимых и закономерных связей между отдельными явлениями. Историческая теория дает исчерпывающее и целостное знание не об отдельных сторонах жизни людей, но объясняет широкий круг явлений, организует знание о разрозненных фактах прошлого в стройную систему на основе принятых принципов. Систематизируя знание, историческая теория поднимается над отдельными фактами, в значительной мере схематизирует и упрощает действительность.

Теория в исторической науке есть обобщенное и систематизированное знание о совокупности фактов прошлого, объективно отражающее историческую действительность в форме исторических законов. Такое знание характеризуется абстрактной природой, а представленная в нем действительность дана в концептуальной модели. Под концептуальной моделью следует понимать идеализированную схему, полученную с помощью абстрагирования.

Генезис исторической теории определяется предметной практикой. Методологической основой ее создания является тезис о практической природе познания. Предметная деятельность рассматривается внутренней стороной познавательного процесса, вследствие чего само познание оказывается функцией общественно-исторической практики. Отсюда следует вывод, что внутренний механизм и все изменения, связанные с развитием познания, в конечном счете обуславливаются превращениями в социальной практике.

Положение о практической природе познания имеет непосредственное отношение к вопросу об образовании истори-

ческих теорий. Теоретические концепции в исторической науке строятся как отражение структуры практики. Теория всегда является аккумуляцией практики, поскольку существует неразрывная связь теоретического знания с жизнью, производством, предметной деятельностью. Например, в теории государства-полиса воспроизводится экономическая и социально-политическая жизнь античного общества, в теории средневекового города показываются наиболее типичные черты, свойственные обществу эпохи феодализма: развитие ремесленного производства, отделение капитала от земельной собственности, борьба буржуа с лендлордами и т.д. Историческая теория — это такая замкнутая и целостная форма абстрактного знания, которая отражает всеобщие и существенные черты социальной практики.

Структура практики, которая "снимается" в теоретических моделях исторической науки, представляет собой единство двух компонентов: 1) определенных взаимодействий между объектами социальной действительности; 2) целей и задач исторического исследования. Чтобы определить теоретический объект, необходимо те или иные взаимодействия между явлениями социальной действительности выделить в обособленную область посредством целей и задач исторического познания. Его построение осуществляется по строго выделенной системе отношений ("сетка отношений"), которая функционально задана в процессе познания исторических процессов. Теоретические объекты исторической науки оказываются функционально неотделимыми от познавательной деятельности субъекта; они показывают определенный "срез" действительности — ту часть общественной жизни, которая вошла в процесс познания.

Первый компонент структуры практики — определенные взаимодействия между объектами социальной действительности — в теоретическом мышлении выступает в роли объекта исследования. Это та действительность, которая подлежит изучению с целью нахождения объективных законов в историческом процессе. Она исследуется посредством исторических источников, которые выполняют функцию объектов оперирования.

Объект исследования и объект оперирования не совпадают друг с другом по своему содержанию. Объект исследования — это те связи и отношения в самой исторической действительности, знание которых есть цель теоретического уровня познания, а объект оперирования — средство получения этого знания. Историк изучает не источник как таковой, а те действия людей, которые скрываются за ним.

В содержательно-гносеологическом плане структура исторической теории складывается из следующих компонентов: 1) идеализированный объект; 2) научные законы; 3) понятия. Идеализированный объект исторической теории — это ее предметная область, сконструированная исследователем в "чистом" виде. В нем выражаются главные, существенные свойства исследуемых явлений. Историческая теория, будучи системой абстрактных понятий, представляет собой идеализированное отображение объективной действительности. Т.е. ее понятия и утверждения описывают в строгом смысле не сами явления и процессы исторической действительности, а те свойства и отношения, которые получены искусственным путем в процессе идеализации. Наиболее распространенным идеализированным объектом является понятие общественно-экономической формации. В целях изучения социально-экономического уклада в том или ином регионе (франкский, византийский, скандинавский феодализм), историк опирается на основные закономерности, сформулированные в "чистом" виде.

В структуру исторической теории входят законы различной степени общности и относящиеся к разнообразной предметной области (социологической, экономической, психологической и т.д.). Это могут быть всеобщие законы общественной жизни (закон об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию), законы, характеризующие ряд общественно-экономических формаций (закон классовой борьбы), наконец, законы функционирования отдельной общественно-экономической формации ("исторические законы"). Необходимость типологии социальных законов связана с тем, что полного объяснения того или иного исторического явления можно достигнуть только посредством привлечения совокупности законов.

Понятия – это тот языковой аппарат, посредством которого описывается предметная область теории. По степени обобщения их можно разделить на ряд видов. К первому относятся те из них, которые описывают предметную область идеализированного объекта теории ("сеньория", "вотчина", "домен", "клиентула" и т.д.). Второй вид отражает отношения, складывающиеся между социальными институтами в обществе, а также между людьми и социальными классами, т.е. между теми элементами, из которых состоит идеализированный объект ("причина", "следствие", "необходимость", "случайность", "связь", "отношение", "закон" и т.д.). Степень их обобщения иная по сравнению с предыдущими терминами. Они возникают в системе философского знания в результате дальнейшего преобразования первичных эмпирических понятий. Третий вид понятий характеризуется наивысшей степенью обобщения. Посредством понятий этого рода достигается представление об обществе в целом, его структуре и функциях ("нация", "народ", "класс", "государство", "общество" и т.д.). Историки берут их из философии в качестве таких научных предпосылок, с помощью которых объясняют конкретные состояния того или иного общества.

Анализ исторического познания позволяет выделить ряд теорий, отличающихся друг от друга уровнем обобщения структуры практики, задающей объект исследования. В основе классификации теоретических концепций, таким образом, лежит разная степень абстрагирования при изучении объектов прошлого. К первому виду теорий можно отнести "модели малого масштаба" – исследования, посвященные отдельному историческому персонажу (биография), теоретические модели, объясняющие социально-политическую жизнь общества (теория средневекового города, теория общины-марки и т.д.), или экономический уклад, развившийся в определенном регионе (франкский, византийский, скандинавский феодализм).

Второй вид теорий – фундаментальные теории – строится на базе первичных теоретических моделей. Это исследования по истории народа в рамках одной или нескольких общественно-экономических формаций, либо нескольких народов в пре-

делах одной формации. Теории этого рода тесно соприкасаются с философско-социологическими концепциями и показывают закономерности развития человечества во всемирной истории.

ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА ИЛИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ

С.И.Кордон

I. Дилемма "структуры" и "истории", диахронии и синхронии, обязанная своим возникновением неопозитивистской критике историзма, имеет не только теоретический характер. С ней сталкивается всякий историк-исследователю, коль скоро он берется описывать исторический процесс, а не просто реконструировать социальный институт или социальное состояние целой страны в какой-либо момент в прошлом. Ситуация, в которой он при этом оказывается, подобна ситуации парадокса "летающая стрела". Действительно, если требуется описать некоторый исторический процесс, исходным и конечным состояниями которого являются S_1 и S_n , а промежуточными — ряд состояний

$$S_1, S_2, \dots, S_{i-1}, S_i, S_{i+1}, \dots, S_{n-1}, S_n,$$

то исследователь прежде всего стремится дать периодизацию этого процесса: он выбирает некоторый принцип объединения этих состояний в группы

$$B_1(S_1, S_2, \dots, S_k), B_2(S_{k+1}, \dots, S_l), \dots, B_m(S_{l+1}, \dots, S_n)$$

таким образом, чтобы иметь основание обращаться с каждым из этих этапов как с определенным состоянием, т.е. пренебрегать процессами изменения, происходящими внутри данного исторического периода. Процесс перехода от одного исторического периода (или периода исторического развития какого-либо явления), например, от B_j к B_{j+1} , также подвергается аналогичной процедуре периодизации — и так до тех пор, пока не будет выделен некоторый элементарный "шаг" в историческом

изменении: от S_i до S_{i+1} , который уже не подвергается дальнейшему расчленению на этапы — то ли потому, что у исследователей нет сведений о событиях, происшедших в промежутке времени (t_i, t_{i+1}) , то ли потому, что такое расчленение лишено смысла. Таким образом, историк, взявшийся описать некоторый процесс, вынужден встать на позицию методологического дуализма. Процесс расчленяется на ряд элементарных "шагов", а каждый "шаг" изменения представлен описанием исходного и конечного состояний. Заметим, что одной из причин такого вынужденного методологического дуализма является по преимуществу статичный характер исторических источников, фиксирующих состояние общества только на определенный момент времени.

2. Покажем, что фактор времени не является существенным в научном описании исторического процесса. Это оказывается верным уже для наиболее примитивного способа такого описания, какой используется хронистами. Последний может быть представлен в форме последовательности событий $A_1, A_2, \dots, A_m$, в которой последовательность некоторых двух событий A_i и A_j определяется последовательностью i -го и j -го моментов времени. Однако таким же образом может быть представлен ряд событий, описанных путешественником, при условии что i и j — географические точки, которые он пересекал во время своего путешествия. Иллюстрацией этого может служить применение этнографического метода в истории первобытного общества. Более сложный (научный) тип описания истории включает указание на некоторый фактор, который и вызывает последовательность событий $A_1, A_2, \dots, A_m$:

$$X_1 \rightarrow A_1, X_2 \rightarrow A_2, \dots, X_m \rightarrow A_m$$

Однако если признать, что сам этот фактор является только функцией от времени $X = f(t)$, то мы возвратимся к наиболее примитивной форме описания исторического процесса. Чтобы этого избежать, следует отыскать другой фактор (или группу факторов), которые вызывают его изменение. Следовательно, исторический процесс является продуктом взаимодействия изменений различных факторов, а время служит лишь системой ко-

ординат, с помощью которой исследователю может представиться это взаимодействие в упорядоченной форме. (Заметим, что здесь и далее речь идет о физическом времени, так абсолютной хронологической шкале, поскольку социальное время само есть продукт исторического развития общества).

3. Состояние общества в некоторый момент времени может быть описано совокупностью событий, различающихся между собой местом в социальной системе данного общества. Обозначим через A_{ij} событие, происшедшее в j -ый момент времени в i -ой точке социального пространства общества (в частном случае это может точка географического пространства, например, политические границы государства). Тогда исторический процесс может быть представлен в форме матрицы

	P_1	P_2	...	P_m
t_1	A_{11}	A_{12}	...	A_{1m}
t_2	A_{21}	A_{22}	...	A_{2m}
...	...	...	...	...
t_n	A_{n1}	A_{n2}	...	A_{nm}

На основании этой матрицы можно сделать следующий вывод: влияние любого социального явления A_i на любое другое социальное явление A_j представляет собой исторический процесс. Это очевидно для случаев A_{ij} и A_{i+kj} и A_{ij} и A_{i+kl} . Что касается событий A_{ij} и A_{ik} , то они не могут влиять друг на друга, поскольку всякий процесс воздействия требует определенного периода времени.

4. Если все процессы воздействия в обществе носят характер исторических изменений, то ставится под сомнение статус существования законов функционирования общества. Функционирование в общественных процессах возникает всякий раз тогда, когда два события (состояния) считаются идентичными между собой. В противном случае исследователь фиксирует факт развития. Однако условия идентичности S_i и S_j , вообще говоря, устанавливает сам исследователь. Выше было показано, что выбрав определенный принцип периодизации, историк все состояния, попадающие в рамки каждого периода,

считает идентичными. Другими словами, законы функционирования действуют внутри исторических периодов, а законы развития – при переходе от одного исторического этапа к другому. Это может зависеть не только от методологических позиций ученого, но еще в большей степени – от исторических масштабов того процесса, который он взятся описывать. Поэтому нельзя установить абсолютную границу между процессами функционирования и развития.

5. Альтернативой историческому подходу в дилемме "истории" и "структуры" является структурное понимание самих исторических процессов I; 220–221. Это вытекает из того, что сам исторический процесс представляет собой систему факторов, взаимодействие которых упорядочено во времени. Другой такой альтернативой является функциональный подход: поскольку между функционированием и развитием нет абсолютного различия, то исторические процессы можно интерпретировать как процессы функционирования. Функциональный подход является методологически более основательным, чем исторический. Его исходным понятием является понятие функции, синонимом которой в марксистской теории общественного процесса является понятие "общественная потребность" [2; 82–83]. Функциональное объяснение относится к типу т.наз. контрагенетического объяснения, когда причина объясняется через свое следствие. Однако оба типа объяснения не противоположны друг другу: отношение объекта и его функции может быть выражено как следственно–причинным, так и причинно–следственным законом. Генетическое объяснение может быть основано на законе обратной связи состояний: если Y имеет состояние S_2 в момент времени t_2 , то Y имел состояние S_1 в момент времени t_1 [3; 85, 97]. Для исторического анализа контрагенетическое объяснение имеет не меньшее значение чем генетическое при использовании таких терминов, как например, "революционная ситуация", а также при решении вопросов об историческом значении тех или иных событий.

6. Модель функционального объяснения выглядит следующим образом:

$$C \supset [(\sim Z \supset \sim N) \& (\sim N \supset \sim S)]$$

где Z - элемент системы C , N - функциональное требование (потребность) C . Для того, чтобы сформулировать N нужно располагать некоторым функциональным законом, позволяющим перечислить все функциональные потребности системы, находящейся в состоянии S . [4]. Ориентация на функциональный закон позволяет снять с истории как науки позитивистское обвинение в отсутствии у нее "охватывающих законов".

7. П.Штомпка [4, 5] показал, что структурно-функциональный метод, органически сочетающий функциональный анализ и структурный подход к изучению общества, имеет богатые методологические возможности для изучения социальных процессов, которые практически остались незатронутыми представителями традиционного структурно-функционального анализа. Поэтому критические замечания в адрес структурного функционализма следует относить не к нему самому, а к существующим конкретным формам его реализации в буржуазном общественном знании. Основные посылки этого метода нисколько не исключают конфликта как исследовательской парадигмы. Релятивизация всех функциональных утверждений к их структурному контексту означает и их релятивизацию к историческим состояниям этого контекста. Функциональные потребности общества могут меняться с течением времени, а значит могут меняться и функциональные значения отдельных явлений или процессов - от функционального к дисфункциональному или наоборот. Все это приводит к изменению состояния общественной системы, которому предшествует функционально обусловленная потребность в таком изменении. Наконец, отдельный вид исторического изменения может быть рассматриваем как определенная подсистема исторического процесса и, в свою очередь, стать объектом применения структурно-функционального анализа.

8. Таким образом, дилемма "истории" и "структуры" в теории в практике исторического исследования оборачивается методологическим дуализмом: формально придерживаясь принципов историзма исследователь на деле занимается анализом

различных временных срезов социальной системы. Более тщательный логико-методологический анализ показывает, что этот дуализм может быть снят, поскольку структурный подход к анализу исторических процессов является не только допустимым или даже оправданным, но и наиболее естественным, причем богатые эвристические возможности в этом отношении принадлежат структурно-функциональному методу, взятому в его диалектической, нетрадиционной модификации.

Л и т е р а т у р а

1. Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
2. Маркс и социология. М., 1968.
3. Никитин Е.П. Объяснение — функция науки. М., 1970.
4. Sztompka P. Metoda funkcjonalna w socjologii i antropologii społecznej: studium analityczne. Wrocław — Warszawa, 1971.
5. Sztompka P. System and function. Toward a theory a society. N.Y., 1974.

О ПРОБЛЕМЕ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Р.А.Вихалев

1. В последнее время в нашей методологической литературе, наряду с работами по методологии естествознания, в рамках этой же "парадигмы", появились четко аргументированные исследования и по методологии истории. Это, как нам кажется, позволяет поставить, с точки зрения методологии естествознания, на обсуждение некоторые принципиальные вопросы, связанные с научной теорией в истории.

2. В вышеуказанного-типа специальной литературе по методологии истории утверждается, что существуют (хотя их мало) исторические теории, "по крайней мере в принципе аналогичные тому, что мы называем теорией в естественных науках" (1, стр. 38). Наиболее известным примером такой теории считается марксистская теория общественно-экономических формаций. (Методологическому анализу этой теории посвящена работа (2), а см. также (3), (4) и др.).

3. В методологии науки, как правило, естественно-научные теории рассматриваются как гипотетико-дедуктивные системы (см., напр. (5), (6), (7)). Лишь в науках, "не достигших достаточной теоретической зрелости, часто приходится довольствоваться гораздо более простыми системами" (6, стр. 98) (см. в этой связи, напр., (8), (9)). При этом следует только иметь в виду, что анализ содержательных аспектов строения и генезиса теорий показал, что в процессе дедуктивного развертывания теории, наряду с формально-аксиоматическими приемами рассуждения, большую роль играет генетически-конструктивный способ рассуждения в форме мысленного моделирования и мысленного эксперимента (см. (10), (11), гл. II-III), (12, стр. III-II6; гл. III, § 4)). В любом случае существенно, что в научной теории исходят из идеализированного объекта и, говоря словами И.Канта, теоретик "понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматри-

вал в фигуре (или в явлении природы, в объекте познания. — Р.В.), как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру (или схему объекта. — Р.В.) посредством того, что он сам *a priori*, сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал (путем построения) (13, стр.84–85). Естественнонаучная теория тесно (сущностно) связана и с реальным экспериментом: теория экспериментальна, а эксперимент теоретичен. Теория не воспроизводит "естественную природу", а позволяет искусственно (в экспериментальных условиях, в технике и технологии) создавать вещей и процессов.

4. История во многом аналогична с биологией (и биология является тоже некоторой исторической дисциплиной). Хорошо известно, что классики марксизма подчеркивали аналогии между открытиями закона развития органического мира и закона развития человеческой истории. Характерно, что и в современных работах, в которых подчеркивается, что марксистская теория общественно-экономических формаций в принципе ничем не отличается от естественнонаучных теорий, эта теория чаще всего сравнивается с биологическими теориями (см. (3), (4)). Однако широко известными являются и методологические трудности построения "настоящей" теории (гипотетико-дедуктивной теории типа теорий физики) в современной биологии (см., напр. (14)). По-видимому следует иметь в виду принципиальное противоречие между специфичностью описаний биологических или исторических феноменов (в том смысле, что эти описания должны оставаться, не смотря на их возможную общность и абстрактность, именно биологическими или историческими) и неспецифичностью (в смысле, разъясненном в третьем тезисе) конструкций гипотетико-дедуктивной теории*. Это значит, что "настоящая" биологическая (а тем более историческая) гипотетико-дедуктивная тео-

* Вышесказанное не следует путать с "риккертганской" проблемой (в смысле (1), стр. 48) или с "довольно распространенной ошибкой", когда смешивают "теорию эволюции, то есть то, что раскрывает механизм эволюции, с описанием исторических путей, которыми шли те или иные эволюционирующие группы организмов ("филогении)" (9, стр. 102).

рия оказывается невозможной. (Об этой принципиальной противоречивости теоретического исследования в биологии см. (15)).

5. Хотя и человеческая история во многом аналогична естественной истории органического мира, является ведь азбучной истиной в марксизме и то, что между ними существует все же принципиальное различие. Это различие еще осложняет рассматриваемую методологическую проблему. В связи с тем, что атрибутом человеческой истории является целенаправленная деятельность человека, строго говоря, вообще невозможно построить "чисто научную" историческую теорию, даже аналогичную биологической теории. Ведь "чисто научное" знание является бессубъектным, не содержит в себе исторического субъекта деятельности. Действительность является предметом науки со стороны ее вещности, независимости от человека. (Понятие научности рассматривалось нами в статье (16).) Это значит, что историческое познание содержит в себе и что-то ненаучное (это "ненаучное", разумеется, не следует понимать в смысле иррационального, "второсортного" и т.п.; скорее наоборот - "чисто научное" оказывается отнюдь не "совершенной" формой знания (17), (18)). Поэтому нам кажется проблематичным утверждение, что "возникновение составных, неэлементарных образований (истории как человеческой духовной деятельности. - Р.В.) не исключает возможности развития рядом с ними истории как науки и только науки" (I, стр. 47). "Капитал" К.Маркса, например, не является "чисто научным", а философско-научным произведением (см. (19), (20), стр.60-61)).

Л и т е р а т у р а

1. Э.Н.Лооне. Об уровнях исторического знания и познания. - Ученые записки ТГУ, вып. 301. Труды по философии XVI. Тарту, 1973.
2. Э.Н.Лооне. Методологические заметки о теории общественно-экономических формаций. - Ученые записки ТГУ, вып. 225. Труды по философии XII. Тарту, 1969.

3. В.Я.Израитель. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975.
4. М.Корнфорт. Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. М., 1972, особенно часть I, гл. I, § 3; часть II, гл. I-2.
5. П.Дюгем. Физическая теория. Ее цель и строение. Спб., 1910.
6. Г.И.Рузавин. Гипотетико-дедуктивный метод. - Логика и эмпирическое познание. М., 1972.
7. Л.Б.Баженов. Строение и функции естественно-научной теории. М., 1978.
8. Д.Харвей. Научное объяснение в географии. Общая методология и методология географии. М., 1974.
9. М.Рьюз. Философия биологии. М., 1977.
10. В.С.Степкин. Становление научной теории. Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск, 1976.
11. А.А.Печенкин. Методологические проблемы развития квантовой химии. М., 1976.
12. В.С.Швырев. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.
13. И.Кант. Сочинения в шести томах, т. 3. М., 1964.
14. На пути к теоретической биологии. I. Прологомены. М., 1970.
15. А.И.Алешин. Методологические проблемы теоретического исследования в биологии. Горький, 1973.
16. Р.А.Вихалемм. О понятии научности и становлении научной химии. - Ученые записки ТГУ, вып. 361. Труды по философии XVIII. Тарту, 1975.
17. А.С.Арсеньев. Наука и человек (философский аспект). - Наука и нравственность. М., 1971.
18. Д.Н.Давыдов. Человек-культура-природа. - Проблемы теории культуры. М., 1977.
19. Г.С.Батищев. "Капитал" как философское произведение. - "Капитал" Маркса, философия и современность. М., 1968.
20. А.И.Алешин. Ф.Энгельс и В.И.Ленин о взаимоотношении философии и естествознания. - Ленинская методология исследования, вып. III. Горький, 1976.

ЗАДАЧИ МЕТА-ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

М.А.Киссель

1. Понятие "мета-теории", или "мета-языка" давно уже доказало высокую эффективность при исследовании дедуктивных систем. Поскольку философия, как показал печальный опыт всех предшествующих попыток такого рода, в замкнутую формальную систему превращена быть не может, в точном своем значении понятие мета-теории в этой области неприменимо.

2. Но возможно окажется полезным употребление этого понятия в более широком, чем в формальной логике, смысле для обозначения философской рефлексии на один порядок выше, чем содержательное исследование в какой-либо специальной области философского знания. В интересующем нас случае это значит, что мы имеем в виду философию философии истории, предметом которой является не само философское осмысление истории, но исследование опыта такого осмысления.

3. Понятие "мета-философия" предпочтительнее, на наш взгляд, понятия "философия философии", потому что указывает на необходимость систематического проведения различия между исследованием какой-либо предметной области и анализом структуры самого этого исследования. Оно, таким образом, вводит строгое разграничение между уровнями философской рефлексии, которые сплошь и рядом смешиваются наивным философствованием, погруженным в предмет и не способным подняться до самосознания.

4. В поисках объективной отправной точки для нашего мета-анализа мы неизбежно наталкиваемся на исторический материал, касающийся опять-таки не содержания разнообразных историософских построений, но изменения самого понятия философии истории по мере развития социально-философской мысли. Само словосочетание "философия истории" обязано своим появлением на свет Вольтеру, но у него оно имело вполне определенный и отнюдь не первоначальный смысл. Чтобы проследить историческое изменение в содержании понятия, надо преж-

де всего уловить его исходное значение, которое и образует общий семантический фон всех дальнейших дифференциаций.

5. Раскрытие этого семантического фонда стало возможно лишь на определенной ступени общественной мысли — тогда именно, когда вся соответствующая интеллектуальная традиция достигла кульминационной фазы зрелости. Мы имеем в виду, конечно, философию истории Гегеля, в которой все особенности этого стиля мышления словно выступили на поверхность. И как только это произошло, само существование философии истории было поставлено под вопрос, ибо была постигнута скрытая предпосылка, одушевлявшая все построения такого рода и одновременно придававшая им видимость "научного решения" проблемы.

6. Такой предпосылкой был провиденциализм, только на основе которого и могло быть воздвигнуто учение о трансцендентном смысле исторического процесса, об априорном "плане истории", постепенно реализующемся в деятельности людей. Так глубоко в общественном сознании XVIII века залегала эта предпосылка, что ее можно найти не только у людей, провозглашавших свою приверженность религиозным ценностям, но и у деистов и прямых атеистов вроде Кондорсе или Конта, жившего полустолетием позже Кондорсе. У них богом стал "закон прогресса" — по существу так же, как и у Гегеля, хотя и без упоминания сверхестественного устроителя человеческих судеб. Великая их теоретическая наивность состояла в том, что они думали, будто можно, отбросив понятие бога, сохранить представление об априорной направленности исторического движения человечества ко всеобщему благу. В этом отношении преимущество Гегеля несомненно: ведь он не только постулировал "закон прогресса", но и указал на его телеологическую предпосылку.

7. Банкротство гегелевской философии истории подготовило, с одной стороны, размежевание между философией истории в традиционном смысле этого слова и научным — социологическим — исследованием общественной жизни, а с другой — повлекло за собой переосмысление программы и задач философии истории. Этот "сдвиг проблем" произошел в социально-ис-

торическом мышлении под влиянием Маркса, а затем Дильтея, но в то время как марксистская диалектико-материалистическая социология сумела поставить на твердую научную почву понятие исторического закона без каких-либо уступок атавистическим религиозным представлениям, так называемая "критическая философия истории", инспирированная Дильтеем, порвала связь между историей и социологией и привела, в конечном счете, к той методологической установке, которую ее авторитетнейший адепт А.Дж. Тойнби (1889-1976) так удачно окрестил "культурно-исторической монадологией".

8. Таким образом, можно констатировать необратимое изменение в самом содержании понятия "философия истории": отныне любая попытка глобального обозрения всемирной истории, лишенная специальных логико-методологических и эпистемологических оснований, потеряла всякий научный кредит. Иначе говоря, любая "онтология истории" нуждается в систематическом логико-гносеологическом оправдании своих утверждений. Это нечто совсем иное, нежели спорадическое обращение к историческому опыту и специальный отбор фактического материала, ложащегося в излюбленную тем или иным мыслителем схему. В традиционной философии истории постоянно присутствовал логический круг в обосновании, чуть прикрытый методологией примитивного индуктивизма: схема подтверждалась, конечно же, "фактами", но факты-то отбирались те, которые соответствовали схеме. Потому и оставались незамеченными и неосознанными глубинные предпосылки, обуславливавшие самый выбор схемы.

9. Из этого следует, что философия истории в современном понимании требует специального анализа концептуального аппарата исторического знания, генезиса ведущих теоретических понятий и их соотношения с практикой исторического исследования и друг с другом, установления различных уровней абстракции от непосредственного эмпирического базиса. Все это относится к теории и методологии исторического знания. Но кроме этого есть еще и онтологическая сторона - представления о структуре исторического мира. Философия истории неогегельянского типа (Кроче-Коллингвуд) эти два вопроса (эпистемологический и онтологический) фактически отождествила за

счет редукции предмета исторической науки к истории мысли. С прагматической точки зрения – это весьма удобная позиция, потому что значительно упрощает процедуру философского обоснования, но непредвзятое исследование вряд ли сможет с таким упрощением согласиться. Во всяком случае, такого рода заключение требует проверки, что и составляет одну из задач "мета-философии" истории.

Ю. Шаткость идеалистических онтологических предпосылок так называемой "критической философии истории" породила стремление замкнуть анализ исторического знания в пределах одной лишь логико-методологической проблемы. Решение это, конечно, означало победоносную реакцию позитивизма на открыто идеалистическую "философию духа", последним манифестом которой стала "вышедшая в 1946 году "Идея истории" Р.Дж. Коллингвуда. Послевоенные два десятилетия – период почти безраздельного господства на Западе позитивистских методологических установок в теории исторического знания.

II. Однако банкротство неопозитивистской философии науки в целом не может не отразиться и на поисках в области философии истории. Сейчас еще нет оснований говорить о наличии какой-либо одной доминирующей тенденции, но бросается в глаза некоторое оживление дильтеевской традиции наряду с реставрацией откровенно теологических доктрин (имеется в виду не открытое исповедание веры, в чем никогда не было недостатка, но теоретическое осознание именно теологических предпосылок своей концепции, как это можно найти, например, у Р.Нибура и П.Тиллиха) и резкое возрастание влияния марксизма, порою, правда, в деформированном виде "критического" или "неомарксизма".

И2. Итак, рассмотрение исторического развития самого понятия философии истории позволяет привести в систему, разумеется, после некоторой логической обработки, различные элементы философско-исторического знания, как то: учение о смысле (направленности) исторического процесса, об условиях исторического познания, логике построения исторического знания и методе его получения и, наконец, – связи этого знания с практикой исторического исследования. Эта систематизация по-

зволит решить главную задачу метатеоретического исследования в данной области – выяснение структуры самой философии истории как определенного исторически сложившегося и совершенно законного домена философской мысли.

13. При этом основные виды философско-исторических концепций предстанут в своей опосредованной мировоззренческими предпосылками зависимости от практики исторических исследований. Априористическая, имплицитно теологизирующая философия истории предстанет как отражение прагматической историографии, искавшей оправдание своей деятельности в высокой внешней цели; критическая философия истории черпала свою силу в изучении духовной культуры, пришедшей на смену односторонней политической историографии; наконец, логико-методологический изоляционизм просто отразил факт далеко зашедшей внутренней дифференциации исторического знания и относительной самостоятельности различных предметных областей исследования.

14. В диалектико-материалистическом синтезе могут быть удержаны все исторически выявившиеся элементы философско-исторического знания именно потому, что ни один из них не возник произвольно, но соотносится с определенными потребностями исторического самосознания, а их антагонистическое отношение друг другу – результат односторонней рефлексии и некритичной приверженности идеалистическим предпосылкам.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА

О.Л.Лейбович

Автор разделяет мнение, согласно которому история как естественно-исторический процесс общественного развития не знает фактов. Последние – всегда результат осмысления прошлого, продукт научного познания. Расщепление истории на отдельные события, установление отношений субординации между ними, определение взаимосвязи – вот те мыслительные операции, в ходе которых исторический процесс "переводится" в со-

вокупность фактов. Достоверность и объем информации, характер методологии исследователя, общий уровень, достигнутый современной наукой определяют степень соответствия научного знания, зафиксированного в историческом факте, реальному содержанию исторического процесса.

Факт не есть зеркальное отражение того или иного явления, он включает в себя в качестве необходимого компонента интерпретацию данного исторического явления. Это предполагает раскрытие связей, соединяющих разнородные действия различных субъектов в единое историческое явление, фиксацию границ данного явления, выяснение его качественного своеобразия, определение его места в процессе исторического развития.

От того, каким образом исследователь поставил и решил все эти задачи, зависит и конечный результат: фиксация исторического факта или рождение мифа. Последний появляется чаще всего на основе неверной интерпретации действительно происходивших событий: конструируются ложные зависимости, "выворачиваются" причинно-следственные связи, сменяются масштабы в изображении составных элементов явления. Непременным атрибутом мифа служит и модернизация, то есть преодоление собственно исторического в событии. Граница между фактом и мифом устанавливается характером интерпретации исторического процесса.

В историографии факты служат строительным материалом, из которого складываются концепции. Вместе с тем, факты всегда концептуальны. Они не "кирпичики", а "клеточки" исторической науки. В этом смысле существует относительное тождество факта и концепции, в котором отражено единство исторического процесса, его неразрывность. Это тождество предполагает и качественные различия в пределах единой сущности, а именно: в уровне обобщения, содержании и объеме информации. Причем, факт рассматривается в литературе как наименьшая (по объему), неделимая частица информации, содержащая относительно завершенное в себе знание.

С этим утверждением можно согласиться, предварительно ответив на вопрос, какому содержанию и масштабу историчес-

ких событий соответствует это знание. В иной формулировке это вопрос о том, существует ли так называемый "первоэлемент" исторического процесса. Речь идет об участке человеческой деятельности с точно описанными параметрами, на котором начинает действовать историческая закономерность. Чтобы найти "клеточку" исторического процесса, необходимо выяснить качественные и количественные характеристики субъекта, масштаб действия, временной интервал, социальное пространство явления.

Усложнение процесса общественного развития, по-видимому, должно проявляться в динамике всех этих параметров. Содержание и объем "первоэлемента" истории изменяется вместе с историческим процессом, отражая качественное своеобразие его этапов.

В настоящее время наука не в состоянии выделить "клеточку" исторического процесса, поэтому и нет достаточных оснований для точной фиксации объема знаний, заключенных в историческом факте.

Следует учесть также, что всемирная история складывается из истории отдельных народов, стран, регионов, из развития экономической, социальной, политической, духовной жизни людей. Кроме закономерностей всемирно-исторического процесса — они являются главными, определяющими — существуют и закономерности развития его составных частей, этапов. Эти закономерности II и III порядка проявляются на более ограниченных участках исторического действия. События, существенные для развития страны, по своему масштабу (массовость, хронологические рамки, уровень решаемых задач, степень влияния) отличаются от явлений, имеющих всемирно-историческое значение.

Таким образом, кроме "первоэлемента" всемирной истории существуют и "первоэлементы" отдельных исторических процессов. Этому соответствует определенная иерархия исторических фактов. Знание об одном и том же событии может быть фиксировано как исторический факт применительно к истории региона или составлять только его часть применительно к истории человечества или выступать в качестве концеп-

ции применительно к истории отдельной страны. Только определив объект исследования, можно установить емкость исторического факта, найти оптимум информации, на основании которой позволительно делать обобщения исторического характера.

Систематизация исторических фактов, объединенных общей концепцией, дает возможность реконструкции исторического процесса.

Содержание, характер, масштабы, направленность социального действия, зафиксированного в историческом факте, глубоко индивидуальны. Вместе с тем в каждом из них встречаются общие черты, порожденные спецификой человеческой деятельности как таковой. Речь идет о творческой функции социальной практики, ее осмысленности, целеполагании. Эти свойства, присутствующие в каждом акте всемирной истории, реализующиеся во всех видах социальной активности, должны находить свое отражение и в историографии. Исторический факт должен фиксировать эту качественную специфику человеческой деятельности. Описать социальное действие как исторический факт — это выяснить социальные условия его возникновения, зафиксировать действия, направленные на воспроизводство существующих отношений, выявить акт исторического творчества. Исторический факт, являясь неделимым элементом научного знания, обладает сложной структурой, отражающей внутренние связи и отношения описываемых явлений.

СПЕЦИФИКА ГИПОТЕЗЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

А.И.Гавриляк

Исследования научной гипотезы до сих пор велись главным образом на эмпирическом материале естественных наук. Гипотеза же в историческом познании не привлекла еще к себе достаточного внимания как самих историков, так и философов. Вместе с тем следует отметить, что отдельные стороны, эле-

менты исторической гипотезы становятся предметом рассмотрения по научной (естественно-научной) гипотезе, а так же в трудах по методологии истории. Традиционное объяснение такого положения дел заключается в чрезвычайной сложности объекта и предмета социального познания в отличие от естественнонаучного. В связи с этим представляется правомерным поставить вопрос о понятии исторической гипотезы, о принципах ее построения и обоснования.

I. В историческом познании гипотеза выступает как научное предположение о связях, причинах, закономерностях общественных явлений прошлого. Однако не всякое предположение можно назвать гипотезой. Предположение, чтобы получить статус научной гипотезы, должно по меньшей мере удовлетворять следующие требования:

1. Предположение должно быть обосновано с определенной степенью вероятности.

2. Предположение не должно противоречить известным и проверенным фактам.

3. Предположение должно объяснять совокупность фактов, относящихся к данной области.

II. Исследование опыта историков и историографов позволяет выделить некоторые принципы построения исторической гипотезы.

1. Метод исключений. Так, на основании данного метода А.И.Неусыхин выдвинул гипотезу о наличии двуполья у салических франков¹.

2. Историческая аналогия. Этим методом пользуется С.Д.Сказкин в предположении о причинах крестьянских восстаний в Западной Европе XIII-XV вв.².

3. Сравнительно-исторический метод. Так, известные русские историки М.М.Ковалевский и И.В.Лучицкий свою гипотезу о семейной общине построили, в значительной мере, на историко-сравнительном методе³.

III. Историческая гипотеза – развивающаяся система знания. Необходимым этапом является доказательство ее истинности. В процессе доказательства историческая гипотеза в конечном итоге либо превращается в достоверное теоретичес-

кое знание, либо отбрасывается, иногда заменяется новой.

1. Для установления истинности исторической гипотезы необходимо, чтобы в ходе доказательства подтвердилась прежде всего главная идея. Процесс доказательства состоит в том, что из основной идеи гипотезы делается совокупность выводов, которые и проверяются практикой: практикой научной (отыскиваются новые факты, используются теоретические выводы из других областей науки и т.д.) и практикой общественно-исторической (прошлого и настоящего).

В.И. Ленин в работе "Что такое "друзья народа" и как воюют против социал-демократов" показал, что истинность гипотезы о материалистическом понимании истории была доказана К.Марксом на основе анализа огромного фактического материала. Для доказательства К.Маркс привлекает материал не только о практике как непосредственной действительности, но и огромный теоретический материал.⁴

2. В процессе обоснования историческая гипотеза может претерпевать самые различные изменения, преобразования и превращения. Однако плодотворность исторической гипотезы сохраняется в том случае, если ее отдельные положения не находят подтверждения. Так, "большесемейная гипотеза" М.М. Ковалевского в ходе накопления эмпирического материала претерпела значительные изменения. Однако ее основная идея — об универсальности семейной общины сохранила свое значение. Эта основная идея была подтверждена исследованиями советских историков, благодаря чему указанная гипотеза стала научной теорией⁵.

3. Реальность выдвинутых исторических гипотез в значительной степени обуславливается тем, на позициях какого класса стоит ее автор. История науки свидетельствует о том, что наибольшая плодотворность гипотезы у того исследователя, который выражает интересы наиболее прогрессивного класса своей эпохи. Весьма показательным является учение о государстве. Буржуазные историки, правоведы, социологи, изучавшие этот вопрос, написали немалое количество монографий, подняли большой фактический материал, обратили внимание на

некоторые функции и формы государства. Однако, несмотря на это, они не смогли пойти дальше иррациональных гипотез в объяснении сущности государства. В силу своих классовых позиций они оказались не в состоянии разрешить главный вопрос – о природе, сущности государства.

К.Маркс и Ф.Энгельс с позиций пролетариата не только выдвинули предположение о классовой сущности государства, но и создали научную теорию государства, которая была подтверждена общественно-исторической практикой.

Цитируемая литература:

1. Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе. УИ-УШ вв. М., 1956, с. 103.
2. Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, с. 214-215.
3. Лаптин П.Ф. О роли гипотезы в историческом исследовании. "Вопросы истории", 1970, № 1, с. 83.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 138-140.
5. Лаптин П.Ф. Указ. соч.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ю.И.Зуев, О.В.Николенко

Имеется целый комплекс причин, который в наше время выдвигает на первый план методологические проблемы исторической науки. Главная причина этого комплекса – переход человечества из одной системы в иную. Речь идет о превращении человечества в глобальную систему, то есть в такую систему, в которой изменение в одной ее части приводит к изменениям других частей (2). Слабые виды зависимостей между различными частями человечества и различными видами деятельности

заменяются все более сильными. Многие локальные, региональные зависимости перерастают в универсальные, мировые."... Все человечество, — писал по этому поводу В.И.Вернадский, — объединилось в единое экономическое целое ... это есть огромной важности исторический факт" (3, с. 35). История все неумолимей превращается во всемирную историю, и способы ее описания должны изменяться существенным образом.

Необходимость изучения глобальных систем требует соответствующих методов исследования. Это, в первую очередь, относится к всемирной истории. Несматривая на то, что к нашему времени история превратилась в очень разветвленную науку, мы не имеем еще всемирной истории как научной дисциплины о развитии уникальной глобальной системы. История человечества — история формирования этой системы и в дальнейшем история смен таких гигантских систем. Если же мы откроем любую многотомную всемирную историю, то перед нами предстанет не история человечества, а история отдельных народов, государств, военных и иных кампаний.

Подобные способы представления всемирной истории укоренились потому, что само человечество представляло систему, складывавшуюся более или менее из локальных историй различных социальных систем. Отсюда потребности во всемирной истории, понимаемой в нашем смысле, не было.

Такому электрическому подходу к исследованию истории человеческого общества нанес удар марксизму, который дал системную модель общества в виде общественно-экономической формации и представил историю человечества в виде смены общественно-экономических формаций. На базе учения об общественно-экономической формации было выработано марксистское понятие исторической эпохи, то есть комплексного представления человечества на определенной ступени его развития. В наше время для описания исторической эпохи можно привлечь понятийный аппарат общей теории систем. В этом случае можно будет использовать и соответствующие методы исследования. Поскольку человечество — глобальная система, комплексный подход при исследовании исторических явлений становится необходимостью. Ныне деятельность различных

частей человечества приобретает международный характер. Вот почему "нет теперь, наверное, такого уголка на земле, положение дел в котором так или иначе не приходилось бы учитывать при формировании нашей внешней политики" (2, с. 5).

Комплексное видение современной эпохи требует более тщательной разработки целого ряда понятий таких, как "социальное отношение", "социальная структура", "социальное-пространство-время", "социальная информация". Комплексное описание истории требует разработки системосоциологических параметров (5, с. 222-238), (6), некоторые из которых играют роль значений величины. На самом деле, общество - информационная система и при этом мощность и скорость информационных процессов возрастает почти что в геометрической прогрессии. "Современные технические и физические открытия, - отмечает Г. Клаус, - все более и более превращают нашу землю в единое информационное пространство" (4, с. 121). Поэтому изучение общества предполагает изучение его информационной структуры. Вполне понятно, что такое исследование будет успешно только в том случае, если удастся сконструировать "работающее" понятие "социальная информация". Для этого, в частности, связать его именно с социальным, а не с биологическим или чем-нибудь еще, а также "говоря об "информации" в смысле "количества информации", необходимо связывать это понятие с каким-нибудь конкретным способом измерения этого количества" (7, с. 17).

Далее, если на протяжении человеческой истории существенным образом изменяются такие важные характеристики социального времени, которые находят выражение в изменении ритма жизни и темпов социального развития, если существенным образом изменяются такие характеристики, как его плотность и теторогенность (пространство средневековых феодалов значительно более замкнуто, чем пространство античных полисов), то, видимо, мы должны иметь "работающие" понятия социального пространства и социального времени. Социальным пространством-временем ограничиваются все возможные альтернативные пути общественного развития. Поэтому понятие "социальное пространство-время" несет большую семантичес-

кую нагрузку. Удельный вес этого понятия увеличивается по мере превращения человечества в глобальную систему.

Такие изменения социального времени, которые выражаются в ускорении ритма жизни и темпов социального развития, ставят перед исторической наукой ряд проблем, изменяют ощутимым образом функции этой науки.

Долгое время историческая наука, по преимуществу, была описательной и объясняющей. Одна из этих функций уже ярко была выражена у Геродота, другая у Фукидида. Исторический материализм создал основу для социального диагноза и социального прогнозирования. Прогноз, в основном, был связан с возможностью и условиями перехода от одной общественно-экономической формации к другой. "Чем быстрее развитие, тем оно больше нуждается в контроле и управлении" (5, с. 234), а следовательно, ощущается острее потребность в квалифицированном диагнозе и прогнозе отдельных этапов исторического развития в рамках одной формации. Быстрое изменение исторической обстановки требует от историка дальнейшей разработки методом постановки диагноза и исторического прогнозирования.

Диагностическая и прогностическая функции исторической науки требуют значительно повысить операциональность исторической теории. Как известно, самыми операциональными понятиями являются числа и величины. При этом величины — это мосты, которые связывают мир качественных характеристик с миром чисел. Введение величин существенным образом изменяет виды классификаций и описаний, используемых до этого в данной области знания, позволяет производить измерительные процедуры. Эмпирический же мир с математическим связывается с помощью измерения. Посредством измерения эмпирический материал преобразуется таким образом, что ему придается форма удобная для математического представления. "Нельзя, — утверждал еще Роджер Бэкон, — познать ни одной вещи в мире, математически не представив ее" (8, с. 256).

Введение в историческую науку специфических для нее величин сталкивается с рядом трудностей. Одна из них свя-

зана с традиционным пониманием величины. Эмпирическую базу этого понимания составляют физические величины, которые представляют собой квантифицированные физические свойства. Такое понимание характеризуется тремя основными чертами: (1) величина отождествляется с измеримым свойством, (2) величина редуцируется к совокупности своих значений, (3) понятие величины онтологизируется.

Первая особенность традиционного понимания величины ограничивает мир величин лишь такими величинами, которые измеряются с помощью эталона, а ведь величины этого вида трудней всего вводить в гуманитарные науки. Такая редукция объясняется тем, что исследователь оперирует лишь со значениями величины, точнее с их числовыми заместителями. Так поступать можно лишь тогда, когда величина окончательно сформулирована. Однако сведение величины к совокупности ее значений мешает понять сложную структуру величины, в которой выражается связь между значениями величины и различными типами качественных и количественных представлений. При формировании же величины этот факт является решающим. Для методолога исторической науки очень важно знать, при каких условиях качественную характеристику можно представить в виде количественной. Онтологизация величины заключается в смешении величины как компонента теории с объективным свойством. Онтологизация закрывает путь к пониманию гносеологической природы величины. Онтологизация значений величины мешает понять, что в методологическом плане величина — способ переосмысливания, реконструирования качественных представлений в количественные.

Методологические проблемы исторической науки выдвигаются на передний план еще и потому, что в настоящее время все комплексные проблемы века приобретают социальный статус.

Л и т е р а т у р а

1. Брежнев Л.И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — "Материалы XXV съезда КПСС" М., 1976.

2. Богданович В.І., Кириченко С.М. Локальні й глобальні системи. Зб. "Філософські проблеми сучасного природознавства", вип. 34, К., 1977.
3. Вернадский В.И. Об организации научной работы. - "Природа", 1975, № 4.
4. Клаус Г. Сила слова. М., 1967.
5. Логика и методология системных исследований. Киев-Одесса, 1977.
6. Маркрян Э.С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972.
7. Ребане Я.К. Информация как мигрирующая структура. - Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 225. Труды по философии. XII. Тарту, 1969.
8. Tatarkiewicz W. Historia Filozofii, t.1. Warszawa, 1970.

ПОНЯТИЕ МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

А.Н.Гурьянова

Выяснение сущности метода исторической науки – задача большого теоретического и практического значения.

Метод исторической науки – понятие структурно сложное. Было бы упрощением рассматривать его лишь как "познавательную операцию, используемую для решения некоторой задачи". В определении метода исторического познания необходим учет его ввязи с теорией, "деятельностного аспекта", составляющих его элементов (от философского метода до частнонаучных методов исторической науки). Метод исторической науки – адекватная свойствам объекта, исторически развивающаяся, иерархическим организованная система методов, определяющим среди которых является генетический метод, система определенным об-

разом организованных элементов теоретического знания: законов, категорий, принципов.

Подвижность, сложность и противоречивость объекта исторического познания определяет сложность и многофункциональность метода исторического исследования. Метод в исторической науке динамичен, он развивается с каждым новым успехом истории, обогащает свое содержание новыми методами и принципами исследования. Но наряду с этим совершенствуются "старые", традиционные методы — исторический, сравнительно-исторический и историко-структурный.

Признание исторической закономерности, общности всемирной истории стало основой применения сравнительно-исторического метода в истории. Сравнительно-исторический метод выдвигается на первый план в систематизации и обобщении материала, в выявлении типичного и общего и вместе с тем установлению особенного и различного. Кроме того, сравнительно-исторический метод выступает как средство реконструкции событий прошлого, как средство реализации метода актуализации, как составная часть мысленного эксперимента. Однако вскрыть эвристические возможности сравнительно-исторического метода, как и других методов исторического познания, можно лишь исходя из его места в системе методов исторической науки, из учета взаимодействия его с другими методами. В практике исторического исследования сравнительно-исторический метод используется наряду и в связи с собственно историческим и историко-структурным методами.

В философской литературе можно встретить с отождествлением исторического метода и принципа историзма. Принцип историзма требует понимания диалектики исторического процесса, конкретно-исторического анализа на базе познания лежащих в его основе закономерностей. Он предполагает не только изучение явления в его завершенной форме, но и выяснения динамики процессов, составляющих историческое явление: единство прошлого, настоящего и будущего, выявление ведущих тенденций развития конкретно-исторического явления, учета опыта истории. Историзм является сердцевиной исторического метода, но

его содержание не совпадает с ним. По гносеологической своей направленности принцип историзма и исторический метод близки, но по степени всеобщности принцип историзма выше исторического метода, вместе с тем он менее конкретен, более далек от многообразия проявлений исторического развития.

Структурно-исторический метод дает возможность анализировать определенное "застывшее" состояние объекта, взаимодействие составляющих его элементов. Однако противопоставление структурно-исторического и собственно исторического методов в исторической науке нельзя признать правомерным. Сама структура исторического явления — результат развития, содержит развитие. Структурный анализ в истории не способен раскрыть сущность системы, "пружины" ее развития, ее внутренние противоречия, закономерности ее развития без синтеза его с историческим методом.

Традиционно исторические методы связаны с моделированием в истории. Моделирование включает в себя множество методов: анализ, синтез, аналогию, экстраполяцию, абстрагирование, оно связано с реконструкцией исторического явления — созданием модели на основе всестороннего изучения и систематизации источников. Причем реконструкция — воспроизведение объекта в идеальной форме, предшествует моделированию, но в то же время моделирование через системный подход ведет к реконструкции более высокого порядка.

Системный подход в исторической науке является одновременно и следствием применения и условием реализации традиционно исторических методов, которые выступают как стороны системного анализа.

Современное состояние научного знания характеризуется ярким проявлением интегративных процессов. Интеграция проявляется в росте фактического материала, в обобщении и синтезе научных теорий, в проникновении методов естественных наук в науки гуманитарные, в том числе и в историю. Математические методы, эксперимент, методы психологии, геологии не просто используются и модернизируются исторической наукой, но и изменяются в соответствии со спецификой исторического исследования. Методы, заимствованные из других наук, становятся методами исторического анализа в их специфически историческом применении.

О РОЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА В ЕГО ИСТОРИКО- НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

И.Б. Крикштопайтис

I. Предлагается обратить внимание на один методологический момент в исторической проблеме, имеющий непосредственную связь с изучением истории концептуального процесса в генезисе выбранной области знания. (Он здесь анализируется на примере конкретной отрасли естествознания).

Представим следующую ситуацию: если строится определение (дефиниция) главного объекта какого-нибудь научного направления (или дисциплины) с учетом высшей и наиболее совершенной стадии развития теоретических обобщений о нем, то в результате этого создается формулировка отличительных и существенных признаков данного объекта. Само же построение определения осуществляет такие мысленные процессы как обобщение и абстрагирование, в результате чего расширяется содержание и тем самым повышается информативность признаков предмета.

С другой стороны, определение объекта можно рассматривать как обобщение существенных результатов развития знания о нем. В тексте определения как-бы сфокусированы достижения знания. Определение является совокупностью наиболее достоверных теоретических положений. Оно выступает как некий субстрат теоретического знания о нем, как упрощенный вариант этого знания — некая модель. Именно как модель рассматривает математическая логика и семиотика текст самого определения, где слова (элементы) связаны между собой смысловой закономерностью, определяемой языковой грамматикой. Поэтому имеется смысл анализировать такой текст с целью раскрытия в нем не вполне явных структурных взаимосвязей.

Заметим, что не существует однозначного значения термина "определение" и полного ответа на вопрос о том, какие процедуры следует именовать определением (I). Поэтому мы

ограничимся лишь общими логическими требованиями и дополнительным условием, детерминированным спецификой нашей проблемы, связанной с генезисом конкретной отрасли знания. Таким образом мы будем употреблять термин "определение" в широком смысле и строить дефиницию нашего объекта с таким учетом, что оно должно иметь конкретную цель, задаваемую самой проблемой. Согласно Б.Н.Кедрову, такое неформальное определение является наиболее содержательной характеристикой объекта (2).

2. Поскольку в настоящее время исследуемым нами предметом является знание о твердом теле (а конкретнее - его микроскопический аспект) то необходимо сперва построить определение его непосредственного и главного объекта - твердого тела. Понятие "твердое тело" является фундаментальным в данной отрасли физики. Оно (как и все фундаментальные понятия) обладает свойством выступать в качестве понятийной основы в теории, а также менять смысл самой теории при замене его другим [3, с. 225]. Теоретический смысл такого понятия (в данном случае "твердое тело") заключается в том, что оно детерминирует необходимые условия для построения теории [3, с. 250].

Несмотря на то, что понятие "твердое тело" чрезвычайно широко используется в естествознании, построение его определения все же не является простым делом. Особенно в нашем случае, где ставится задача охарактеризовать предмет со стороны микроскопического подхода, применение которого не всегда адекватно даже в одной и той же отрасли знания. Так, например, на языке исследователей, усвоивших технику предельно низких температур, твердое тело выступает как экстремальная область конденсированного состояния, в которой квантовые свойства вещества проявляются в виде макроэффектов (имеется в виду сверхпроводимость). Наряду с этим, исследователи полупроводников, для которых монокристалл или фаза является коллективным объединением и тем самым носителем свойств вещества, видят в кристаллическом твердом теле систему, проявляющуюся в виде сильного взаимодействия квазичастиц с решеткой. Для такого аспекта основа-

нием послужил недавний факт экспериментального обнаружения электронно-дырочной "капли", т.е. возбужденного коллективного состояния в локальных областях кристалла.

3. Мы не будем останавливаться на специфических аспектах нашего предмета, выделяющих те признаки, которые наиболее выразительно характеризуют конкретные потребности разных подходов и отдельных проблем. На исходном этапе исследования для наших целей нам достаточно иметь следующий текст определения общепознавательного характера: "под твердым телом понимается вещество в таком агрегатном состоянии, внешним признаком которого является наличие постоянства формы и строения, обусловленных плотным размещением структурных единиц и их обменным взаимодействием". Такой текст, характеризующий объект имеет довольно высокую степень общности. Абстрактность достигнута здесь в ущерб конкретности самого определения. Поэтому к определению была присоединена экспликация в виде последовательной цепочки внешних признаков, которая внесла ясность в границы ее применения и наряду с этим увеличила число конкретных признаков. Однако для обсуждения мы используем лишь тот фрагмент текста, который был изложен выше. Как свидетельствуют печатные работы по общим вопросам физики и химии, такой текст может быть конвенционально принят при обсуждении общепознавательных вопросов по проблематике твердых тел.

Нетрудно заметить, что в указанном тексте определения содержатся два узловых положения — две доминанты, к которым восходят все смысловые линии не только основного текста, но и разных его модификаций. Согласно первому положению, твердое тело составляет дискретные материальные частицы. Согласно второму — экзистенция всей системы и ее свойства обусловлены взаимодействием всех компонентов данной системы. Если первое положение выделяет статическую сторону нашего предмета, то второе — динамическую.

4. Далее мы обратимся вновь к пп. I (второй абзац) настоящего изложения, где определение объекта представлено как обобщение существенных результатов развития знания о нем. В таком контексте две вышеуказанные смысловые линии,

обнаруживаемые в определении, в сущности являются отражением двух путей, по которым направлялся познавательный процесс предмета и его концептуализация. Первое направление связано с развитием атомистики и ее применением к конкретным задачам химии, кристаллографии и физики. Второе шло через познание носителей энергии к общему представлению о квантовых объектах. В этих двух руслах движения научной мысли о веществе, твердое тело в виде конкретного объекта оформилось в начале как область вещественных предметов, обусловленная основными параметрами состояния и характеризующаяся определенными свойствами и явлениями, среди которых существенную роль выполнили электрические силы.

Итак, эти две линии развития научных представлений, приведшие к раскрытию закономерностей в микромире вещества, могут служить условными критериями для вычленения и систематики фактологического материала при историко-научном исследовании. В этом и заключается эвристическая роль самого определения объекта. Более того, если мы такое заключение распространим на представление о двухсторонней связи между научным знанием и его развитием, то придется признать, что один из признаков, свидетельствующим об успешности историко-научного анализа, являются те его результаты, которые позволяют углубить и уточнить определение главного объекта данной отрасли знания.

Л и т е р а т у р а

1. Горский Д.П. Определение. М., "Мысль", 1974.
2. Кедров Б.М. Формальные и содержательные определения понятий в логике. В кн.: "Диалектика и логика. Формы мышления". М., Изд. АН СССР, 1962, с. 42-65.
3. Ракитов А.И. Философские проблемы науки. М., "Мысль", 1977.

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

В.П.Фомин

1. Исследование вопроса о возникновении исторического объяснения представляет интерес в связи с тем, что дает возможность проследить в снятом виде процесс наращивания исследовательской эффективности исторической науки, резюмирующейся в соответствующих объяснительных формах. Кроме того решение данной проблемы дает основу для одного из возможных подходов к построению типологии исторических объяснений. В настоящем сообщении речь идет о некоторых основных моментах этой сложной проблемы.

2. Логично предположить, что стремление к объяснению явлений социальной жизни, выраженное первоначально в простейших формах, возникло еще в период существования донаучных форм знания. Естественно, что эти объяснения также были донаучными, не способными удовлетворить потребностей субъекта в подлинно научном объяснении в силу того, что такие объяснения заключались в отсылке к абсолютизированным мифологическим моментам.

3. Возникновение первичных объяснение связано с их отрывом от мифологическо-исторических представлений. Долгое время в общей ткани исторических повествований наряду с суждениями, которые в определенной степени можно назвать объяснительными, существовали и такие суждения, которые свидетельствовали о еще неполном разрыве с мифологией. Сказанное относится прежде всего к такому яркому представителю ранних форм исторического знания, как Геродот.

4. Процесс становления объяснения в истории связан как с гносеологическим, так и с социальным факторами. Первый из них характеризует внутреннюю логику возникавшей истории. Социальный фактор связан с появлением социальной дифференциации, субъекта истории в лице общества, класса, конкретного субъекта, осознающих свои интересы, потребности, ста-

влящих определенные цели и стремящихся к их осуществлению. Именно в этот период в объяснении какого-либо исторического события вместо ссылок на обожествленно-мифологические персонафицированные силы появляются ссылки на действия конкретных исторических личностей.

5. Вычленение в исторических повествованиях элементов, апеллирующих к рациональным моментам создало предпосылки для перехода к древнейшему историческому объяснению — объяснению через мотив. Следует заметить, что продолжительное время и в этом первом историческом объяснении был элемент ненаучности, поскольку сама целесообразная деятельность рассматривалась как направляемая сверхъестественными силами.

6. Ограниченности античного исторического эмпиризма, а также средневековой теологии в объяснении исторических явлений были выявлены материалистической философией I7-I8 в. и историками-просветителями I8 века. Объяснение становится более адекватным объекту, но все же это было чисто эмпирическое объяснение, основанное на исследовании исторических явлений в отрыве друг от друга.

7. Переход к теоретическому историческому объяснению связан с открытием К.Марксом и Ф.Энгельсом материалистического понимания истории. Исторические объяснения становятся логически оттогненными, способными объяснить многообразные связи и отношения.

8. Современная историческая наука имеет значительный арсенал объяснительных средств, применяющихся на различных уровнях объяснительного процесса. Раскрытие многоступенчатой сущности того или иного вида объяснения с учетом процесса его возникновения позволит, по нашему мнению, реализовать один из возможных подходов в построении системы исторического объяснения.

ПРОЦЕДУРА РЕКОНСТРУКЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

В.С.Егорова

Представляется, что результатом работы историка является воссоздание, воспроизведение или, говоря иначе, РЕКОНСТРУКЦИЯ событий прошлого, которая состоит из трех этапов:

I. Историческое наблюдение - процедура в какой-то мере аналогичная процедуре наблюдения в естественнонаучном познании.

Однако историк, в отличие от представителя естественных наук, лишен возможности пользоваться прибором. Прибор ему заменяет исторический источник, опосредующий на эмпирическом уровне исторического познания связь между прошлой действительностью (историческим явлением, событием, процессом) и субъектом познания (исследователем). Главным моментом этого этапа является научная критика источников. Отметим, что немаловажное значение имеют здесь личные качества исследователя, его одаренность, добросовестность, профессиональная подготовка, культурный уровень и, наконец, его мировоззрение, классовые позиции.

В этой связи остановимся на партийности как субъекта, так и объекта исторической науки, которая проявляется через призму классовой природы исторических источников. Партийность исторических источников обусловлена такой специфической особенностью исторического познания как самопознание субъекта в историческом исследовании, где общество выступает и как объект познания и как субъект исторической действительности.

Таким образом в историческом исследовании активен не только историк как субъект познания, но и источник, т.е. объект познания, а вернее субъект исторической действительности активно заявляет о своей классовой направленности посредством источника. Это необходимо принимать во вни-

мание в процессе критики, оценки исторических источников.

2. Второй этап, соответствующий процедуре измерения в естественнонаучном познании, требует применения строгих количественных, математических методов исследования и необходим в случае, если этого требуют задачи исследования, однако не носит обязательного характера и является, хотя и важной, но вспомогательной процедурой исторического исследования.

Результатом первых двух этапов процедуры реконструкции является выявление, констатация исторических фактов¹⁾, необходимых для изучения какого-то определенного периода в соответствии с задачами исследования.

3. Третий этап процедуры реконструкции, результатом которого является написание собственно истории, является самым существенным, важным, целью каждого исторического исследования.

Эксперимент — важнейший этап естественнонаучного познания, практически не встречается в исследованиях по гражданской истории, а так называемый мысленный эксперимент можно считать одним из видов телеологического (мотивационного) объяснения, который не является самостоятельной процедурой эмпирического уровня исторического исследования. Это связано с таким важным отличием исторического познания от естественнонаучного, которое заключается в том, что историк имеет дело в основном с результатами процесса, но не с самим изучаемым процессом, однако воспроизводит все же процесс общественно-исторического развития посредством исторических источников.

Задачи исторического исследования могут быть различными, но они не сводятся к тому, чтобы донести до современников какое-то количество сведений, о политическом, экономическом, культурном прошлом человечества. Задача историка — создать целостную картину общественного развития, во всем многообразии его взаимосвязей и отношений. В большинстве случаев предметом изучения исследователя является история одной или нескольких стран, какого-то определенного периода, отдельные сторсы исторического процесса, ограни-

ченные пространственно-временными рамками, даже история одного события или личности. Исследование по гражданской истории, предполагающее в качестве необходимого компонента самопознание субъекта, не может сводиться к отображению только общего. Человек, познавая себя в истории, стремится знать свое прошлое в его конкретности, т.е. как цепь событий, явлений с их деталями, характеризующими поступки не только социальных групп, коллективов, но и отдельных исторических личностей.

Исследователь как бы "приближает" прошлое к современникам, рисует общую картину исторической действительности, жизни государства, народов, классов, отдельных исторических личностей, и здесь ему помогает творческое, образное мышление. В этом смысле история несколько сродни искусству²⁾. Не существует беспристрастной истории, и читая исторические сочинения, нетрудно понять отношение автора к историческим героям, правительствам, народам, событиям, его симпатии и антипатии. Момент оценки происходящего присутствует на всех этапах исторического исследования, наполняя его эмоциональным содержанием. Однако исторические сочинения ни в коей мере не тождественны произведениям художественной литературы: историк не имеет права фантазировать. Исследователь оперирует лишь фактами, полученными посредством исторических источников, изучая которые он применяет строгие методы научной критики, вне зависимости от собственного отношения к происходящему, он прежде всего ученый, цель которого — знание истины. Историк, таким образом, кроме профессиональных знаний, необходимо обладать особым синтетическим мышлением, чтобы охватить взглядом жизнь целой эпохи, увидеть место, занимаемое рассматриваемым феноменом в более широких исторических контекстах, отделить главное от второстепенного. Это определяет ту огромную роль, которую играет в историческом познании марксистская философия истории, а также специфику соотношения теоретического и эмпирического уровней в исследованиях по гражданской истории.

Решающее значение здесь имеет та теоретическая основа,

которой руководствуется исследователь. Обращение к законам исторического развития помогает правильно определить направление исследования, т.е. имеет методологическое значение. В процессе познания метод и теория находятся в диалектическом единстве, между ними нет той грани, которая разделяет их как категории гносеологии, партийность научной теории переходит и на метод. Метод определяется мировоззрением, характером подхода к явлениям в процессе познания. Диалектический и исторический материализм как научная теория и как мировоззрение пролетариата дает такой метод исторического исследования, который отмечен пролетарской партийностью. "Метод Маркса состоит прежде всего в том, — указывал В.И. Ленин, — чтобы учесть объективное содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке"...³⁾

Ведущая тенденция, наиболее соответствующая сущности исторического развития общества, определяющая направление его движения, есть результат взаимодействия самых разнообразных причин, факторов: и производственных отношений, и географической среды, и психологии, и идеологии, и соотношения сил между различными социальными группами людей, и многого другого. Предшествующие этапы процесса общественного развития не строго детерминируют последующие, а создают основу для нескольких направлений движения, однако реализуется только одно. Конкретные факторы, влияющие на ход общественно-исторического развития, неоднозначны, лежат как бы в разных "плоскостях", а действуют только во взаимосвязи, в совокупности, причем одни непрерывно, другие — дискретно, т.к. в одних условиях существенным оказывается одно, в других — другое, действие одних факторов под влиянием других прекращается, появляются новые факторы и т.д. — в этом их существенное отличие от определяющего условия общественно-исторического развития в целом — развития производительных сил⁴⁾.

Из вышеизложенного следует, что гражданская история — комплексная дисциплина, включающая в себя науки об обществе, используя метод восхождения от абстрактного к конкретному —

"единственно возможный", по словам К.Маркса, способ освоения развивающегося целого, — дает всестороннее и целостное знание о развитии и жизни общества. Однако каждая из сторон предмета изучения гражданской истории — это не отдельный закон, необходимое отношение, а система законов других наук, взятых в особенной и часто случайной форме их действия. Поэтому гражданская история является не суммой всех наук об обществе (в том числе истории естествознания), а их приложением к живому процессу жизнедеятельности и развития общества в целом. Таким образом, в противоположность эмпирическому, одностороннему пониманию исторического процесса, его теоретическое понимание вскрывает сущность и охватывает исторический процесс в его целостности и всесторонности. Конкретные принципы такого целостного познания исторического процесса (историческое и логическое, абстрактное и конкретное и др.) — фундаментальные методологические принципы диалектического и исторического материализма.

Исследователь в процессе процедуры реконструкции конкретно анализирует, объясняет события, явления, процессы исторической действительности с помощью понятий и методов специальных областей знания, применяя метод восхождения от абстрактного к конкретному, причем процесс абстрагирования начинается уже с отбора фактов. Теоретический анализ исторического процесса на основе применения принципов диалектического и исторического материализма, последовательное проведение принципа пролетарской партийности присутствует на всех этапах процедуры исторической реконструкции, является основой объективности исследований по гражданской истории.

Представляется, что процедура реконструкции является, во-первых, наиболее важной, центральной в исследованиях по гражданской истории, во-вторых, наиболее ярко демонстрирует соотношение эмпирического и теоретического в историческом познании, является их синтезом.

Л и т е р а т у р а

1. См.: В.С.Егорова. Проблема факта в историческом познании. - "Вестник МГУ", сер. философия, 1976, № 5.
2. См.: А.В.Гулыга. Эстетика истории. М., 1974.
3. В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 123.
4. См.: А.Я.Гуревич. Некоторые аспекты изучения социальной истории (социально-историческая психология). - "Вопросы истории", 1964, № 10; А.Я.Гуревич. О закономерности в истории. В сб.: "Философские проблемы исторической науки". М., 1969; А.В.Гулыга. Эстетика истории и др.

О МЕТОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДУХОВНЫХ ЯВЛЕНИЙ

О.И.Кирсанов

В последние годы в марксистской методологии исторического познания заметно активизировалось обсуждение гносеологических и логических проблем, связанных с анализом и объяснением духовных явлений прошлого. В их решении заинтересованы как гражданская история исследующая факты духовной деятельности для комплексной реконструкции прошлых общественных состояний, так и специальные исторические дисциплины (история науки, философии, социально-политической мысли, литературы, искусства и т.д.).

Вопрос об единстве метода и логических средств, используемых историком при изучении духовных явлений, относящихся к различным срезам общественного сознания (наука, философия, социально-политическая мысль, литература и т.д.), занимает, пожалуй, среди таких проблем одно из центральных мест. Расхождения во взглядах по этому вопросу выливаются в споры на тему: должен ли историк, изучая феномены идеологии, литературы, искусства, руководствоваться общенаучными гносеологическими принципами¹⁾, или для реконструкции фактов со-

знания необходимы иные средства ("понимание", "сопереживание", "авторизованный перевод" и т.д.)²⁾.

Не менее дискуссионной остается проблема: решаются ли в истории философии и истории науки задачи отличные от задач самой философии и конкретных научных дисциплин. Одни исследователи считают историко-научное знание вполне самостоятельным разделом науки³⁾. Другие, признавая автономию предмета истории естествознания, включают предмет истории гуманитарных наук в предметы отдельных гуманитарных дисциплин⁴⁾. С точки зрения третьих, история любой науки частично входит в предмет самой науки, а частично не входит, образуя самостоятельную область знания⁵⁾.

Представляется, что при решении вопроса о предмете и методе исторических наук, о духовных явлениях важно учитывать следующие обстоятельства. Дошедшие до нас зафиксированные в материальной форме гносеологические феномены являются фрагментами прошлой социальной действительности. Несмотря на их неоднородность (они могут быть и научными теориями, и философскими системами и социальными программами, и художественными произведениями и т.д.) любое из них может стать объектом научного анализа и объяснения. Это происходит в том случае, когда историк стремится получить объективное знание о самом духовном явлении, в том его виде, в каком оно некогда функционировало. "Понимание", "вживание", "авторизованный перевод" оказываются малоэффективными средствами для решения такой задачи. Для объяснения содержания духовного явления, его структурных, функциональных и генетических связей необходимы чисто научные методы.

Научный анализ, объяснение продуктов духовной деятельности прошлого создание концептуального знания о них относятся к компетенции исторического познания. Даже в тех случаях, когда исследователь изучает фрагменты прошлого знания (физического, биологического, социологического, философского и т.д.) он не становится физиком, биологом, социологом или философом, а остается историком. История

естественных и гуманитарных наук в данном случае не может рассматриваться как часть предмета соответствующих дисциплин, поскольку историк исследует не объекты этих наук, а закономерности познания этих объектов в прошлом.

Но было бы неверным считать научный подход к духовным явлениям прошлого единственно возможным. Являясь остатком прошлого, исторические продукты духовной деятельности продолжают нередко функционировать в настоящем. Отдельные стороны их могут либо выполнять ценную регулятивную функцию в отношении современной социальной деятельности, либо содержать значимую для современного общества информацию о природной или социальной действительности. Актуализация таких сторон, заключающаяся в переосмыслении прошлых духовных феноменов с позиции современного сознания, является специфичным видом человеческой познавательной деятельности.

В последнем случае исследователь не получает объективного знания о самих духовных процессах, не объясняет их. Ему важно с учетом современных запросов научного, философского, идеологического, художественного сознания решить те же проблемы, которые решались в свое время создателями памятников духовной культуры. Поэтому исследования такого типа по своей форме и гносеологическим характеристикам тяготеют соответственно к тому виду общественного сознания, который является предметом рассмотрения: переосмысление художественного творчества приближается к самому искусству, идеологии — к практически-духовным формам познания, философских учений — к самой философии и т.д. Именно здесь возникает необходимость "понимания", "сопереживания", "авторизованного перевода".

Вполне очевидно, что переосмыслению подвергаются и фрагменты прошлого научного знания. Любая наука может консультироваться со своим прошлым, искать в старых идеях какие-то интересные для осмысления современных научных проблем постановки вопросов и методы их решения, и, тем самым, обогащать представления о своем объекте. Именно в этом аспекте ис-

следование науки прошлого входит в предмет самой науки, а не является предметом специальных исторических дисциплин о духовной деятельности.

Разумеется, разные науки не в равной степени пользуются современным переосмыслением старых знаний для познания своего объекта. В гуманитарных науках этот метод до сих пор имеет большую значимость. Естествознание, которое некогда также занималось "истолкованием" старых текстов для того, чтобы заставить говорить природу⁶⁾, сегодня уже обходится без "историографических обзоров" своих проблем. Тем не менее и естествоиспытатели в отдельных случаях нуждаются в интерпретации трудов своих предшественников, если не для непосредственной их актуализации, то с целью нахождения забытых подходов.

Констатируя возможность двух принципиально различных способов исследования духовных явлений, подчеркнем следующее. В реальной историографической практике историки обычно используют как научные методы реконструкции продуктов духовной деятельности, так и приемы их современного переосмысления. Такое сочетание вполне оправдано. Важно лишь осознавать специфику каждого из подходов, границы его применимости для решения определенных задач. В тех случаях, когда это требование не соблюдается, возникает опасность подмены одного типа исследования другим, близким по форме, но противоположным по сути.

- 1) См.: Ю.М.Лотман. Литературоведение должно быть наукой. — "Вопросы литературы", 1967, № 1, с. 90–100; М.К.Мамардашвили. Анализ сознания в работах Маркса. — "Вопросы философии", 1968, № 6, с. 14–25. и др.
- 2) См.: Л.М.Баткин. Тип культуры как историческая целостность. — "Вопросы философии", 1969, № 9, с. 99–101; П.В. Палиевский. Пути реализма. Литература и теория. М., 1974, с. 34–70 и др.
- 3) См.: Н.И.Родный. История науки, науковедение, наука. — "Вопросы философии", 1972, № 5, с. 62; Р.А.Вихалемм. О соотношении логики развития науки и теоретической истории науки. — Учен. зап. Тартуск. ун-т, 1977, вып.404, с. 62–71 и др.

- 4) Б.М.Кедров. Выступление на совещании. – В кн.: История и социология. М., 1964, с. 104 и др.
- 5) П.В.Копнин. Диалектика, логика, наука. М., 1973, с. 262-264; А.М.Сахаров. Некоторые вопросы методологии историографических исследований. – В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977, с. 36-39 и др.
- 6) См.: Мишель Фуко. Слова и вещи. М., 1977, с. 79-88.

ИСТОРИЯ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ В ФИЛОСОФИИ К. ЯСПЕРСА

В.Г. Минаков

Философско-историческая концепция Ясперса в отличие от множества параллельно ей разворачивающихся пониманий истории характеризуется напряженным отношением к трансценденции. Понятие трансценденции не приложено извне для разрешения частных задач и целей, оно наоборот представляет собой действительный центр истории, вокруг которого вращаются все исторические проблемы. Ясперсовская модель истории есть именно религиозная концепция исторического процесса, правда, со всеми теми особенностями, какими воспринимает традиционное религиозное миропонимание экзистенциализм, перерабатывая по-своему основные понятия религиозного сознания. Конститутивные элементы исторически — историчное время, свобода, экзистенция, находят свое завершение только в понятии трансценденции.

Понятие трансценденции не возрождает традиционное религиозное понимание истории как это можно наблюдать в философии неотолизма, напротив, оно отбрасывает его в сторону для того, чтобы проявить новое отношение к истории, которое соответствовало бы условиям существования современного индивида. Если буржуазная философия истории осуществляет отказ от христианской модели истории либо путем возвращения к язычеству, как это мы видим на примере философии Ницше с его теорией вечного возвращения, либо благодаря проведению до конца радикального нигилизма — личность стоит перед ничто как своей последней реальностью и разрушает всякие иллюзии нахождения какого-либо смысла истории помимо того, который вносится в мир человеком, как это выступает в философии Хайдеггера, то Ясперс на самой границе предметного и не-предметного разрабатывает чрезвычайно утонченный, рафинированный вариант религиозного истолкования истории. В теоре-

тическом плане источником ясперсовского понятия трансценденции является протестантская традиция, через призму которой Ясперс переосмысливает традиционное христианство. Свойственное протестантизму противопоставление предметного мира и невещественного бога, а также личностное отношение к божеству Ясперс перенес в теорию трансценденции. Подход к ее познанию воспроизводит также опыт апофатической теологии.

Понимание бога как трансценденции имеет свои исторические причины, которые заключены в таком изменении исторического бытия, что можно говорить о "триумфирующем нигилизме" и "обезбожении" мира, либо для тех, кто еще сохраняет религиозную веру, об утрате непосредственного отношения к божеству. Историческим идеалом для Ясперса в этом отношении является классическая Греция, "грек мог сказать": это сделал бог". Мы же согласно Ясперсу понимаем это, но не можем больше высказать в необусловленной серьезности. События священной истории, которые имели огромное значение для человека средневековья, в современную эпоху утратили свое символическое значение. Вера во второе пришествие Христа и мировой суд, как завершение истории, стали проблематическими даже для тех мыслителей, которые хотели бы сохранить значение религиозной веры, но не потерять ее окончательно в грубо предметном овеществлении. На основании этого попытка Ясперса обосновать наличие бога как трансценденции преследует цель сохранить значимость этой идеи для современного буржуазного сознания несмотря на то, что оно отравлено ядом рефлексии.

История в философии Ясперса распадается на два плана: эмпирический и трансцендентный, только второй план придает истории смысл. Каждое историческое событие соотносено с трансценденцией и помимо своего прямого назначения получает оправдание перед лицом трансценденции. Подход к ее определению в пределах рационального познания неосуществим, поскольку трансценденция находится по ту сторону всякой предметности и выступает как "небытие мира". Для того,

чтобы действительно соприкоснуться с ней, необходимо, по Ясперсу, проникнуть либо к началу, либо к концу истории. Только на границе истории и того, что историей не является, а также в перспективе завершения истории можно говорить о проникновении к бытию трансценденции. Поскольку это не достижимо — в прошлом историк ограничен документами, свидетельствами, дальше которых идти нельзя, а будущее остается только возможным, но не актуально действительным —, то единственный выход состоит с точки зрения экзистенциализма в том, чтобы искать проявления трансценденции в самой истории. Эти проявления и получают название шифров.

Шифр есть язык трансценденции, который не опредмечивает; он отличается от символа и от знака. В символе присутствует чувственная наглядность, а знак выражает предметную соотнесенность, вследствие чего они не пригодны для изображения трансценденции. Понятие шифра необходимо Ясперсу для того, чтобы преодолеть те трудности, которые связаны с проявлением трансценденции в мире. Если считать всякую предметность в мире ее действительным воплощением, то это привело бы к искажению смысла трансценденции, к возвращению к уже отвергнутому толкованию бога. Если же встать на противоположную точку зрения, то это привело бы в тупик — трансценденция помимо предметного бытия не доступна. Шифр означает дословно вмысливание трансценденции в предметы, благодаря чему они получают новое значение. Шифры не есть познание, но видение и толкование, они исключают общезначимый опыт и верифицируемость, их истина лежит, как отмечает Ясперс, в связи с экзистенцией каждого субъекта. Они актуализируют бытие трансценденции только в исчезновении всякого предметного бытия.

Подход к трансценденции получает у Ясперса обозначение трансцендирования. Трансцендирование по своему смыслу означает "выход через предметное в не предметное". Существовая в наличном бытии, а именно здесь совершается, по Ясперсу, история, трансцендирование не является составной частью последнего, но существует как возможность свободы в

нем. Оно означает прорыв, выход за пределы исторического в надисторическое. Согласно Ясперсу только животное удовлетворено наличным бытием и не трансцендирует, сущность же человека состоит в постоянном трансцендировании. В этом толковании трансцендирование приобретает универсальное значение и становится символом человеческого существования вообще. По отношению к философии значение трансцендирования определяется тем, что оно является гарантом от превращения философии в интеллектуальную игру. Истоки этого понятия Ясперс видит в философии Канта.

Универсальным шифром истории является крушение. Крушение относится к человеку, его планам, деятельности, целевым установкам; оно выступает в философии Ясперса в качестве критерия истинности человеческого существования в мире. В ситуации крушения человек ищет опору сначала в предметном мире, однако это не достижимо, так как последний находится, по Ясперсу, в состоянии движения. Только трансценденция есть такое бытие, которое дает человеку опору и спокойствие несмотря на все катаклизмы истории. Крушение потому и выполняет свою роль шифра трансценденции, что оно призвано показать всю тщетность предметной деятельности человека в мире и в перспективе последнего разочарования подвести его к трансценденции. Подобное нигилистическое отношение к истории проявляется в критике оптимистическо-прогрессивистских моделей истории, которая постоянно присутствует в сочинениях Ясперса. Не менее внушительно чем Шпенглер Ясперс развертывает пессимистическую картину истории, в которой ничто не стоит на месте, все предано закату и гибели.

Ясперс требует различать крушение в ориентировании ми-мире и в экзистенциальном прояснении. В первом случае постигается, что мир существует "не из себя самого и не в себе самом", во втором — актуализируется сознание трансценденции. Второй подход к трансценденции связан с концепцией экзистенциальной свободы. Свобода есть последнее в субъекте, но не последнее для субъекта, ибо, с точки зрения Ясперса, в самом акте свободного существования субъект должен

узнать свою зависимость от трансценденции. Свобода таким образом относительна, однако ее относительность выражает не реальный характер свободы, ее связь с миром, но выход за его пределы к трансценденции. Свобода в толковании Ясперса означает фактически подарок, данный человеку из рук бога.

Шифр крушения разрабатывается Ясперсом на основе понятия пограничной ситуации. Существенная черта историчного бытия личности — его ситуационный характер; находится в ситуации, либо исторично существовать, означает в философии Ясперса одно и то же. При этом особую роль играют так называемые пограничные ситуации. Специфика пограничной ситуации состоит в том, что в ней налична всегда граница, выражающая отличие одного способа бытия от другого; причем, то бытие, которое открывается по ту сторону черты, носит трансцендентный характер.

Подводя итог рассмотрению следует констатировать, что понятие крушения как универсального шифра истории, связанного с ним понятия трансцендирования, а также учения о пограничных ситуациях преследуют одну цель: вывести человека из неосознанной связи с историческим целым, открыть для него сверхисторическое в историческом. Разрабатываемые экзистенциализмом механизмы вычленения субъекта из истории, отключения его от всех социальных связей направлены на поиски индивидуальноисторического, которое в таком случае может быть только асоциальным.

В отличие от других вариантов экзистенциализма Ясперс не удовлетворяется критикой и разрушением форм участия индивида в истории. Им проектируется метафизический план истории, без отношения к которому история теряет смысл и источник развития. Основа истории и ее завершение — бытие трансценденции, история таким образом приобретает теоцентричный характер.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ КАРЛА ЛЕВИТА

З.Я.Ермацане

Среди учений современной буржуазной философии истории известное место занимает экзистенциалистское истолкование философско-исторических проблем. Идеалистический характер этих проблем получил глубокий анализ в трудах многих советских философов [см. 5, 128-139; 6, 15-25; 8, 217-235; и др.] .

Меньше других представителей экзистенциалистского направления в нашей историко-философской литературе рассматривались философские воззрения К.Левита.

Концепции К.Левита формировались под непосредственным влиянием феноменологической философии Э.Гуссерля и экзистенциалистской философии М.Хайдеггера.

Учение К.Левита, как представителя новейшего экзистенциализма, отражает те существенные изменения, которые называют и поворотом и кризисом этого философского течения [см. 8, 217] .

В частности, философию истории К.Левита от взглядов М.Хайдеггера отличает более четко выраженный поворот к религии в исторической концепции, а также многосторонняя критика философии К.Маркса.

1. Уже М.Хайдеггер, по мнению К.Левита, радикально изменил историзму. История у него, пишет К.Левит о Хайдеггере, не является развернутым многообразием исторических явлений и мировоззрений, но коренится в сущности человеческого бытия [см. II, 232] . Подчеркивая выступление М.Хайдеггера против истории как науки о всеобщем [см. 5, 133] , К.Левит эту тенденцию развивает дальше, и делает акцент на отрицание истории и философии истории как науки.

Современное историческое сознание, по К.Левиту, которое дает оценку современной истории, уже привело к гипер-

трофии историзма. Из истории нет исторического выхода, а "только философский или теологический" [см. I6, 38] . Философию, по мнению К.Левита, отличает от других наук то, что, говоря о любом отдельном, она охватывает все бытие. Когда говорят о словах, думают о языке. Когда говорят о событиях, думают об истории. "Мифы чаще философичнее чем любая философия истории, поскольку они охватывают начало и конец человечества...", пишет К.Левит [I6, 133] . Историческое сознание не может дать истинного понимания религии. История религии тоже не отражает религиозной сущности религии, пишет К.Левит. В строгом и буквальном смысле "нет мировой истории, ибо как всемирная и универсальная выступает только физическая вселенная [physische Universum] ", напоминает К.Левит [I6, 39] .

Отходя от субъективно-идеалистической концепции истории М.Хайдеггера к объективному идеализму, К.Левит пишет, что в то время, когда "господами мировой истории были Александр и Цезарь, Наполеон, Ленин и Гитлер, господном царства божьего остается Иисус Христус", и мировая история выступает пока лишь "прикрытием для суда и спасения" [I8, 171] .

Не находя смысла истории в реальном историческом развитии, К.Левит обнаруживает этот смысл в божественной воле, которая как нечто вечное и неизменное проходит через всю историю человечества в своем постоянном выражении.

2. В рамках философии истории К.Левит рассматривает определенную антропологическую концепцию, которая в этом аспекте связана с проблемой прогресса.

Философия истории, пожалуй, больше чем другая философская дисциплина связана с решением ценностно-мировоззренческих проблем. Она рассматривает вопросы направленности истории и ее значения, выдвигает задачи, которые предстоит решать человечеству в своем историческом движении.

Живые существа, достигшие зрелости, тем самым достигает своего естественного конца. В отличие от животных, пишет К.Левит, человек сам может отказаться от факта сво-

его существования или принять его [см. 16, 140]. Прогресс индивида и процесс изменения общей истории человечества, по мнению К. Левита, не отражает естественного совершенства, его цель не может быть завершена [см. 16, 140] .

3. Одной из черт отличающих учение К. Левита от классиков немецкого экзистенциализма, является широкий критический анализ философии марксизма. К. Левит не отрицает влияние философии К. Маркса на всю западноевропейскую философию истории XX века. Он пишет, что материалистическое понимание истории "определяет мышление и немарксистов и антимарксистов в большей степени, чем они хотели бы это осознать" [17, 117] . Но сам К. Левит не понял основных принципов материалистического понимания истории К. Маркса. Во-первых, в историческом материализме К. Маркса он видит лишь экономическое учение [см. 14, 60 и 18, 47] , в котором недооценивается роль других факторов, как например, религии и личности [см. 13, 44 и 18, 53] . Поэтому, по мнению К. Левита, философом истории К. Маркс был "только в своих исторических трудах" [18, 38] . Во-вторых, он пытается интерпретировать исторический материализм как своеобразный вариант христианской эсхатологии.

Выступая против прогресса в эксплуататорском обществе понимаемого как результат классовой борьбы, К. Левит отрицает коренное отличие между буржуазией и пролетариатом. По его мнению основа антагонизма этих классов состоит в том, что один класс выступает как "дети тьмы, а другой - дети света" [18, 47] . Он упрекает К. Маркса в том, что последний с помощью пролетариата старается достичь "эсхатологических целей всего общества через мировую "революцию" [18, 41] . Пролетариат в философии К. Маркса, по словам К. Левита, стал новым божеством. "Этот пролетарский коммунист требует корону без креста; он хочет торжествовать с земным счастьем", пишет К. Левит [18, 50] . "Манифест Коммунистической партии", по его словам, является профетическим документом, идеи которого не основываются на научной и эмпирической основе [см. 18, 46/47] . Весь

исторический процесс, как он представляется в "Манифесте", "отражает общую схему еврейско-христианской интерпретации истории", пишет К.Левит [18, 47] .

4. По отношению к философии К.Маркса, К.Левит прибегает к двум давно известным и пространенным в буржуазной марксологии приемам. Во-первых, он рассматривает учение К.Маркса как одну из разновидностей гегелянства. Во-вторых, игнорирует качественное различие философии К.Маркса и Гегеля, заявляя, что оно имеет место "не в принципе, но в применении" [18, 54 и 12, 21] . И подлинным идеализмом он называет не философию Гегеля, а философию К.Маркса.

Список использованной литературы

1. К.Маркс и Ф.Энгельс. Немецкая идеология. - Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. - Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4.
3. Маркс К. К критике политической экономии. - Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13.
4. Богомолов А.С. Немецкая буржуазная философия после 1865 года. Изд. МГУ, 1969.
5. Габитова Р.М. Человек и общества в немецком экзистенциализме. - М., Наука, 1972.
6. Кризис современной буржуазной идеологии. - Изд. МГУ, 1978.
7. Современная философия и социология в ФРГ. - М., Мысль, 1971.
8. Философия марксизма и экзистенциализм. - Изд. МГУ, 1971.
9. Философия и методология истории. - М., Прогресс, 1977.
10. Философия и ценностные формы сознания. - М., Наука, 1978.
11. Löwith Karl. Die Dynamik der Geschichte und der Historismus. - Eranoz-Jahrbuch, XXI. Zürich, 1953.
12. Löwith Karl. Die Hegelsche Linke. Stuttgart, 1966.
13. Löwith Karl. Gesammelte Abhandlungen. Stuttgart, 1960.
14. Löwith Karl. Gott, Mensch und welt in der Metaphysik von

- Descartes bis zu Nietzsche. Göttingen, 1967.
15. Heidegger Denker in dürftiger Zeit. Löwith Karl. Stuttgart, 1953.
16. Löwith Karl. Vorträge und Abhandlungen. Stuttgart, 1966.
17. Löwith, Karl. Von Hegel zu Nietzsche. Stuttgart, 1958.
18. Löwith Karl. Weltgeschichte und Heilsgeschehen, Stuttgart, 1961.
19. Löwith, Karl. Wissen, Glaube und Skepsis. Göttingen, 1958.

КРИТИКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В.Г.Федотова

Вопрос о характере исторического процесса является одним из центральных пунктов теоретического и идеологического размежевания марксистской и буржуазной мысли. Методологические проблемы философии истории играют в этой конфронтации едва ли не основную роль. Здесь обнаруживается в полной мере мировоззренческое значение методологии и методологическое значение мировоззрения. Узловой характер методологических проблем во многом определяется уже отмечавшимися в нашей литературе выдвижением буржуазной философией истории на передний план не онтологических и гносеологических, а логико-методологических вопросов (1, 263; 2, 9). Вопрос о характере исторического процесса, его ходе, закономерностях, нередко остается вне поля рассмотрения, а там, где ставится, оказывается тесно связанным со способом идеального представления тех или иных его фрагментов. Буржуазные исследователи признают важность идеализации при объяснении истории, они уделяют немалое влияние разбору всех конкретных мето-

логических шагов, которые должен предпринять исследователь для идеального представления рассматриваемого процесса или объекта в теории. Для этой цели разрабатывается предложенная М.Вебером (8) категория идеального типа. Отрицая объективный характер истории, М.Вебер сосредотачивал свое внимание на классификаторской роли исследователя, выделяющего "идеальные типы" в реальной действительности с целью ее упорядочить.

Веберовское понимание процесса идеализации активно используется, но в то же время вызывает справедливые нарекания ряда буржуазных философов и социологов. Критика отмечает, что идеальный тип Вебера нередко оказывается обозначением, переименованием некоторого эмпирического феномена и не приобретает ни категориального, ни теоретического значения. Создается видимость перехода на теоретический уровень, в то время как на деле историк или социолог находится всецело в сфере эмпирического описания в измененных терминах.

Ряд авторов усиленно разрабатывают категорию идеального типа и процедуру его выделения. В отличие от класса, включающего все объекты с определенными свойствами, под типом понимают экстремальный предельный случай среди объектов или процессов определенного класса, способный служить идеальной точкой отсчета для всех в действительности существующих отклонений. Образуюсь на эмпирической основе, тип не рассматривается как тождественный фактам. Пристальное внимание к разработке понятия "тип идеальный" обнаруживает с особой очевидностью методологический конструктивизм — преобладание метода над предметом, методологии над теорией. Требования к процедуре выделения типов чаще всего свидетельствуют о следовании идеографической традиции Баденской школы неокантианцев, утверждающей, что описание является основной процедурой исторической науки, и методологии "понимания" Дильтея и М.Вебера. Кроме того, эта процедура связана с идеалистическими исходными установками. Они сказываются, во-первых, в том, что типологические идеализации ищутся в сфере сознания и рассматриваются затем как типы и стадии в развитии всего общества. Примером этого может служить философско-историчес-

кая концепция Петерима Сорокина, который связывает историческое развитие с движением идеальных типов культуры ("чувственного", "идеационального" (близкого к рациональному) и "идеалистического" (интуитивного)). Аналогична методология О.Шпенглера, приводящая его к взгляду на историю как на циклический процесс смены культур, каждой из которых соответствует своя "душа" – своего рода тип ценностей.

Кроме того, выделение идеального типа всегда предполагает субъективную интерпретацию. Так, Роузс приводит три принятых правила конструирования типов: 1) соответствие постулату логической согласованности, под которым понимается следование научным методам (заметим, не предмету – В.Ф.) данной дисциплины; 2) соответствие постулату субъективной интерпретации (принципу "понимания" модели индивидуального сознания); 3) соответствие постулату адекватности 7, 86 .

Марксист сразу бы понял последний постулат как требование соответствия с объективным миром, но речь идет совсем о другом: необходимо, чтобы понятие было бы ясно тому, кого оно описывает (человеку, живущему в данном "типе культуры", "бюрократии" и т.д.).

Некоторые более требовательные буржуазные критики веберовской методологии "идеальных типов" отмечают, что она не изменяет нарративного характера историографии и социологии. Выделение типа присутствует нередко не как инструмент описания общественных явлений, а как вывод, настолько бедный, что может быть уподоблен навешиванию ярлыков. Например, Лопреато и Олстон предлагают не ограничиваться такими идеализациями. Они считают, что в практику социальных наук должны быть введены, во-первых, пропедевтические идеальные типы – понятийные схемы, парадигмы, идеализации конкретных явлений, во-вторых, теоретические идеализации – открывающие законы, обязательно действующие при идеальных условиях (5; 6, 123). Авторы отмечают большую слабость в разработке теоретических идеализаций. Их обвинения совершенно справедливы, но причины методологических ошибок при идеализациях – идеализм, одинаковая применимость методик идеализации к лю-

объекту, независимо от его особенностей, отрыв метода от предмета и методологии от теории, субъективность гносеологических установок препятствуют уже самому выделению типа, и прежде всего типа общества. Поэтому переход к теоретической идеализации — выделению закона, логического из исторического, вскрытие механизмов исторического процесса и периодизации истории либо отсутствует, либо оказывается субъективистским, произвольным.

Буржуазные методологи странным образом обходят вниманием гносеологическую природу понятия общественно-экономической формации, то обстоятельство, что оно, как и любое понятие, получено в результате идеализации объекта (общества) и логического выпрямления истории, но совершенно иными методологическими путями: исходя из принципа материальности, путем выделения такого момента жизни общества, который действительно пронизывает все его стороны и определяет общество в целом — производственных отношений. Категория общественно-экономической формации, одновременно, выполняет разные функции: дает типизацию общества, периодизацию истории и позволяет сформулировать закон развития общества как естественно-исторического процесса смены общественно-экономических формаций.

Однако в современных буржуазных концепциях чаще всего вообще не ставится вопрос о раскрытии всеобщего через особенное, об основных и второстепенных идеализациях. Я вполне четко сформировалась традиция сводить все проблемы социальных наук к проблеме метода. В рассмотренном случае вопрос переведен в плоскость конструирования идеальных типов безотносительно к предмету.

Л и т е р а т у р а

- И. И. С. Кон. К спорам о логике исторического объяснения. "Философские проблемы исторической науки". М., 1969, с. 263-295.

2. **Философия и методология истории.** М., 1977.
3. **Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre.** Tübingen, 1968.
4. **The Journal of Interdisciplinary History.** Cambridge.
5. **Krysmanski H.I. Soziales System und Wissenschaft.** Düsseldorf, 1972, S. 9-15.
6. **Lopreato J., Alston L. Ideal Types and the Idealisation Strategie.** In: "American Sociological Review", 1970, vol. 35, № 1, p.88-96.
7. **Rhoads J. The Type as a Logical Form.** In: "Sociology and Social Research", April 1967, vol.51, № 3, p. 347-360.

Р.Дж.КОЛЛИНГВУД И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ

А.Н.Яцук

В 70-е годы все более заметным явлением в англоязычной философии истории становится литература исторического конструктивизма¹. Авторы, принадлежащих к кругу конструктивистов, объединяет более или менее явно выраженная неудовлетворенность существующей аналитической философией истории, а также сознательная установка на раскрытие своеобразия истории как формы эпистемической деятельности или "ремесла" историков². Философско-историческое исследование ориентируется не на анализ способа изложения результатов исторических исследований, а на выявление тех познавательных процедур, посредством которых эти результаты достигаются историками.

Другим важным отличием литературы исторического конструктивизма является субъективистская ориентация. Главной преградой на пути к философии истории, которая была бы не

только критической, но и радикальной, объявляется "реализм", признание существования объектов исторического познания вне и независимо от сознания историка. По мнению конструктивистов, "реализм" как теоретико-познавательная установка, принимающая в той или иной форме соответствие исторических знаний событиям реального прошлого в качестве пробного камня исторической реконструкции, априори закрывает путь к решению проблемы исторического познания (Л.Гольдштейн, например, полагает, что установленные философией критерии фактуальности, истины и объективности непригодны для решения "проблемы прошлого". Реализм же, напротив, основан на переносе на область исторического познания критериев, выработанных в ходе анализа перцептуальных путей познания³).

В качестве выхода предлагается своеобразное "возвращение к истокам". Исторические конструктивисты претендуют на возведение завершенного здания философии истории по проекту, намеченному в общих чертах еще в концепции "научной" истории Коллингвуда⁴. Эти сдвиги в отношении к творчеству Коллингвуда заслуживают внимания. На протяжении послевоенного периода не раз случалось, что идеи Коллингвуда оживали в современных дискуссиях в моменты, когда англоязычная философия истории стояла на перепутье, когда в острой идейной борьбе определялось направление ее дальнейшего развития.

Уже первые отклики на публикацию "Идеи истории" (1946 г.) обнаружили значительную поляризацию мнений. Если в философской периодике преобладал скепсис в отношении намеченной в книге программы философии истории, то рецензенты исторических журналов подчеркивали "уникальное" положение в британской философии Коллингвуда, совмещавшего в себе профессионального историка и философа⁵. Конечно, границы действительного размежевания не были "цеховыми" границами — они определялись не профессиональным статусом авторов рецензий, а разделявшей ими методологической ориентацией и пониманием путей развития философии истории.

Это рельефно выявила дискуссия вокруг проблемы исторического объяснения, ход которой достаточно освещен в советской литературе (статьи И.С.Кона, Э.Н.Лооне и др.). Напом-

ним, что "реакционисты" значительную роль в обосновании рациональной модели объяснения отводили коллингвудовскому понятию "проигрывания" (re-enactment) историком мыслей прошлого⁶. У.Дрей, например, понимал re-enactment как процедуру объяснения, предполагающую обращение к целям и мотивам деятелей прошлого как рациональному основанию действия, представляющего предмет истории⁷.

Отношение исторических конструктивистов к предшествующей традиции в истолковании философии истории Коллингвуда легче всего прослеживается в работах американского автора Леона Гольдштейна, очень продуктивно работающего в 70-е годы⁸. По Гольдштейну, прежде всего необходимо поместить "Идею истории" Коллингвуда в надлежащий контекст, ведущими элементами которого являлись деятельность Коллингвуда как историка и его философский интерес к тому, что он делал как историк. Аналитики не поняли Коллингвуда, поскольку установка на анализ "готового" исторического произведения оставляла за кадром методологического анализа сам процесс производства историками знания.

Статус концепции re-enactment определяется тем, что это теория не объяснения, а создания исторических событий. Она описывает процесс конституирования историком в ходе изучения "данных" объекта исторической науки — исторических событий. Если и можно видеть в ней логику объяснения, то это будет логика объяснения "данных", не исторических событий. О конструктивизме в данном случае можно говорить потому (Гольдштейн пользуется понятием "конституирования" сознанием его объектов, заимствованным у феноменологии), что историческое событие рассматривается как гипотеза или догадка, конструируемая с целью возможно более правдоподобного и согласованного объяснения исторических "данных"⁹.

Отправляясь от литературно оформленных продуктов работы историков или понимания исторического, свойственного обыденному языку, аналитики не смогли различить два аспекта функционирования исторической науки, которые Гольдштейн называет "базисом" и "надстройкой". Надстройка — это аспект историчес-

кой науки, видимый потребителям ее продукции — неспециалистам (к ним относятся и философы, не являющиеся специалистами-историками). Она выступает как исторический нарратив, литературно оформленный результат работы историка. Базис или инфраструктура исторической науки — это "ремесло" историка, те аспекты его деятельности, которые, как правило, остаются скрытыми от неспециалистов, потребителей его продукции. Инфраструктура истории, согласно Гольдштейну, охватывает "круг интеллектуальных процедур, посредством которых историческое прошлое конституируется в историческом исследовании". Она включает в себя обработку и осмысление "данных" и позволяет установить, какая концепция исторического прошлого имеет наибольший смысл при известном характере наличных "данных".

Наиболее поразительная черта аналитической философии истории заключается в том, что за тридцать лет исследований англоязычными философами не было написано практически ничего об инфраструктуре исторической науки. По мнению Гольдштейна, в переключении аналитиков с проблемы объяснения на проблему нарратива (вместо того, чтобы обратиться к эпистемическим процедурам историков) была своя логика. Проблема объяснения возникает, когда уже известно, что именно произошло, когда работа на уровне инфраструктуры, на данном этапе, завершена. Поэтому, когда цеховые споры о природе исторического объяснения заставили философов обратиться к самой исторической науке, они обратились не к ее базису, а к надстройке. Как заключает Гольдштейн, вопрос не в том, прав Уайт или Гэлли, Данго или кто-либо другой в своей трактовке нарратива, — вопрос в том, выражает ли нарратив специфику истории как формы познания. На последний вопрос он отвечает отрицательно: нарратив не является внутренней необходимой формой существования исторической науки.

В работах Леона Гольдштейна дана, насколько нам известно, наиболее основательная в англоязычной литературе критика нарративизма и аналитической философии истории как таковой. Некоторые ее моменты прямо перекликаются с теми, которые уже были выдвинуты марксистской критикой. Особого

внимания заслуживает постановка вопроса об инфраструктуре и надстройке исторической науки, предполагающая переход к выявлению специфики эпистемической деятельности историков и, далее, качественных изменений в методе исторической науки от Геродота до нашего времени. В общем, это разделение совпадает с предложенным К.Айдукевичем разделением "прагматической" и "апрагматической" методологии науки, т.е. исследования науки как деятельности и как продукта познавательных операций ученых¹⁰.

Можно только приветствовать и стремление конструктивистов к диалогу историков и философов: у аналитиков инициатива в постановке методологических проблем все-таки была привилегией философа. Но доминантой творчества конструктивистов, не исключая и Гольдштейна, остается именно философская полемика, не разработка методологии истории. Имена Гуссерля и Дьюи, к которым отсылает читателя Гольдштейн, не могут служить гарантией успешного решения этой ведущей задачи. "Критически-радикальная" философия истории в ее позитивной части сводится к феноменологическим и прагматическим вариациям на темы Коллингвуда. Едва ли может быть принято и требование (выдержанное в чисто коллингвудском духе) разрабатывать методологию истории в герметической изоляции от философской теории познания. На деле это означает, что философия истории — это не теория, а феноменология исторического познания.

В целом, вполне правомерно рассматривать исторический конструктивизм в качестве важного симптома поисков нового направления в англоязычной философии истории. Он свидетельствует, в частности, о внутренне противоречивом процессе интеграции различных направлений буржуазной философской мысли на почве философии истории.

П Р И М Е Ч А Н И Я

I. Мы говорим о литературе исторического конструктивизма, поскольку, хотя есть свидетельства, что исторический

конструктивизм выкристаллизовывается как течение (McCullagh C.B. Historical Instrumentalism - "History and Theory", vol. 12, N 3, 1973) этот процесс далек еще от своего завершения. К историческим конструктивистам Б.Маккуллах относит А.Донагана, Дж.Мейланда, Л.Гольдштейна, А.Данто, Н.Решера.

2. "Могут ли философы учиться у историков?" Это полемически заостренное заглавие доклада А.Донагана наглядно демонстрирует смену установок философско-исторического исследования (Donagan A. Can Philosophers Learn from Historians? - In: Mind, Science and History. Albany (N.Y.), 1970).

3. Л.Минк также полагает, что осуществленный Р.Коллингвудом переход от "позитивистского" к "историческому" понятию истории предполагал отказ от принятой в философии трактовки понятий "факт", "событие", "действие" (Mink L.O. Mind, History and Dialectic. The Philosophy of R.I. Collingwood. Bloomington-L., 1969, p. 172-173).

4. О роли Р.Коллингвуда в формировании аналитической философии истории см.: Лооне Э.Н. Возникновение и развитие аналитической философии истории. - "Вопросы философии", 1974, № 6. В этой содержательной статье не отмечено, однако, что Коллингвуд никогда не был "реалистом" в понимании объектов исторического познания и что его концепция философии (а значит, и философии истории) скорее разделяет, чем объединяет его с аналитиками.

5. См. также: Яшук А.Н. Теория истории Коллингвуда и некоторые тенденции современной англо-американской буржуазной философии истории. - В сб.: Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск, 1973.

6. Адекватный перевод этого термина может быть дан, видимо, только описательно, поэтому мы, краткости ради, будем пользоваться этим термином коллингвудовской философии истории без перевода.

7. Bray U.H. Philosophy of History. N.Y., 1964, p. 11-12.

8. Goldstein L.J. Collingwood's Theory of Historical Knowing. - "History and Theory", vol 19, N 1, 1970; idem Collingwood on the Constitution of the Historical Past. - In: "Critical Essays on the Philosophy of

9. Goldstein L.I. Collingwood on the Constitution..., p.265-6
10. Ajdukiewicz K. Pragmatic Logic. Dordrecht, 1972, p.188.

ПРОБЛЕМА ОБЪЯСНЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ (70-е ГОДЫ)

А.А.Порк

1. Становление и сущность спора об историческом объяснении в рамках англоязычной немарксистской философии истории уже неоднократно анализировалось в работах марксистских исследователей¹. В то же время следует отметить, что в нашей литературе практически нет критических обзоров развития проблемы исторического объяснения в англоязычной философии истории в семидесятые годы. В настоящих тезисах делается попытка остановиться на этом вопросе.

2. Источником спора об объяснениях в истории служат, как известно, некоторые работы К.Поппера, К.Гемпеля. Особенно следует подчеркивать значение статьи Гемпеля "Функция общих законов в истории" (1942)². Для Гемпеля объяснение состоит из:

- 1) Набора высказываний, фиксирующих появления определенных событий $C_1 \dots C_n$ в определенные места и моменты времени,
- 2) Набора универсальных гипотез, таких что:
 - а) высказывания обеих групп достаточно подтверждены эмпирическими данными,
 - б) из двух групп высказываний можно логически дедуктировать предложение, утверждающее о появлении события E.

Гемпель утверждает, что это является типичной схемой

научного объяснения события типа Е. Так как универсальные гипотезы имеют характер законов, то данная схема получила название "схема охватывающего закона". В истории, как правило, по мнению Гемпеля, мы встречаем "наброски объяснения". "Такой набросок состоит из нечеткого указания законов и начальных условий, считаемых важными, и требует "заполнения", чтобы превратиться в законченное объяснение"³. Данное "заполнение" требует, по мнению Гемпеля, дальнейшего эмпирического исследования, "набросок" же указывает направление такого исследования. В дальнейшем Гемпель дополняет и модифицирует свою концепцию⁴.

3. Суровая критика концепции Гемпеля содержится в работах канадского философа У.Дрэй, в частности в его книге "Законы и объяснение в истории" (1957)⁵. У.Дрэй утверждает, что "модель охватывающего закона" является "опасной моделью для философии истории". По мнению Дрэй можно сказать, что историк имеет принцип вывода "Если $C_1 \dots C_n$, то Е", а не общий закон. Типичными формами исторического объяснения являются, по мнению Дрэй, описание "непрерывной серии происшествий" и объяснение через вскрытие "рациональности" поступка исторического деятеля. Основная идея концепции Дрэй, выдвинутой им в 1957 году и позднее⁶ заключается в том, что ссылка на закон не является ни необходимым, ни достаточным условием исторического объяснения.

4. Живое обсуждение проблемы исторического объяснения продолжалось в течение пятидесятих и шестидесятих годов. В шестидесятые и в семидесятые годы в это обсуждение проникают некоторые новые моменты. Во-первых, можно сказать, что большое число видных западных философов истории уже не рассматривают проблему объяснения как центральную проблему философии истории⁷. С другой стороны появляется целый ряд новых авторов, которые акцентируют свое внимание как раз на проблеме исторического объяснения.

5. Надо отметить, что различие между подхода Гемпеля и Дрэй сохраняет свое значение в качестве "рамки" для группирования различных концепций исторического объяснения и в семидесятые годы. Вариация различных подходов довольно боль-

шая. Она начинается от более-менее решительной защиты модифицированных версий концепции Гемпеля (Л.Аддис, Дж.Фетцер, П.Ленгам)⁸ и кончается довольно радикальным отрицанием самой идеи Гемпелевского подхода (Х.Файн, Т.М.Гуд)⁹. Сравнение концепции по степени "суровости" критики концепции Гемпеля - дело, в определенном смысле, субъективное. Но тем не менее, кажется, что можно, по сравнению с вышеприведенными двумя, выделить и группу "умеренных" критиков Гемпеля, в работах которых акцентируется существование "ограниченных" исторических обобщений (Р.Аткинсон, П.Ноуелл-Смит)¹⁰. Имеет место целый ряд попыток выйти из традиционных рамок дискуссии об исторических объяснениях: отрицание значения поисков теоретиков объяснения для историков (Х.Зинн)¹¹, соединение подходов Гемпеля и Дрэя в рамках новой "модели" рационального объяснения (Х.Аделман)¹², отрицание того, что дискуссия об объяснениях может выявить специфические черты истории (Л.Гоулдстейн)¹³.

6. Можно выделить и ряд аспектов обсуждения вопроса исторического объяснения с точки зрения других "измерений", чем степень приверженности к "охватывающим законам". Целый ряд концепций посвящен рассмотрению тех или иных аспектов объяснения поступков исторических деятелей через ссылку на их мотивы, цели, информационный базис, верования и т.д. Среди них можно назвать концепцию Г.Х.фон Вригта, который анализирует проблему исторического объяснения с точки зрения понятия т.н. "практического вывода"¹⁴. Концепция Вригта подвергается критике, например, Р.Мартинотом, который отмечает, что "верование" исторического "агента" само по себе не имеет объясняющего значения¹⁵. Дж.Байрнес просто пропагирует важность психологической теории и терминов для понимания актов действия исторических личностей¹⁶. Широко обсуждается проблема причинного объяснения в истории и его связь с историческим объяснением вообще. Так, например, А.Макинтайер отрицает роль причинных законов в историческом причинном объяснении¹⁷. С.Нилсон же, наоборот, анализируя проблему причинности, защищает роль "общих законов" в истории¹⁸. К.Марк-Богау¹⁹ и М.Хаммонд²⁰ рассматривают возмож-

ности разделения и "взвешивания" причин в историческом объяснении. Следует обратить внимание и на недавнюю попытку У.Драя выявить "парадигмы" причинности в объяснении причин Второй мировой войны²¹. В данном анализе Дрей не поднимает вопроса о возможности обоснования причинного анализа через законы. В своей работе Т.Клаймоу и П.Хоуеллс предлагают еще один способ анализа причинного объяснения — контрфактический метод, т.е. анализ того, что случилось бы, если бы определенное условие не появилось, бы и пытаются "взвешивать" меру "отступления от реальности" у различных гипотетических вариантов²². Но авторам, на наш взгляд, не удается доказать преимущества контрфактического подхода перед "регулярными" законами в истории.

Целый ряд концепций исторического объяснения в англоязычной философии истории связан с понятием "понимания", обозначенного немецким термином *Verstehen*. Например, израильский философ Э.Вейнрюб дает трактовку *Verstehen* с точки зрения гемпелевской "модели" исторического объяснения²³. Против признания приема *Verstehen* типичным в исследовательской практике историков выступил Х.Коэн²⁴. В ряде работ подчеркивается объясняющая функция повествования, нарратива²⁵.

7. Каковы основные различия между марксистским и рассматриваемыми немарксистскими подходами к проблеме исторического объяснения? Каковы основные недостатки немарксистских концепций по мнению автора настоящих тезисов? Особо следует отметить, что в рамках марксистского подхода, при единстве решения основных проблем, существует довольно большое разнообразие взглядов по специфическим вопросам объяснения. Из-за этого автор настоящих тезисов пытается противопоставить немарксистским концепциям прежде всего свое представление о принципах марксистского решения вопроса исторического объяснения, не претендуя при этом на исчерпывающий анализ проблемы. Противоположность же немарксистского и марксистского решений проблемы исторического объяснения можно, среди прочего, характеризовать набором следующих сравнений:

**Концепции англоязычной
немарксистской философии
истории**

Марксистская концепция

Лингвистический анализ, неопозитивизм, реализм и др. как методологическая база.

Большой удельный вес формальнологического аспекта исторического объяснения.

Ссылка на закон не всегда признается обязательным моментом исторического объяснения.

Плюрализм различных эпистемологических и формальнологических толкований закона и исторического закона.

Часто отрицается, что в истории можно найти дедуктивно-номологические объяснения.

Историческое объяснение через указание причин часто не связывается с объяснением через причинный закон.

Узловым моментом, допускающим противопоставление немарксистского и марксистского подходов и историческому объяснению является, на наш взгляд, различное понимание обоими направлениями сущности и роли исторических законов.

Диалектический и исторический материализм как методологическая база.

Большое значение гносеологической проблематики. Меньшее значение формальнологических аспектов.

Ссылка на закон как обязательный признак исторического объяснения.

Понимание закона как сущностной связи. Конкретная историко-материалистическая типология законов развития общества, среди которых исторические законы являются одной подгруппой.

Защита тезиса о том, что в истории (историческая демография, экономическая история и т.д.) можно найти дедуктивно-номологические объяснения, хотя их удельный вес более скромный, чем в естественных науках (напр., в физике).

Защита тезиса о том, что историческая причинность связана с "действием" причинных законов.

¹ См. напр. И.С.Кон. К спорам о логике исторического объяснения. - В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, Э.Н.Лооне. Возникновение и развитие аналитической философии истории. - "Вопросы философии", 1974, № 6, его же. Проблема исторического объяснения. - "Философские науки", 1975, № 6 и др.

- ² C.G.Hempel. *Aspects of Scientific Explanation*. N.Y.-L., 1965, pp.231-244.
- ³ Ibid., p.238.
- ⁴ Ibid., pp.245-497. См. также сб. "Философия и методология истории", М., 1977, стр. 72-93.
- ⁵ W.H.Dray. *Laws and Explanation in History*. Oxford, 1957;
- W.H.Dray. *Philosophy of History*. Englewood Cliffs, 1964.
- ⁶ **Философия и методология истории, стр. 37-71.**
- ⁷ W.H.Gallie. *Philosophy and Historical Understanding*. L., 1964; H.Fain. *Between Philosophy and History*. Princeton, 1970; L.J.Goldstein. *Historical Knowing*. L.-Austin, 1976.
- ⁸ P.Langham, *Rational Explanation and Covering Laws*. - "Southern Journal of Philosophy", 1972, vol.10, pp.471-480; L.Addis. *On Defending of Covering.-Law "Model"*. - "Boston Studies in the Philosophy of Science", 1976, vol.32, pp.361-368; J.H.Fetzer. *On the Historical Explanation of Unique Events*. - "Theory and Decision", 1975, vol.6, pp.87-97.
- ⁹ H.Fain. *Op.cit.*, pp.309-318; T.M.Goode. *Explanation and the Aims of Historians*. - "Philosophy of the Social Sciences", 1977, vol.7, pp.367-384.
- ¹⁰ R.F.Atkinson. *Explanation in History*. - "Proceeding of the Aristotelian Society", 1972, vol.72, pp.241-256; P.H.Nowell - Smith. *Historical Explanation*. - In: *Mind, Science and History*. State Univ. of New York Press, Albany, 1970, pp.213-233.
- ¹¹ H.Zinn. *The Politics of History*. Boston, 1970, p.321.
- ¹² H.Adelman. *Rational Explanation Reconsidered*. - "History and Theory", 1974, vol.13, pp.208-224.
- ¹³ L.J.Goldstein. *Op.cit.* pp.139-182.
- ¹⁴ G.H. von Wright. *Explanation and Understanding*. L., 1971.
- ¹⁵ R.Martin. *Explanation and Understanding in History*. - In: *Essays on Explanation and Understanding*. Dordrecht-Boston, 1976, pp.335-368.
- ¹⁶ J.F.Burnes. *Suggestions on Writing the History of Psychological Data*. - "History and Theory", 1977, vol.16, pp.297-305.

- 17 A. McIntyre. Causality and History.- In: Essays on Explanation and Understanding. Dordrecht-Boston, 1976, pp.137-158.
- 18 S.S. Nilson. Two Additional Remarks on the Logic of Historical Explanation.- "Theoria", 1974, vol.40, pp.1-8.
- 19 K. Marx-Wogau. Remarks on Nilson's Paper "On the Logic of Historical Explanation.- "Theoria", 1971, vol.37, pp.15-20.
- 20 M. Hammond. Weighting Causes in Historical Explanation.- "Theoria", 1977, vol.43, pp.10-128.
- 21 W.H. Dray. Concepts of causation in A.J.P. Taylor's Accounts of the Origins of the Second World War.- "History and Theory", 1978, vol.17, pp.149-174.
- 22 T.A. Climo, P.H. Howells. Possible Worlds in Historical Explanation.- "History and Theory", 1976, vol.15, pp.1-20.
- 23 E. Weinryb. Hermeneutics and History.- "Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie", 1976, Bd.7, H.2, SS.327-339.
- 24 H. Cohen. Das Verstehen and Historical Knowledge.- "American Philosophical Quarterly", 1973, vol.10, pp.229-306.
- 25 R. Atkinson. Op.cit., p.241; L.O. Mink. Narrative Form as Cognitive Instrument.- In: The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding. Madison, 1978, p.141.; L.O. Mink. The Divergence of History and sociology in Recent Philosophy of History.- In: Logic, Methodology and Philosophy of Science IV. North Holland Publ. Comp., 1973, pp.763-739.

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИИ "ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА"

Г.И.Иконникова

Последние десятилетия XX века буржуазная социология уделяет исключительно большое внимание проблемам истории: причинам и тенденциям ее развития, периодизации и др. Как известно, философия истории разрабатывается буржуазным обществоведением в двух основных направлениях: онтологическом и гносеологическом. Марксистское исследование социологии "технологического детерминизма" свидетельствует о том, что в рамках данной социологии проблемы философии истории берутся как в онтологическом, так и в гносеологическом аспектах.

Представители социологии "технологического детерминизма" занимаются проблемой периодизации истории. Например, французский социолог и политолог Р.Арон полагает, что история имеет два периода: доиндустриальный и индустриальный. Американский социолог Д.Белл — в книге "Приходящее постиндустриальное общество" (1973) отмечает, что общество в своем развитии проходит три основные стадии: 1) доиндустриальную, 2) индустриальную, 3) постиндустриальную. Г.Кан — директор Гудзоновского института по проблемам коммунизма в книге "Год 2000. Основы для размышления над последующими 33 годами" (1967) выделяет пять стадий исторического развития: 1) преиндустриальная, 2) переходная, 3) индустриальная, 4) массового потребления, 5) постиндустриальная. Суть всех схем одна: основным критерием периодизации исторического процесса считается уровень накопления технических и научных знаний, а сам исторический процесс представляет собой не что иное как накопление этих знаний, увеличение на их основе потребления на душу населения, рост грамотности и образования.

Объяснение направленности исторического процесса, его периодизации, причин, критика марксистской философии истории осуществляется на основе, так называемого, принципа "технологического детерминизма".

Принцип "технологического детерминизма" выступает в теоретическом, методологическом и идеологическом аспектах при разработке концепции философии истории.

В концепции философии истории, основанной на принципе "технологического детерминизма", ведется атака против важнейших положений марксистской теории: учения об определяющей основе жизни человеческого общества — способе производства материальных благ, общественно-экономических формациях, классах и классовой борьбе, социалистической революции и диктатуре пролетариата.

Выступая против марксистского социального детерминизма, буржуазные идеологи, опирающиеся на принцип "технологического" детерминизма, часто подчеркивают свой материалистический, "экономический" подход к анализу проблем развития общества. Возникает вопрос: "Действительно ли принцип "технологического" детерминизма совместим с материалистическим пониманием истории?"

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо осуществить марксистский философский анализ теоретического содержания данного принципа.

Во-первых, техника рассматривается изолированно от системы производительных сил и производственных отношений. Источник ее развития находится в так называемой "интеллектуальной технологии", а в конечном счете — человеческом сознании.

Во-вторых, из материальных, производственных отношений на передний план выдвигаются производственно-технические отношения людей и игнорируются производственно-экономические отношения.

Марксистско-ленинская наука исходит из того, что производственно-экономические, или экономические отношения людей складываются в процессе производства материальных

благ и определяется формой собственности на средства производства, производственно-технические отношения представляют собой отношения между людьми определенных специальностей, технического руководства. Однако производственно-технические отношения не могут существовать, не испытывая воздействия производственно-экономических отношений. И хотя экономические, и технические отношения отличаются друг от друга как разные стороны материальных производственных отношений, они неразрывно связаны друг с другом. Их взаимодействие неравнозначно: определяющими являются экономические отношения людей.

В-третьих, экономическому базису противопоставляется базис технический (об экономическом базисе речь вообще не ведется).

К.Маркс в "Капитале" уделяет большое внимание анализу технического базиса общества. Но его развитие он ставит в зависимость от экономического базиса и рассматривает историю развития орудий производства от рычага наклонной плоскости, винта... плуга к машине в зависимости от воздействия социально-экономических условий. Безусловно, когда речь идет о собственной логике развития техники, ее имманентных законах, необходимо исходить прежде всего, из технического базиса. Однако не следует абсолютизировать имманентные законы науки и техники, превращать их в некую независимую от людей реальную стихийную силу, в какой-то "технический логос". Наука и техника — явления социальные и развиваются в конкретных социальных условиях.

С другой стороны, было бы неверно категорично отрицать определенное воздействие, которое техника оказывает на развитие общества. Так, современный уровень развития техники оказывает воздействие на некоторые структурные изменения как в системе производительных сил, так и в системе (в рамках данного типа) производственных отношений. Однако следует оговориться: даже это воздействие техники, и прежде всего само ее развитие, обусловлено господствующими производственными отношениями.

Применение техники подчинено объективным социальным законам. Этого не видят или не хотят видеть представители "технологического" детерминизма. Они рассматривают историческую необходимость как некую технологическую предопределенность. Одно направление сторонников "технологической" детерминации общественного развития понимает эту технологическую предопределенность в форме автоматического позитивного воздействия науки и техники на исторический процесс. Другое направление видит в технике некую чуждую, демоническую силу, которая разрушает общество и человека.

"Технологический детерминизм" подчиняет логику исторического развития логике развития науки и техники. Марксистский социальный детерминизм выводит эту логику из процесса материальной деятельности самих людей; она объективна. Введение марксистско-ленинской наукой понятия общественно-экономической формации дает руководящую нить к пониманию социального детерминизма, ибо качественный анализ общественных отношений, культуры и всей духовной жизни общества дают возможность наиболее полного рассмотрения причин и всего "механизма" общественного развития.

С точки зрения социологии "технологического детерминизма" воздействие науки на производство является той основой, на которой вырастает вся система общественных отношений. Марксистский социальный детерминизм не берет непосредственное взаимодействие науки и техники в качестве исходного пункта, а рассматривает это взаимодействие как результат функционирования всей системы общественных отношений. Абсолютизация взаимодействия науки и производства, отрыв их от общественных, и прежде всего от производственных отношений, означает игнорирование объективных законов общественного развития.

Принцип "технологического детерминизма" отражает некоторые закономерные связи на эмпирическом уровне, т.е. улавливает определенные связи на уровне не сущности, а явления. Развивающееся общество — это сложная система, в которой имеются различные структурные уровни, каждый из которых имеет некоторую относительную самостоятельность. Прин-

ции "технологического детерминизма" отражает лишь самый низший структурный уровень, не проникая к более высоким.

Марксистская концепция социального детерминизма, основанная на материалистическом понимании истории, является действенным теоретическим и методологическим оружием в борьбе со всякого рода попытками опровергнуть марксистскую философию истории.

Л и т е р а т у р а

- Р.Арон. "Опиум интеллигенции" (1955). "18 лекций об индустриальном обществе" (1963). "Разочарование в прогрессе. Диалектика современного общества" (1968).
- Д.Белл. "Заметки о постиндустриальном обществе" (1965-1967) в журнале "Public interest" "Паблик интерес". "Измерение знания и технологии" (1968). "Приходящее постиндустриальное общество" (1973). "Противоречия культуры" (1976).
- Г.Кан и Ф.Винер. "Год 2000. Основы для размышления по последующих 33 годах" (1967).
- Г.Кан и Брис-Бригге. "К размышлению. Мысли о 70-х и 80-х годах" (1972).
- Э.Меефин. "Изменение в Технике: их влияние на человека и общество" (1970).

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ю.ХАБЕРМАСА

Л.Ф.Кузнецова, Т.Ф.Кузнецова

Хабермас долгое время касался методологических и теоретических проблем исторической науки лишь попутно, поскольку темой его исследований был преимущественно научно-технический прогресс, неразрывно связанный с историческим.

В последнее время он обратился к "реконструкции" исторического материализма, предполагающей также пересмотр материалистического понимания истории.

Хабермас прошел путь от лево-радикализма к социал-реформизму, и его представления об эволюционном характере исторического процесса соответственно приобрели социал-дарвинистский оттенок.

Анализируя процесс социальной эволюции, Хабермас рассматривает объясняющие его конкурирующие теории, к которым он относится бихевиоризм, теорию социального действия, функциональную и системно-структурную теории. При этом он отдает предпочтение теории коммуникации, дает ей собственную интерпретацию и считает ее ядром категории "интеракция".

В отличие от Маркса, который предполагал единство производительных сил и производственных отношений, Хабермас рассматривает всю сферу отношений между людьми, общение, интеракцию как базирующиеся на экзистенциальных, не зависящих от производства и его социальной формы ценностях. Разделение общественных связей на труд и интеракцию является той методологической базой, которая служит целям ревизии, "реконструкции" исторического материализма. Категория "интеракция" характеризует сферу общения, которую Хабермас резко отделяет от производства. Коммуникации рассматриваются им как всеобщие структуры действия (I, I30).

Разделяя общества на архаические, общества высокой культуры и современные (I, I35), Хабермас претендует на свою, опять-таки отличную от Маркса, периодизацию истории, из которой элиминированы производственные отношения.

В сообщении рассматриваются и другие методологические основания ревизии исторического материализма Хабермасом, который в этом своем стремлении приходит фактически к отказу от материалистического понимания истории. Его способ "реконструкции" исторического материализма основан на спекуляциях по поводу некоторых черт современной научно-технической революции. Поэтому критика позиции Хабермаса представляется весьма актуальной.

¹ Habermas I. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Fr. a. M., 1976. 160

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕОТОМИЗМЕ

Б.Д.Губман

В современной буржуазной философии оживленно дискутируются проблемы методологии исторического исследования. В данной области отчетливо проявляется дилемма сциентизма и антисциентизма, свойственная буржуазному философскому сознанию нашего столетия. В трудах В.Виндельбанда и Г.Риккерта было сформулировано противопоставление истории как "идиографической" дисциплины "номотетическим" областям научного знания. Кантианцы баденской школы тем самым, при всех их сциентистском устремлении, дали откровенно антисциентистскую установку по отношению к историческому познанию, с которой пришлось впоследствии полемизировать Э.Кассиреру, ратовавшему за синтез "понимания" и системно-структурного подхода в гуманитарном знании. На оовременном этапе сциентистское крыло методологов исторического познания представлено, прежде всего, структуралистами и англо-американской аналитической философией истории (см. 3; 4). Иную версию подхода к историческому познанию дают антисциентистски инспирированные представители феноменологии, экзистенциальной герменевтики и неотолизма.

Вопросами методологии исторического познания занимались такие видные представители неотолизма как М.С.Д'Арси, К.Даусон, Д.А.Дреннен, Э.Корет, Ж.Маритен, Р.Д.Хенль и другие. При этом, на них оказали влияние различные течения буржуазной философии истории, так как, пос справедливому замечанию Р.С.Шинна, Аквинат не мог и помышлять ни о какой "эпистемологии наук о культуре". Прежде всего, для неотолистов встал вопрос о месте исторического знания среди других дисциплин, его отношении к философии. Порицая концепцию единой науки в ее картезианском и позитивистском вариантах, Ж.Маритен попытался создать свою теорию единства знания. На вершине "иерархий" родов знания он располагает метафизику как высший

тип спекулятивно-умозрительного постижения целостности бытия. Знание в целом распадается на область умозрительного, метафизически отделенного от практики постижения реальности дисциплинами философского и научного типа и познания, связанного с практической активностью субъекта (теология, искусство, мораль, гуманитарное знание). Над истолковываемым в позитивистском духе естествознанием возвышается философия природы, соединяющая его с метафизикой, а над областью искусства и морали имеются соответственно эстетика и философия морали. История дополняется умозрительной философией истории, связанной с философией морали и метафизикой. Она получает таким образом место в томистской "иерархии" родов знания. Теория Маритена получила широкое одобрение со стороны томистских авторов, поскольку она направлена на обоснование доминирующей роли метафизики в контексте единого знания.

С определением места истории и философии истории в рамках целостности знания перед томистскими теоретиками встала задача выяснения их познавательного статуса, взаимоотношений. Большинство из них придерживается традиционно взгляда на историю как на "идиографическую" дисциплину, изучающую единичное в его специфике, своеобразии и не претендующей на номологические обобщения. Говоря о специфике исторического познания М.С.Д'Арси пишет: "Из всего сказанного мы можем вывести ряд важных заключений. Первое состоит в том, что история отлична от науки и несколько не хуже от того. Во-вторых, история изучает частное или квазичастное в отличие от науки. В-третьих, история использует интерпретацию; она ищет интеллигибельную модель или целое" (6, с. 23). В приведенном высказывании очевидно звучат неокантианские мотивы, а вопрос о моделировании при интерпретации продиктован влиянием М.Вебера. Подобно Д'Арси, Ж.Маритен также неправомерно лишает историю возможности поиска закономерностей, исторических законов. На него оказали влияние не только неокантианцы, но и экзистенциальная герменевтика в ее французском (Г.Марсель, Ж.-П.Сартр) и не-

мецком (М.Хайдеггер) вариантах, ибо он говорит о специфичном для гуманитарного знания типе "понимания" субъективности другого человека в противовес объективирующему подходу науки (10, с. 113). О специфичном для истории и других гуманитарных наук типе "вчувствования" пишет Р.Д.Хенль (9, с. 13).

Ж.Маритен дает крайне релятивистскую картину исторического познания как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях исторического исследования. Он исходит из неискоренимой сопричастности историка к объекту своего исследования, "вовлеченности" в него, многократно повторяя при этом, что история не есть наука. В.И.Ленин отмечал, что современный фидеизм стремится, принимая науку, ограничить ее "претензию на объективную истину" (1, с. 127). Для Маритена история перестает быть даже наукой. В противоречие с этим своим суждением он все же продолжает рассматривать историю как обладающую эмпирическим и теоретическим уровнями. На первом из них фиксируются факты прошлого, а на втором дается их интерпретация. Для последовательного проведения в практику своей релятивистской установки Маритен выдвигает тезис полнейшей идентификации исторического факта и интерпретации на том основании, что эмпирия всегда суммируется под определенным углом зрения, на языке описания, выбираемом историком (11, с. 3). Действительно, момент выбора материала и средств его описания присутствует при создании модели источника, его критики (см. 5, с. 136), но дело лишь в том насколько объективно предварительное знание теоретического плана. Крайний релятивизм Маритена в вопросе об эмпирическом базисе исторического исследования вызывает отповедь Д'Арси, который считает, что фактор времени и целостное рассмотрение эмпирии ведут к полноценным фактам. Субъективизм Маритена имеет своей альтернативой объективизм Д'Арси. Он полагает возможной более или менее объективную интерпретацию исторического прошлого, но не дает научного обоснования своего мнения. Маритен, напротив, солидаризируясь с А.-И.Марру, говорит об отличии исторической истины от научной в интерпретации событий прошлого. Правда, он, спасая

"реализм" своей гносеологической доктрины, заявляет о возможности специфической "объективности" исторической интерпретации, зависящей от философских убеждений исследователя, принимаемых им ценностей, его жизненного опыта и т.д. Это ставит вопрос о предпосылочном знании, философско-исторических взглядах субъекта познания. Мировоззренческий компонент специально акцентируется Маритеном в отличие, например, от К.Даусона, принимающего позитивистскую теорию факторов для исторического объяснения (8, с. 4-5).

Философия истории, по Маритену, может выявить до определенной степени некоторые общие стороны исторического процесса. Он считает, что история не может быть объяснена и реконструирована согласно необходимому закону, но может быть охарактеризована, интерпретирована относительно некоторых общих аспектов динамики социальной жизни. Маритен пишет, что, в отличие от естественнонаучных законов, исторические не обладают характеристикой необходимости (II, с. 32). Но тогда эти обобщения не могут претендовать на статус закона. Если при анализе естествознания Маритен утверждает, что законы вскрывают лишь "вторичные причины", то в области истории "законы" лишаются им характера необходимости. В процессе истории Ж.Маритен выделяет два рода "законов": 1) "аксиоматические формулы или функциональные законы"; 2) "типологические формулы или векторные законы". Под "функциональными законами" Маритен понимает универсальные связи, действительные для всех периодов истории в сфере духовной жизни общества ("добро в истории всегда связано со злом", "церковь является носителем добра", "добро торжествует над злом на длительном отрезке истории" и т.д.). "Векторные законы" отражают некоторые общие черты в определенных периодах истории ("магическое сознание сменяется логическим мышлением", "сокральная цивилизация в ходе истории сменяется мирской" и т.д.). Католический философ претендует на обобщение исторического процесса в этих "законах", но на самом деле предлагаемые им историкам формулы суть экстраполяция философии морали на некоторые черты реального исторического процесса. В конечном итоге они призваны способст-

водить видению исторического процесса в свете идеала "интегрального гуманизма", выдвигаемого Маритеном. Истории, лишенной права обобщения, навязываются умозрительные схемы томистской историософии.

В приведенных вариантах томистского понимания специфики исторического познания малое внимание уделяется проблеме становления знания, его генезиса. Именно поэтому К. Ранер и Э.Корет стремятся синтезировать томистское учение и экзистенциальную герменевтику, следуя за поздним Э.Гуссерлем, М.Хайдеггером, Х.-Г.Гадамером. Как справедливо подчеркивает М.А.Киссель герменевтическая установка предполагает развертывание "исходного понимания бытия человеком, "онтологическая структура" которого целиком "показывает себя" и вместе с тем "прячется" в первоначальном феномене бытия" (2, с. 160). Фундаментальные понятия томистской герменевтики заимствуются из экзистенциальной. "Понимание" истории идет, по Корету, в границах "герменевтического круга" наличных представлений, который постоянно расширяется, обогащаясь смыслом. Другие дисциплины также находятся в "герменевтическом круге", но в истории мы сталкиваемся с особым случаем, ибо здесь история познания отражает реальность исторического становления (7, с. 138). Исторический мир воспринимается через призму "конкретного амприори". В отличие от Гадамера, сформулировавшего открытое противопоставление истины и метода, Корет, как и П.Рикер, считает, что "понимание" переходит в "объяснение", дополняется им (7, с. 71). "Понимание" в истории идет через "диалог" с текстом и "саморефлексию". Герменевтика ставит, но не разрешает ряд важных проблем генезиса исторического знания, ибо игнорируется социальная природа субъекта познания, разноуровневая структура самого знания, ценностей, апплицируемых к исторической информации.

Понимание неотомистами проблем исторического познания в целом идет в русле буржуазной философии истории. Историческое знание, истолковываемое с антисциентистской точки зрения, противопоставляется естественнонаучному и подчиняется вершине "иерархии" родов знания — метафизике. Это от-

кровенно противоречит реальной динамике исторического знания.

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., т. 18.
2. Киссель М.А. Учение о диалектике в буржуазной философии XX века. Л., 1970.
3. Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1969.
4. Уваров А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973.
6. D'Arcy M.C. The Meaning and Matter of History. A christian View. N.Y., 1959.
7. Coreth E. Grundfragen der Hermeneutik. Freiburg-Basel-Wien 1969.
8. Dawson Ch. The Dynamics of world History. N.Y., 1956.
9. Henle R.J. Science and Humanities.- In: Philosophy and Science as Modes of Knowing. N.Y., 1969.
10. Maritain J. Court traité de l'existence et l'existant. P., 1947.
11. Maritain J. On the Philosophy of History. N.Y., 1957.

КОНЦЕНТРАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В "НОВОЙ ФИЛОСОФИИ"

М.И.Ананьева

"Философия мертва", "бог умер" и "даже его труп находится в состоянии умирания", "политика мертва", "не существует больше экономики" и, конечно "Маркс тоже умер" - таков набор эпатирующих восклицаний, под флагом которых объединились группа относительно молодых французских публици-

тов, провозгласивших себя создателями "новой философии". "Новая философия" вдруг стала модой. Радио, телевидение, еженедельники, вся буржуазная пресса Западной Европы на все лады прославляет новоявленных оракулов.

Ни одно из существовавших до сих пор направлений буржуазной философской и социологической мысли не получали такой рекламы, не вызывали такого шума, ни одна философская концепция не вдалбливалась с такой настойчивостью и последовательностью в головы широких масс населения, как идеи, выдвинутые представителями "новой философии".

"Новые философы" или точнее сказать "новые правые" есть логическое продолжение и развитие "новых левых", которые в конце шестидесятых и начале семидесятых годов распались. Значительная их часть полностью интегрировала в капиталистическое общество, некоторые присоединились к анархистам, некоторые вступили в прогрессивные движения. Сегодня идеи, выработанные и провозглашенные "новыми левыми" получили свое возрождение в "новой философии".

"Новые философы" предлагают своеобразную концепцию философии истории, основанную на иррационализме и пессимизме.

В качестве цели философско-исторического исследования Леви предлагает осмысление исторического пессимизма, "как эссе по археологии нашего времени"¹⁾. При этом пессимизм понимания исторического процесса объединяется автором с анти-гуманистической, иррационалистической концепцией человека.

Иррационализм, пессимизм — главное, что предлагают "новые философы" в их философско-исторических взглядах. Они заявляют об отказе от идей освобождения, революции, политической активности и ангажированности, от счастья, от этики, по словам Леви "иссушенных скелетов, которые когда-то царили и теперь еще царят на небесах оптимизма"²⁾.

Разговоры об оптимистических небесах сопровождаются некоторой верой в будущее в связи с надеждами на успех их собственной философии.

Так называемые "новые философы" обращаются к кругам леворадикальной французской интеллигенции, их единственной со-

циальной опоре, на языке которой они говорят и в нравственности которой они верят, хотя идеологически во многом расходятся с ней. Да и трудно однозначно характеризовать и оценивать идеологические маршруты лево-радикальной французской интеллигенции как из-за ее социальной неоднородности, так и по причине чрезвычайной сложности идеологического контекста современной Франции.

"Новые философы" "уличают" в беспомощности все до сих пор существовавшие и существующие концепции прогресса и, прежде всего марксистскую концепцию прогресса, видя основной недостаток этих концепций в философской ограниченности и политической ангажированности ее авторов. Посему они призывают к созданию беспристрастной социальной философии, которая бы рассматривала историю как ни кем и ни чем не predetermined возможность. За этими достаточно туманными высказываниями скрываются два основных принципа, характеризующие идеалистическую философско-историческую концепцию: 1) - отрицание закономерного хода исторического процесса и 2) - отрицание партийного, ангажированного характера социального исследования в классовом обществе.

В понимании общества Леви не дает что-либо новое, он, как и другие представители этого течения, возрождает натуралистическую концепцию. Он рассуждает о некоей мистической и неизменной природе человеческого общества, под которой понимается "стихия господства и подчинения как нечто неуловимо слитное с природой самого человека. Её невозможно элиминировать, так как нельзя свергнуть то, чем пропитано все в мире. Власть не имеет конкретного местоположения. "Государь - это другое название мира. Властитель - это метафора реальности"³⁾. Согласно этому всякое учение о человеческом бытии наталкивается на проблемы власти, следовательно не существует онтологии, которая не была бы политикой.

Власть, политическое господство рассматриваются "новыми философами" как выражение неполноты человеческого существования, которое в свою очередь выражает неполноту человеческого существа. Состояния стихии и влечения, рожденные

человеческой неполнотой и смертностью, порождают власть. Поэтому стремление улучшить общество и власть — бесперспективны и бессмысленны, так как состояние опущения неполноты своего бытия и смертности всегда остаётся с человеком, следовательно и всегда остается власть, как сила неподвластная индивиду. "Поэтому схватки с властью смертельны, и если человек, вступающий в революционную борьбу с властью, не захватывает власть для себя, становясь "новым государем", а прекраснодушно хочет её преодолеть как таковую, то он теряет само своё бытие, свою человеческую реальность"⁴⁾.

В этих рассуждениях предлагается натуралистическое объяснение общества и политической власти, абстрактное и внеисторическое. Согласно этому отношения господства и подчинения, характеризующие политическую власть антагонистического общества, не вторичны по отношению к социальной структуре общества, а изначальны ей. Более того, Леви рассматривает всякие преобразования социальной структуры как институции, которые надстраиваются на обязательно всегда уже имеющейся почве власти и ничего не меняют в природе последней.

"Власть — не инородный элемент общества: она составляет с ним одно тело, она есть у ч р е д и т е л ь его состояний. Надо расстаться с представлением о власти как паразитическом наросте на обществе или украшающем его венце: власть есть то, посредством чего общество институирует себя... Она не есть просто орудие подавления или инструмент для улаживания социальных конфликтов; если это инструмент, то лишь в том совершенно определенном смысле, что этот инструмент есть демиург, без которого общество есть ничто"⁵⁾. В этих построениях мы видим возрождение известных идей из философии истории Гегеля, который рассматривал государство в качестве основы всего социального здания, так как в анализе общества Гегель шел не от гражданского общества как цементирующей основы к государству, а наоборот.

Только в отличие от Гегеля "новые философы" предлага-

ют полностью надисторический взгляд на общество и Государство, повторяя при этом известный тезис философов-исторической концепции Гегеля: "политический порядок общества предшествует его экономическому порядку"⁶⁾.

Концепция власти и общества у "новых философов" ведет к отрицанию активной роли человека, к обоснованию пессимистического отношения к действительности, к отказу от необходимости политической борьбы, классовой борьбы, так как эта борьба якобы не дает человеку искомой им полной свободы. Эти мысли четко направлены ими против марксизма, против марксовой теории классовой борьбы.

"Пролетариат как сила исторического избавления - это угасающий миф, так как капитализм является первым способом производства без движущего историю класса и, следовательно, без могильщика"⁷⁾.

По мнению Леви, только в XVIII веке еще можно было наивно верить, что время идет не зря и что все в истории закономерно рождается, расцветает и гибнет, и что на смену всегда приходит новое и лучшее. Он называет революционеров наивными людьми, наивными метеорологами, которые будучи увлечены наивными представлениями об истории не способны что-либо изменить действительно к лучшему.

Иррационализм, нападки на разум, теоретическое мышление и логику приводят "новых философов" в наихудшую компанию противников социального прогресса. Понимание "новыми философами" общества четко выражает их отношение к вопросу о роли рабочего класса в современном капиталистическом обществе и их отношение к марксистской теории классов и классовой борьбы. Эти взгляды имеют важное значение для уяснения социальной сущности "новой философии" и того факта, что эти утверждения являются не чем иным, как простым повторением идей "новых левых", идей, развиваемых социальной философией франкфуртской школы.

1) Lévy B.-H. *Barbarie à visage humaine*. Paris. Grasset, 1977, p. 9.

2) Там же, p. II.

3) Там же, p. 30.

- Glucksmann A. Les maitres penseurs. Paris, Grasset,
4) 1977, p. 172.
5) Levy B., H. Barbarie à visage humaine. Paris, Grasset,
1977, p. 41-42.
6) Там же, p. 78.
7) Там же, p. 112.

ПРОБЛЕМА "ИСТОРИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ" В ФИЛОСОФИИ КАРЛА ПОППЕРА

Н.П.Французова

1. Английский философ К.Р.Поппер, известный своими многочисленными исследованиями в области гносеологии и методологии научного познания, методологии политики (1, 2, 3, 4, 5), получившими оценку в буржуазной (7,8) и марксистской литературе (9-13), определенное внимание уделяет и анализу вопросов исторического познания. В его работах рассматриваются вопросы о предмете исторического познания, исторических законах и историческом предвидении, соотношении методов познания в естественных и исторических науках, представляющие несомненный интерес. Рассмотрим лишь особенности анализа проблемы "исторического понимания", которая наряду с проблемами "исторического объяснения" и "исторического повествования" широко обсуждается в современной буржуазной философии истории.

2. Определенные подходы, предпосылки для постановки и предложенного решения этой проблемы можно найти уже в ранних работах Поппера (1,2). Но особое значение ей придается в последних работах (4,5,6), где "историческое понимание" рассматривается как специальная и самостоятельная проблема.

Свое решение Поппер противопоставляет откровенным

субъективистским концепциям. Так, в отличие от герменевтиков, он справедливо утверждает, что понимание необходимо не только при анализе человеческих действий и намерений, но и при осознании соотношения природных явлений, что "историческое понимание" не может сводиться лишь к сопереживанию, оживлению, проигрыванию чувств и переживаний исторических деятелей. Результаты подобных процессов с трудом поддаются проверке и оставляют много места для произвольных интерпретаций. Подобная критика субъективизма может использоваться для выявления противоречий в идеалистическом лагере и защиты материализма.

3. Свое решение проблемы Поппер предлагает, опираясь на некоторые выдвинутые им ранее общие методологические принципы: а) Это концепция "трех миров") 1-физические объекты, 2-человеческие переживания, мыслительные процессы, 3 - продукты человеческой деятельности: сформулированные научные теории, традиции, социальные институты и т.д.) Поппер подчеркивает объективный характер третьего мира, объекты которого выходят за рамки воли и произвола их создателей, приобретают относительную самостоятельность. Такое подразделение представляет определенный интерес, хотя и недостаточно для решения проблем социального анализа явлений (II). При рассмотрении "исторического понимания" применение этого принципа получает особую формулировку /the third-world method/ Предмет исследования - не столько переживания и мыслительные процессы отдельных людей, но прослеживание их неизбежного выхода к объектам "третьего мира", с которыми "мы можем оперировать почти такие же образом, как и с физическими объектами" (4, стр. 163). Такой подход открывает возможность рационального, логического анализа событий и действий людей.

б) Другая методологическая предпосылка - признание единства методов естественных и исторических наук, и прежде всего - определяющего значения метода проб и ошибок, или более точно, метода движения познания от проблем к формулировке их гипотетических решений, обсуждению в процессе дискуссий гипотез и выводимых из них следствий, проверка

их в экспериментальной деятельности, элиминации ошибок, принятие решения и движение к новым проблемам. Здесь, не оценивая метода в целом, можно отметить обоснованность выступлений Поппера против крайних эмпириков, утверждающих, что процесс познания начинается с "чистых" наблюдений, не обремененных имеющимися научными концепциями, целями, социальными интересами, а историческое исследование — только с чтения исторических документов, которому не должны "мешать" теории и гипотезы.

в) Важное место отводится также "ситуационному анализу" как своеобразному применению принципа рациональности при создании предположительной идеализированной реконструкции проблемной ситуации, в которой находились определенные деятели (4, стр. 179). Предполагается необходимость разграничения понимания исторической ситуации со стороны деятелей прошлого и с позиций современного историка.

4. Главная цель "исторического понимания" и рассматривается Поппером как "гипотетическая реконструкция исторической проблемной ситуации" (4, стр. 170), в которой могут участвовать и психологические элементы, но важнейшей задачей остается анализ соотношения объектов "третьего мира", включающего и действия людей. В работе Поппера можно найти интересные рассуждения, относящиеся к анализу истории научных знаний. Он выделяет различные уровни понимания научных проблем, подчеркивает, что понимание проблемы относится к более высокому уровню исследования — к области "метапроблем". Здесь необходимо исследование последовательности и взаимосвязи возникающих проблем, условий и различных вариантов предлагаемых решений. Более того, для лучшего понимания "мертвых" проблем историку науки нужно пытаться самому решать "живые" проблемы и анализировать свои неудачи.

5. Ограниченность концепции "исторического понимания" в философии К. Поппера:

а) Благое намерение К. Поппера избежать субъективизма в сущности доводит его только до ворот "теории

факторов", получившей обстоятельную критику со стороны марксистов. Его "ситуационный анализ" имеет определенное сходство с марксистско-ленинским требованием конкретно-исторического подхода к анализу социальных явлений. Признание взаимодействия явлений недостаточно для глубокого анализа и понимания их функционирования и развития. Но "критический рационалист" в сущности ограничивается описанием соотношения действий и результатов деятельности. Самым важным объектом исторических исследований признается история "человеческого познания, которое включает историю религии, философии и науки" (4, с. 185). Органическая неприязнь к любым формам детерминизма заставляет Поппера даже заменить "ситуационную логику в истории" (I, гл. 3I) на "ситуационный анализ" (4, с. 178). Но поскольку выделяемые им объекты "мира" 3" обладают лишь относительной самостоятельностью, но в конечном счете отражают и объективные законы исторического развития, то их взаимосвязь, тенденция, а следовательно и теоретическую реконструкцию их состояния в прошлом нельзя понять, абстрагируясь от признания этих законов, пренебрегая анализом соотношения классовых сил и их влияния на ход исторического развития.

Поппер же, претендуя на беспартийность и защиту общечеловеческих интересов, довольствуется изложением своего "оптимистического взгляда на историю" (3), обнажающего его сциентистскую позицию, призывали к защите либеральных взглядов и возможностей критического анализа социальной действительности (2,5), к разработке "социальной инженерии" (2), устраняющей конкретное "зло".

б) Выделяя "историческое понимание" как самостоятельную проблему Поппер не всегда четко разграничивает ее от проблемы "исторического объяснения". В частности, ситуационный анализ служит в равной мере средством решения обеих проблем. Очевидно, здесь не раскрывается активная роль познающего субъекта, влияния на процесс познания мировоззрения, социальной детерминации, способности ученого включать исследуемый объект в определенную систему знаний,

опыта, что необходимо для достижения "понимания".

в) К.Поппер, в сущности, ограничивается лишь логическим анализом "понимания", которое может применяться не только в исторических исследованиях, но и при анализе наблюдаемых ситуаций. Он не показывает каким образом историк сможет достигнуть поставленной для него цели—создания идеализированной реконструкции исторической проблемной ситуации. За пределами его исследования остаются такие важные для разработки методологии исторического понимания вопросы как соотношение повторяемости и неповторяемости в процессах социального развития, возможности применения знания о современных процессах к анализу прошлого, соотношении исторических документов и фактов и многие другие.

Л и т е р а т у р а

1. K.R.Popper. The poverty of Historicism. Maston, 1957.
2. K.R.Popper. The Open Society and its Enemies, vol. 1, 2. London, 1964.
3. K.R.Popper. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Oxford, 1972.
4. K.R.Popper. Conjectures and Refutations, The Growth of Scientific Knowledge. London, 1963.
5. K.R.Popper. A Pluralis Approach to the Philosophy of History. In: Roads to freedom. London, 1969.
6. K.R.Popper. The Logic in the Social Sciences. In: The Positivist Dispute in German Sociology. London, 1976.
7. The Critical Approach to Science and Philosophy. Ed. by M.Bunge in Honor of K.R.Popper. London, 1964.
8. The Philosophy of K.R.Popper. In: The Library of Living Philosophers, vol. 14/1, 14/2. La Salle/Open Court, 1974.
9. М.Корнфорт. Открытая философия и открытое общество. М., 1972.
10. В.Добрищев. Нищета на историцизм. Критика на философско-социологические взгляды на Карл Поппера. София, 1969.

11. В.И.Евсеев, И.З.Налетов. Концепция "третьего мира" в гносеологии Карла Поппера. "Вопросы философии", 1974, № 10.
12. И.С.Кон. К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера — Гемпеля и ее критики). В кн.: "Философские проблемы исторической науки". М., 1969.
13. А.С.Богомолов. Английская буржуазная философия XX века. Гл. 6, М., 1973.

Г.БАТТЕРФИЛД: ОТ "ВИГСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ"
К "ЭМАНСИПАЦИИ ОТ ПРОШЛОГО"

А.М.Нейман

Герберту Баттерфилду принадлежит ведущая роль в той историографической и методологической ревизии, которая была осуществлена в английской буржуазной исторической науке в 20—30-е годы XX в. Его работа "Вигская интерпретация истории" (1931) явилась одним из первых манифестов "нового консервативного взгляда на историю", пришедшего на смену господствовавшим ранее в английской буржуазной историографии либеральным и радикальным историческим концепциям. В "Вигской интерпретации..." Г.Баттерфилд подверг фронтальной критике три методологических постулата вигско-либеральной историографии: во-первых, исследование прошлого "с обращением к настоящему", что, по Баттерфилду, является "гигантской оптической иллюзией", "источником всех бед и искажений в истории"; во-вторых, организация исторического исследования на основе "развернутого принципа прогресса", принятие которого приводит, как утверждает Баттерфилд, к упрощению, схематизации реального исторического процесса; в-третьих, стремление либеральных историков к ценностным и моральным оценкам в историческом исследовании лишало его, согласно Баттерфилду, всякой научной ценности, приводило к

чрезмерной "драматизации" истории и превращению ее в космическую схему борьбы "добра" и "зла", "свободы" и "деспотизма", в которой, впрочем, добро и свобода (персонифицированным выражением которых, разумеется, являлись виги) неизменно побеждают...¹.

Вывод, к которому пришел Баттерфилд в ходе критического анализа методологических принципов исторического либерализма, не явился новым для марксистов, но был обескураживающим для либеральных британских гуманитариев: либеральная историческая интерпретация есть не более чем "политический миф", в основе которого — идеализированные и опрокинутые в прошлое представления и стереотипы либеральных промышленников и земельных аристократов.

"Вигская интерпретация истории", явившись одним из первых в английской историографии XX в. теоретических выражений "нового консервативного взгляда на историю", отчетливо обнаружила основной объект методологической критики неоконсерваторов ("вигская версия" истории) и вместе с тем — пока еще в скрытой форме — исходные методологические установки исторического неоконсерватизма (идиографическое описательство и эмпиризм, отрицание связи истории и современности и идеи исторического прогресса, релятивизм и субъективизм в понимании сущности и цели исторического объяснения)². Но если в "Вигской интерпретации..." консерватизм Г.Баттерфилда не выходит за пределы методологической критики и общих установок, предлагаемых в качестве ориентиров исторического исследования, то в последующих его работах — "Англичанин и его история" (1944), "Изучение новой истории" (1944), "Христианство и история" (1950), "История и человеческие отношения" (1951), "Роль личности в истории" (1955) и других — выявилась не только теоретически обоснованная, развернутая от логики до теологической позиции представителя "нового консервативного взгляда на историю", но и — что важно проследить — отчетливая политическая направленность исторического консерватизма в английской историографии. Содержание работы "Англичанин и его история" по види-

мости представляет собой отрицание Баттерфилдом той резкой критики либеральной исторической концепции, которая содержалась в "Вигской интерпретации истории". Оказывается, что "вигская версия" исторического процесса не такая уж плохая вещь и, являясь "общим наследием англичан, ... собственностью всех, и вигов, и торь", становится в изображении английского консервативного историка существеннейшим "аспектом английского духа и продуктом английской традиции"³. Уже незаметны в вигско-либеральной интерпретации истории ни "оптические иллюзии", ни чрезмерная "драматизация" исторического повествования, ни наивное морализирование либеральных историков, вызвавшие ранее столь язвительную критику Баттерфилда. Провозглашается союз англичанина со своей историей, поются восторженные дифирамбы так называемой "преемственности" английской истории, воплотившейся в "традициях монархии, аристократии, буржуазии и церкви"⁴. Но этот кажущийся поворот Г. Баттерфилда от анти-вигизма к воссоединению с "вигской версией" истории в рамках политической ориентации и методологии неоконсерватизма, поворот не единственный в историографической эволюции английского буржуазного историка, является лишь очередным доказательством апологетического характера современного буржуазного исторического мировоззрения. В рамках этой апологетики уместилась и неприкрытая, явная апологетика английской буржуазной демократии и парламентаризма, английских "свобод" и "традиций" вигско-либеральной историографией, и то же, в сущности, но с иной окраской и в иных условиях восхвалению "преемственности" английской истории, присущее "новому консервативному взгляду на историю".

В 50-е годы в неоконсервативном идеалистическом историзме Баттерфилда начинают преобладать новые мотивы, которые наряду с критикой исторического либерализма и апологетикой "английского духа" образуют центральное звено его исторического мировоззрения. Речь идет о "христианском пессимизме" Баттерфилда, его попытках синтезировать в некое мировоззренческое целое научное историческое исследование и догматы христианского вероучения⁵. История и христианст-

во, по Баттерфилду, составляют неразрывное единство, в котором однако функции научного исследования ("технической истории") и христианской религии принципиально различны. "Техническая история" — наука о "конкретном, осязаемом, эмпирическом и наблюдаемом" в прошлом; ее задача — изобразить движение "земной" истории, ход событий прошлого с максимальной полнотой и детализацией. Это — история эмпирии, факта. Ей не дано, утверждает теологизирующий историк, проникнуть в смысл и скрытую, глубинную структуру исторического процесса; научный аппарат и методика изучения исторических источников и свидетельств прошлого "технического историка" предназначены лишь для того, чтобы реконструировать фактически достоверно и микроскопически точно, детально жизнь людей прошлого⁶. Смысл же и глубинные основы человеческой истории открываются, согласно христианско-теологическим построениям Баттерфилда, только религией, проведением. Именно здесь заключены ключ и разгадка всей человеческой драмы, каковой в представлениях "христианского пессимизма" предстает история человечества. Поэтому историк, пишет Баттерфилд, "обладая в своей религии ключом к своей концепции всей человеческой драмы, может благополучно погрузиться в детализированное исследование..."⁷. Историческая наука таким образом превращается в "комментарий" о путях Провидения и структуре провиденциального порядка⁸, а религия, сообщая смысл историческому повествованию, становится общей мировоззренческой основой интерпретации историком "человеческой драмы", развертывающейся в процессе безостановочной смены поколений, эпох и столетий.

"Христианский пессимизм" Баттерфилда отвергает с порога идею исторического прогресса, отстаиваемую одним из главных противников Баттерфилда — "современным секуляризованным либерализмом". Теология истории Баттерфилда исходит вполне в духе догматов религиозного вероучения из "факта" универсальности и неустранимости человеческого "греха" в истории. Его пророчества пронизаны пессимизмом и неверием в историю и человека. По Баттерфилду, история ничего не доказывает и

ничему не учит, она лжива и продажна. Единственной "моделью", различимой "христианским пессимизмом" в истории, становится религиозная догма о возможности очищения человека путем мук и страданий... Так методология истории перерастает в пессимистически окрашенную историософию, центральной темой которой становится "эмансипация от прошлого", освобождение исторического сознания от "чрезмерно романтического" или "суеверного" отношения к человеческому прошлому и его познанию.

Г.Баттерфилд завершает эволюцию своих методологических воззрений на движение истории и историческое познание провозглашением старого нигилистического лозунга буржуазного антиисторизма — "эмансипации от прошлого", свободы от истории и от "суеверного страха перед прошлым"⁹. Уже в "Вигской интерпретации истории" эта позиция освобождения от прошлого предвосхищается критикой неоконсервативным историком "вигской тенденции к возвеличиванию исторического исследования"¹⁰. Уход от обобщений и оценок в фактоописание и идиографическое детализирование — это начало на пути "эмансипации от прошлого", освобождения исторической науки от исследования закономерностей развития общества, научного предвидения и усвоения опыта, уроков исторического прошлого. Позднее, в работе "История и человеческие отношения" Баттерфилд, развивая тезис освобождения от прошлого, приходит к крайне пессимистическим пророчествам относительно необходимости изучения человеческого прошлого и обладания людьми п а м я т ью вообще (а чем является историческое сознание как не коллективной памятью человечества, связующей в неразрывное целое прошлое человечества с его настоящим и будущим?). "История, — писал Г.Баттерфилд, — является в действительности настолько опасным предметом..., что мы можем удивляться — не лучше ли для общества забыть все прошлое, не лучше ли не иметь памяти вообще и просто стоять лицом к будущему, даже не оглядываясь назад"¹¹. Это и неудивительно, коль скоро история общества предстает перед Баттерфилдом в виде гигантского, хаотического скопления, конгломерата бесчисленных поколений людей, между ко-

торами зияют расщепления и лакуны, отсутствует видимая связь и преемственность. Каждое поколение, безрадостно извлекает английский консервативный историк, решая задачу аккумуляции опыта предшествующих пластов исторического времени, вынуждено возвратиться к "началам". Движение истории всякий раз начинается с "явного нуля". "Каждое поколение, - пессимистически заключает Г.Баттерфилд в работе, красноречиво озаглавленной "Разрыв между поколениями в истории" (1971), просто пытается безнадёжно держать свою голову над водой в свое время, говоря в конце своего пути: "После нас - хоть потоп"... Время само играет с нами злые шутки и усугубляет разрывы между поколениями"¹². Идеи разорванности, дискретности истории, отрицание связи, преемственности и поступательности в движении человеческой истории - таковы наиболее очевидные итоги эволюции методологических и философских воззрений Герберта Баттерфилда, одного из первых создателей неоконсервативной методологической "ортодоксии" в английской буржуазной историографии и философии истории XX века.

- 1 Butterfield H. The Whig Interpretation of History. L., 1951, pp. 11-16, 29, 128.
- 2 Butterfield, H. Op. cit., pp. 65-66, 71, 89.
- 3 Butterfield H. The Englishman and his History. Cambridge, 1944, p. VI, I.
- 4 Ibid., p. 139.
- 5 Neatby H. "Christian" Views of History: Toynbee and Butterfield. - "The Royal Society of Canada. Transactions". Section II, Vol. III, June 1958, p. 33-42. Brögan D. Sir H. Butterfield as a Historian: An Appreciation. - In: "The Diversity of History". Essays in Honour of Sir H. Butterfield. Ed. by J. H. Elliott and H. G. Koenigsberger. London, 1970, p. 3-13.
- 6 Butterfield H. History and Human Relations. L., 1951, p. 135-136, 140, 147-148.
- 7 Butterfield H. Christianity and History. L., 1950, p. 22, 23.
- 8 Ibid., pp. 93, 99, 106.
- 9 Butterfield H. History as the emancipation from the past. London, 1956, pp. 3, 6.
- 10 Butterfield H. The Whig Interpretation of History. L., 1951, p. 113.
- 11 Butterfield H. History and Human Relations. L., 1951, p. 171.
- 12 Butterfield H. The Discontinuities between the Generations in History. The Rede Lecture, Cambridge, 1971, p. 8.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НЕОХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

А.А.Ермичев

Кризис культуры и судьбы истории – вот главные темы русской религиозной философии начала XX века. Все прочие, как бы значительны они не были, в отношении к ним имели лишь вспомогательное значение. Здесь не было гипертрофии проблем – Россия начала века настойчиво разрешала именно эти вопросы.

Создаваемая в рамках "неохристианства" философия истории существенно эсхатологична¹⁾. "Идея прогресса предполагает такую цель исторического процесса, которая не имманентна ему, ... но возвышается над временем..."²⁾. Так возникает вопрос о смысле истории, что и стало предметом рассмотрения неохристиан.

По замечанию К.Маркса понятия "цель", "назначение" есть "...абстракция того активного влияния, которое оказывает предшествующая история на последующую"³⁾. Эта абстракция в силу активности общественного сознания становится в ряду идей, реализуемых в социальной практике. Таким образом, постановка вопроса о смысле истории вполне правомерна. Но у неохристиан его разрешение было продиктовано ограниченной социальной природой либерализма в период подготовки и проведения первой русской революции. Убеждение в бессмысленности истории без бога, без признания Христа было не более, чем религиозным вариантом мистерий общественного сознания, иллюзорной компенсацией политического и социального убожества либерализма этого времени.

Осознание своего действительного положения идеологами либерализма не могло быть ни адекватным, ни прямым. Их предложение христианизировать культуру и вобрать в нее "правду коммунизма", чем стать выше противоположностей реального социализма и капитализма абсолютно неадекватно от-

ражала тенденции исторических процессов в XX веке. Эта утопия создавалась в ходе критики марксизма, революционного демократизма и материалистически толкуемого позитивизма. В сочинениях неохристиан эти разные прогрессивные направления общественной мысли в философском отношении отождествлялись как выражение "гегемонизма положительной науки". Антинаучность становится чуть ли не критерием истинности.

В их суждениях о науке доминируют два мотива: во-первых, все многообразие логического содержания науки было сведено к взаимодействию эмпиризма и рационализма; во-вторых, накал борьбы с наукой явно вдохновлялся капиталистическим использованием науки, отождествленным с "прагматичностью" научного познания. Насколько широко распространялись такие идеи свидетельствует публицистика А.Белого, в философском отношении близком к неохристианам. "Первичная конкретность идеи подменяется в нас эмблемой", понятием, — пишет он. "... В тот момент, как идея в явлении угасает, явление есть предмет потребления (Ибо — или конкретнодуховное усвоение предмета в его неповторимости, или грубое потребление. А.Е.), но явление для меня — предстоящее всякое "ты", и оно, это "ты" — потребление". Наука, — заключает А.Белый, "нож для мирового разбоя"⁴⁾. Главный же недостаток науки состоит в том, что претендуя "разрешить не только вопрос: "что я знаю", но также вопросы "что я должен делать" и "на что я смею надеяться"⁵⁾ она пасует перед теорией прогресса, включившей в себя ряд вопросов, которые — де "в опытной науке совершенно не ставятся"⁶⁾. Младший из неохристиан, В.Эрих, поясняет мысль старейшин: наука не имеет прав на суждение о будущем, не дает критерия добра и зла и, утверждая человека как природное существо, навязывает ему феноменальное бытие, чем вообще уничтожает идею прогресса⁷⁾.

Установка на ограниченность возможностей научного познания определило собственные гносеологические поиски неохристиан. Они начались с преодоления гносеологизма неокантианцев, освоения учения В.Соловьева о цельном знании и завершилось интуитивизмом, в котором присутствовали сильные элементы платонизма. "Интуитивизм есть органический синтез

эмпиризма и рационализма: всякое знание, будучи непосредственным созерцанием живого бытия, которое в себе самом содержит логико-онтологическое оформление, насквозь основано на опыте и вместе с тем оно насквозь логически обосновано⁸⁾. Радикально-правую гносеологическую позицию занял Н. Бердяев и другие неохристиане: "Факт науки есть факт мыслительный. Факт веры и есть факт сущий. Сущий факт первичнее мыслительного"⁹⁾. Базой тождества познания и жизни, гарантом единства познания стала богомирская природа человека, тугим узлом связующая небесный и земной миры. Мистицизм и религиозная антропология В.Соловьева – вот к чему они приходят от неокантианства.

Таково гносеологическое введение в диалектическую философию истории – земную с её "изживанием" греха и небесную, духовную. Первый план истории растянут во времени, второй – вечен, как вечна духовная сущность человека. Земная история есть накопление и эволюция, небесная – сбросы и катастрофы. Возникновение любого нового качества необъяснимо эволюционностью земной истории и оттого – чудо¹⁰⁾. В зависимости от симпатий авторов критические точки истории толковались разное, но две – непеременимы для всех. Первой было явление Христа, а второй – рождение науки и связанным с нею появлением машинного производства. Первое явление вызвало к жизни саму идею прогресса и определило три его этапа: до Христа, после Христа и с неохристианства, варьируемых по своему содержанию в рамках мистической диалектики духа и материи. Кроме того, христианство освободило человека от пандемонизма античности, чем сделало возможным науку. Во втором явлении обнаруживается трагизм свободы человека, начавшего второе грехопадение – упование на разум, оторванный от жизни. Реализация научного знания создает мир "индустриализма" и всеобщего отчуждения, ярко обрисованному неохристианами в зарубежный период их деятельности. Ими "ставится вопрос о том, будет ли то существо, которому принадлежит будущее, попрежнему считаться человеком"¹¹⁾.

Итак, интересен к Абсолюту, проявленный либералами, определился провалом их претензий на руководство обществом.

Следствием стало презрение к относительности познания и нравственных норм, что нашло выражение в критике науки, замкнуто-де на наличном, сущем, не выходящей в должное. Научная теория общества, марксизм утверждает вполне "земную" природу прогресса (и должного!), но от этого нисколько не теряется их "метафизическая", мировоззренческая привлекательность. Идеалы, оправдывающие историю, рождаются непосредственно в сфере социальной практики класса и лишь "аранжируются" наукой. Таким образом, должное дано социальной наукой, но — в общих чертах; и не дано ей — в той мере, в какой идеал еще реализуется. Следовательно, идеалы и относительны и абсолютны. Они абсолютны как проект будущего, его содержание не есть содержание действительности. Но проект этот создается на почве наличного бытия и поэтому он относителен. Идеал корректируется и возрастает в ходе движения к нему. Движение к идеалу является движением идеала. По идеологическим причинам этой диалектики неохристиане принять не могут.

В общих рамках неохристианских пророчеств варьируются вопросы о судьбах России, ее "народа конца", начавшего эру "страшного суда". Об их ценности хорошо свидетельствует ход развития мирового социализма после победы Непикого Октября. Но от этого философия истории неохристиан не приобрела еще музейного значения. Во-первых, современный антикоммунизм обильно использует ее догмы, в которых социализм представлен высшей формой отчужденного существования. Во-вторых, ее опыт по-своему переживается в современных эсхатологиях, постоянно возникающих на почве обострения кризиса капитализма и его культуры.

х х
х

Примечания: I)

I) Хилиазм ждет принципиально "нового неба и новой земли". Поэтому в данном случае его отличие от апокалиптической эсхатологии маловажно.

- 2) Бердяев Н. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Берлин, 1923, с. 222.
- 3) Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 45.
- 4) Белый А. Кризис жизни. Петербург, 1918, с. II.
- 5) Алексеев С. Разложение марксизма. "Новый путь", 1904, № 12, с. 87.
- 6) Булгаков С. От марксизма к идеализму. СПб, 1903, с. XVI.
- 7) См. Эрн В. Идея катастрофического прогресса. "Русская мысль", 1909, № 10.
- 8) Лосский Н. Воспоминания. Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968, с. 199-200.
- 9) Бердяев Н. Философия свободы. М., 1911, с. 74.
- 10) См. указ. ст. В. Эрн (№ 7).
- 11) Бердяев Н. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи. Париж, 1934, с. 14.

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ У ЕВРАЗИЙЦЕВ

М.И.Чемерисская

I. "Евразийство" — идеологическое течение, возникшее среди части русской эмиграции в 20-е гг. XX в. Началом своего движения сами евразийцы считали появление в 1920 г. в Софии книги филолога Н.С.Трубецкого "Европа и человечество", хотя термины "Евразия", "евразийство" в этой работе отсутствуют. В 1921 г. в той же Софии выходит сборник "Исход к Востоку", имеющий подзаголовок "Утверждение евразийцев". Затем подобные сборники под разными названиями ("На путях", "Евразийский временник", "Тридцатые годы") выходят неперiodически, но довольно регулярно в различных центрах русской эмиграции (Прага, Берлин). Данные сборники, а также отдельные произведения, написанные людьми, принадлежащими к рассматриваемому направлению и являются основными источниками предлагаемого исследования. Работ, специально посвященных евразийству насколько мне известно, почти не существует (небольшая

статья В.Мещерякова в первом издании БСЭ, статья Л.В.Даниловой в "Вопросах истории" № 3, 1961 г., небольшая глава в работе (E.Beyerly. The Eurocentric Historiography of Russia, P., 1973). К числу "европейцев" принадлежали, кроме Н.С.Трубецкого, географ и экономист П.Н.Савицкий, историк Г.В.Вернадский, лингвист Р.Якобсон, правовед Н.Н.Алексеев и др. Близки к этому направлению были В.А.Рязановский, М. Карпович, из оставшихся в советской стране — М.О.Гершензон.

2. Евразийство представляло собой реакцию части буржуазной интеллигенции на крах традиционных буржуазных ценностей в условиях победы пролетарской революции в России и подъема освободительной борьбы колониальных стран и народов. Евразийцы претендовали на создание всеобъемлющей идеологии, способной соперничать с марксизмом. "В русской действительности, — утверждали они, — только две установки могут претендовать на имя системы — материализм, марксизм и евразийство ("Евраз. вр.", Берлин, 1927, № 5, с. 6).

3. В действительности идеология евразийства — попытка соединить на религиозной основе геополитические теории, идеи М.Нордау и О.Шпенглера, элементы славянофильства, пантюркизма и панмонголизма. Провозгласив устами Н.С.Трубецкого, что культура человечества не может быть сведена к западноевропейской (что впрочем совершенно справедливо), евразийцы сделали из этого вывод, что и общих законов развития человечества не существует, а попытка их обнаружить есть проявление "романо-германского шовинизма". Для каждого "месторазвития" (термин, введенный П.Н.Савицким) должны были действовать особые законы. В первую очередь их, разумеется, интересовало то месторазвитие, за пределы которого их выкинула победоносная революция, и которое они не желая пользоваться ни старым термином "Россия" (слишком узким этнически), ни вновь возникшим — "СССР" — именовали Евразией. Границы этого единства, весьма отличного по мнению евразийских географов и от Европы и от Азии примерно совпадали с границами России за вычетом Польши и Финляндии, но, по-видимому, с включением Монголии.

4. Отвергая марксизм как идеологию нерелигиозную и вдобавок западноевропейскую по происхождению, евразийцы одобряли большевиков за то, что те, по их мнению покончили с чисто европейской ориентацией страны. Вызывали их одобрение такие действия как поддержка национально-освободительного движения на Востоке, переустройство государства на федеративных началах, установление однопартийной системы (разумеется у власти они бы предпочли собственную партию), перенесение столицы в Москву, курс на индустриализацию с опорой на внутренние ресурсы.

5. Претендуя на создание общей системы взглядов, евразийцы пытались выработать собственный подход к различным наукам, даже естественным. Но, пожалуй, единственная область в которой они работали сколько-нибудь плодотворно была история. Общая концепция исторического развития представлена в нескольких работах, в частности показательна работа П.М.Бицилли "Восток и Запад в истории Старого Света, напечатанная в сборнике "На путях". В статье предлагается следующая схема исторического развития. В Старом Свете существовало несколько очагов цивилизации: Западная Европа, Китай, Иран, Индия и центр континента. От 1000 г. до н.э. 1500 г. н.э. из этих средостений идет "одно огромное, необыкновенно мощное и направленное движение... за это время все проблемы поставлены, все мысли передуманы, все великие и вещие слова сказаны" ("На путях", Берлин, 1922, с. 341). Очаги эти не были изолированы, существовала постоянная тенденция к объединению, шедшая из степного центра, в котором пересекались торговые и прочие пути. Роль объединителей брали на себя различные народы, начиная с древних турков. Крах империи Тимура был в значительной степени крахом этого объединительного движения. Средняя Азия оказалась истощенной, Иран, Китай и Индия застыли на достигнутой ступени развития, а Западная Европа, оторванная от источников восточной культуры (автор забывает добавить, что к этому же времени относится изгнание мавров из Испании), начинает развиваться уродливо и односторонне. С XVI в. Россия начинает предприини-

мать усилия по восстановлению единства Старого Света. С теми или иными отступлениями той же схемы придерживаются и другие историки-евразийцы.

6. Заслугой евразийских историков в условиях когда в буржуазной науке господствовали европоцентристские шаблоны, а советская историческая наука только создавалась, следует признать внимание к истории азиатских народов, особенно кочевых. Представление о кочевниках как об антикультурном, разрушительном начале не только отвергалось евразийцами в принципе, но и опровергалось научно в ряде исследований (П.Н.Савицкий "О задачах кочевниковедения", Н. П.Толль "Скифы и гунны", Р.В.Вернадский "Евразийские кочевники и их влияние на средневековую Европу и др."). В этих работах подчеркивалось, что кочевые и оседлые народы развивались в постоянном единстве, торговля, которую вели кочевники, способствовала развитию земледелия и ремесла у народов оседлых, а культурные параллели между Востоком и Западом могут быть поняты только через культуру кочевых народов, осуществлявших практическую связь между окраинами континента.

7. Особое значение историки-евразийцы придавали великим кочевым империям, в первую очередь империи Чингисхана и его преемников, осуществившей идею евразийского единства. Специально данной проблеме посвящена работа Э.Хара-Давана "Чингисхан как полководец и его наследие" (Белград, 1929) и ряд более мелких работ. В этих исследованиях указывается, что "идеалом Чингисхана было создание единого царства человечества (Э.Хара-Даван, ук. соч., с. 142), что благодаря монголо-татарским завоеваниям Европа вступила в тесный контакт с культурой Китая и других стран Азии, что эти завоевания дали мощный стимул для культурного и политического подъема ряда европейских и азиатских народов. Специально подчеркивается веротерпимость монголов и татар (см. работы Г.В. Вернадского, П.Н.Савицкого, Н.С.Трубецкого) в противовес религиозной нетерпимости, господствовавшей в средневековой Европе. К ошибкам монголов относятся их попытки выйти за ес-

тественные границы Евразии, что и привело к ослаблению, а затем распаду империи. Наследницей Чингисхана должна была выступить Россия-Евразия, выросшая из части улуса Джучи.

8. Наибольшее число работ евразийцы посвятили, естественно, отечественной истории, рассматриваемой ими как история развития "симфонической личности России-Евразии". Опыт систематического изложения истории России с евразийской точки зрения был впервые предпринят Г.В.Вернадским в работе "Начертание русской истории" (Прага, 1927). Повествование начиналось не с Рюрика и не с киевских князей, а со скифов, сарматов, готов, гуннов и других кочевых народов. Подчеркивалось, что вся история Евразии - история попыток создания единого государства. В 1930 г. в США вышла работа Вернадского "The History of Russia", в которой развивались те же идеи. Используя применявшуюся еще С.М.Соловьевым схему "лес-степь", автор дает следующую периодизацию: 1/VI-X вв. - лес и степь пытаются объединиться, но неудачно; 2/X-сер.XIII в. - борьба леса и степи; 3/III сер.XIII в. - 1452 г. - степь побеждает, единство под властью монголов; 4/1452-1696 гг. - лес побеждает, Москва - третий Рим; 1696 - 1917 гг. - единство леса и степи, влияние Западной Европы, экспансия на Востоке.

9. Выдвигая на первое место географический фактор, евразийцы уделяли внимание и этническому. Подчеркивалось, что в формировании русского народа и его культуры задолго до татаро-монгольского нашествия наряду со славянским участвовал и "туранский" элемент (см. работы Н.С.Трубецкого "К проблеме русского самопознания", В.П.Никитина "Иран, Туран и Россия и др.).

10. Решающее значение придавалось принятию православия от Византии, наследницы эллинистической культуры, синтезировавшей в значительной степени восточное и западное начала.

11. Совершенно особую позицию занимали евразийские историки в вопросе о татаро-монгольском нашествии и так называемом иге. Евразийцы твердо стояли на позициях, что "без татарщины не было бы России (П.Н.Савицкий, Степь и оседлость - "На путях, с. 342), что татары помогли русским обо-

роняться от "латинского" Запада, что пребывание в составе монгольской империи способствовало установлению культурного единства с великими цивилизациями Азии, что самой государственностью русские обязаны татарам — произошла только смена столиц и замена татарского хана на православного государя, при чем наиболее дальновидные из татар перешли на московскую службу и приняли христианство. С XVI в. Московское царство начинает собирать с запада на восток прежнюю монгольскую империю.

12. Теорию русского феодализма, выдвинутую еще Павловым-Сильванским евразийцы отвергали (см. статью С.П.Пущкарева "Россия и Европа").

13. Хотя евразийцев часто называли наследниками славянофилов, они не придавали, в отличие от последних, значения общине, считая ее искусственным и исторически переходящим образованием.

14. Высоко оценивая личность Петра I, евразийцы ставили ему в упрек то, что он вместе с западноевропейской технологией позаимствовал и западноевропейские обычаи, разрушил традиции, что привело при его преемниках к "романо-германскому" игу, развитию уродливых элементов капитализма, излишне активному участию России в европейской политике, результатом чего были катастрофа в первой мировой войне и крах империи.

15. Если в Евразии определяющим было чувство континента, то в Западной Европе — чувство моря. Тем не менее там тоже наблюдается стремление к единству. Но в отличие от православной католическая церковь стремится подменить государство. Как результат — превалирование внешней "объективной" культуры (на которую впрочем тоже большое влияние оказал Восток). Основные общественные идеи Запада выработаны в древности, в дальнейшем только варьируются (см. книгу Н.Н. Алексеева "Идея государства", Пр., 1925).

16. Большинство общих концепций евразийцев оказались несостоятельными: концепция духовного единства православия и восточных религий (язычество — "предправославие", буддизм —

— созерцательная сторона православия, ислам — деятельная), концепция языкового союза русского языка с урало-алтайскими (хотя отдельные наблюдения Якобсона очень интересны). Но их подход к ряду конкретно-исторических проблем, особенно к проблемам культурных взаимосвязей народов, входящих ныне в состав СССР, представляется довольно плодотворным, несмотря на узость источниковой базы и попытку засунуть факты в искусственную идеалистическую схему.

17. Евразийство как движение распалось в середине 30-х годов.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ВЗГЛЯДОВ А.ДЖ.ТОЙНБИ НА РОЛЬ РЕЛИГИИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Ю.А.Бондаренко

Тесное переплетение многочисленных (социально-экономических психологических и идеологических) факторов реального исторического процесса создавало и создает возможности появления в среде буржуазных историков идеалистических концепций истории. Достаточно широкое распространение имеет на Западе такое понимание истории, при котором фактором, оказывающим определяющее влияние на ход исторических событий, объявляется религия. Крупным современным представителем этого подхода является видный английский историк А.Тойнби. На Западе его называют "международным мудрецом", "неотразимым философом истории", "пророком". Заметный интерес его деятельность вызвала и в Советском Союзе*.

1. Сила влияния А.Тойнби и привлекательные моменты в его творчестве обусловлены субъективно-гуманистическими устремлениями английского историка, с позиций которых он рассматривал современную капиталистическую действительность и исторический процесс в целом; именно исходя из этих позиций А.Тойнби и предпринял широкомасштабное переосмысление исто-

рии, критические аспекты которого можно свести к двум основным:

- 1) Протест против буржуазно-прогрессистского видения истории, которому в концепции А.Тойнби противостоит идея Кармы (исторической судьбы); и протест против бездуховности буржуазного общества, против обезличивания как человеческой личности, так и понимания человеческой истории.
- 2) Работы А.Тойнби пронизывает ненависть к фашизму и расизму, как таким социально-политическим факторам, которые подавляют человеческую личность, лишают ее духовной свободы и индивидуальности.

2. Философия истории А.Тойнби, выходя за рамки непосредственной интерпретации исторических событий, затрагивает широкий спектр проблем, включающих морально-этические, проблемы психологии, проблемы познания мира, религиозные и т.д. Широта интересов обусловила поиски идейно-теоретической базы.

Судя по работам А.Тойнби, его методология формировалась под влиянием самых различных идейных источников и течений. Теоретическими и философскими источниками его идей явились учение Августина Блаженного, работы А.Бергсона и прежде всего "Два источника морали и религии"; фрейдизм, дополненный впоследствии элементами индийской философии, труды О.Шпенглера (особенно потрясший А.Тойнби "Закат Европы"), сочинения мыслителей античности и, пожалуй, недооцениваемые исследователями творчества А.Тойнби, обильно им цитируемые труды современных представителей естественных наук.

3. Основные идеи А.Тойнби о роли религии в жизни общества изложены в "Изучении истории", создававшемся в течение примерно сорока лет. К данной проблеме английский историк постоянно обращался и во многих своих сопоставляющих и последующих работах, из коих особый интерес представляют "Цивилизация на суде", "Христианство среди религий мира", "Подход историка к религии", "Перемены и привычки" вос-

поминания и беседы с представителями японской общественной и религиозной мысли в Начале 70-х годов.

Взгляды А. Тойнби на религию сложились не сразу, а претерпели серьезную эволюцию — от скептического отношения к религии — к упованиям на христианство, и особенно, католицизм, а в годы последовавшие за второй мировой войной А. Тойнби все больше увлеклся элементами восточных учений и даже пришел к идее о необходимости "религиозной контрреволюции" и возвращения к древнему обожествлению сил природы. Не случайно "Изучение истории" было названо его "интеллектуальной автобиографией"². Но при всех метаморфозах взглядов А. Тойнби неизменными оставались игнорирование экономических факторов общественного развития, идеализм в понимании истории и неисторический подход к человеку, как ее основному субъекту.

Ядром концепции А. Тойнби является положение о том, что смысл истории и назначение человека заключены во все более полном сближении человека с богом, из чего следовало, что эпохи общественного развития определяются развитием религии. Идеалом А. Тойнби было "религиозное возрождение", расценивавшееся как единственно возможный фундамент будущего единого человеческого общества. Пренебрегая исследованием материального базиса общественно-исторических процессов, А. Тойнби совершил ошибку, типичную для буржуазных историков и подмеченную еще Ф. Энгельсом, показавшим, что не религия определяет социальные перевороты, а наоборот³.

4. Вся историю человечества А. Тойнби разделил на ряд этапов. Первый этап — история варварства и религий, связанных с поклонением Природе. На данном этапе, по его мысли, религия была еще тесно связана с экономикой.

Второй этап — эпоха Цивилизации, определяемая английским историком исключительно в духовных понятиях, "как попытка создать состояние общества, в котором все человечество было бы способно жить вместе, как члены единой включающей всех семьи"⁴. Согласно А. Тойнби на этом этапе истории появился ряд обществ, сердцевиной которых был иной тип религий, связанных теперь уже не с экономикой, а с политикой,

и сводящихся к культу Человека, его коллективной мощи. В силу обожествления Человека, являющегося по мысли А. Тойнби, источником нескончаемых войн, попытка сплотить человечество на стадии Цивилизации обречена на провал, смысл же появления цивилизаций усматривался в подготовке фундамента для принципиально нового типа общества опирающегося на "высшую" религию и названное им Универсальной Церковью.

5. "Высшими" религиями А. Тойнби называл те, что якобы освобождают индивида от привязанности к обществу, в котором ему случилось родиться, посредством того, что пытаются поставить индивидуальные человеческие существа в прямой контакт с первичной духовной реальностью, то есть с божеством. Данные взгляды А. Тойнби явственно перекликаются с идеями А. Бергсона, а тойнбианская классификация религий соответствует двум типам религий — "статическому" и "динамическому" в "двух источниках морали и религии" (у А. Тойнби соответственно "низшие" и "высшие" религии). Подобно А. Бергсону А. Тойнби верил, что укоренение нового общества и всеобщий мир возможны лишь на религиозной основе.

Главная особенность нового типа общества или Универсальной Церкви состоит, по мысли А. Тойнби, в подчинении земных, светских целей духовным, выходящим за пределы этого мира. Английский историк считал, что лишь любовь к единому для всех людей богу может являться основой подлинной любви к людям, а наиболее достойными гражданами человеческого общества способны быть лишь те, кто зачисляет себя в ряды граждан Царства Божия, идея которого была взята у Августина Блаженного.

6. А. Тойнби полагал, что сегодня, когда осуществляется "унификация" мира, открываются возможности для религиозного "возрождения", которое может пойти двумя путями. Первый путь — слияние всех существующих "высших" религий, таких, как христианство, буддизм, ислам, индуизм, иудаизм, зороастризм) в единую синкретичную религию, которой может оказаться "омоложенное" христианство, впитавшее в себя соки других религий. "Может случиться, — писал он. — ... что

христианство может остаться в качестве духовного наследника всех других "высших" религий, от послешумерских зачатков поколения Единому в богослужении Таммузу и Иштар до тех, что в 1948 году еще живут бок о бок с христианством, и всех философий — от Эхнатона до Гегеля, тогда как христианская церковь как институт, может сохраниться в качестве наследия всех других церквей и цивилизаций"⁵. Второй путь — примирение и сплочение "высших" религий, по мнению А.Тойнби, более предпочтителен, ибо вследствие разнообразия людей невозможно их единство в подходе к одному истинному богу. По его мысли, главное состоит в том, чтобы убедить верующих, что нынешние "высшие религии" — вариации на одну тему. Образец религиозной терпимости виделся ему в Индии.

Таким образом, религия и церковь расценивались как эликсир, дающий человечеству "Атомной эры" возможность избавиться от угрозы самоуничтожения. Это нашло свое отражение почти во всех послевоенных работах А.Тойнби. Не видя классовых основ социальных конфликтов он полагал, что истоки войн кроются в религиозной нетерпимости и, что поэтому для их устранения достаточно выработать у людей верное отношение к богу, которое якобы автоматически обуславливает правильные отношения между людьми.

Следует отметить, что у А.Тойнби религия признается необходимой не только как ключ к миру, но и как сфера реализации творческой энергии, как безграничная область духовной свободы в эру растущих ограничений в практической деятельности человека. В данном случае А.Тойнби не вышел за пределы традиционных теологических взглядов, рассматривающих религию как область высшей творческой деятельности.

7. Философия истории А.Тойнби показательна тем, что сочетает в себе трезвый анализ капиталистической действительности и порочность методологических основ буржуазной философии, беспомощность в поисках "спасительных" рецептов. Основная слабость его концепции в том, что будучи идеалистом, А.Тойнби видел рычаг социальных изменений в революции идей, оторванных от действительности, что повело его к

поискам выхода в области сверхъестественного, подтвердив тем самым вновь мысль В.И.Ленина о том, что философский идеализм является "дорогой к поповщине"⁶.

Воздавая должное субъективным устремлениям А.Тойнби — призывал к религиозной терпимости, осознанию необходимости слияния на равноправной основе культурных наследий народов всех континентов, и страстному желанию избавить человечество от угрозы войн, следует подчеркнуть, что предлагаемые им меры не могут помочь в решении социальных проблем.

Литература и примечания.

1. Анализ творчества А.Тойнби посвятили специальные труды и разделы работ Араб-Оглы Э.А., Брутенц К.Н., Златкин И.А., Кон И.С., Конрад Н.И., Косминский Е.А., Кирхоглани С.В., Маркарян Э.С., Рашковский Е.Б., Семенов Ю.М., Сергеев Н.А., Чесноков Г.Д., Штофман А.С. и др.
2. Toynbee A. A Study of History. Vol.12. London, 1961, p.1.
3. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 21, стр. 294.
4. Toynbee A. A Study of History. Vol.12, London, 1961, p.289.
5. Toynbee A. Civilization on Trial, and the World and the West, Cleveland-New York, 1963, p.210.
6. Ленин В.И., ПСС, т. 29, стр. 321-322.

МАРКСИСТСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И Ю.ХАБЕРМАС

Н.А.Широкова

1. Развитие буржуазной философии сегодня отражает характерную тенденцию, которая заключается в возрождении интереса к гуманитарному знанию, к проблеме культурных цен-

ностей. Именно эта тенденция зафиксирована в отчете о XI философском конгрессе, состоявшемся в ФРГ (Геттинген, 5-9 октября 1975 г.)¹. Не только этики, но и логики и теории науки отметили экспансию естественнонаучного мышления в сферу общественной жизни в ущерб социальному аспекту знания и ценностным ориентациям науки. Тем более характерна постановка проблемы соотношения науки и человеческих ценностей для современной буржуазной социологии. Интерес к этой проблематике отражает развитие социального отчуждения личности в капиталистическом обществе.

2. Поиски "соразмерности" научного и общественного прогресса, критерием которого является обретение человеком свободы, — центральная тема современных социально-критических теорий общественного развития. Эти теории сегодня приобрели широкую популярность, так как процесс социальной деградации личности захватывает все новые и новые социальные слои капиталистических стран, которые попадают в русло основного противоречия капитализма.

3. Одно из наиболее популярных направлений сегодня в социальной критике современного капитализма — философия Франкфуртской школы. Ее представители Т. Адорно, М. Хоркхаймер и другие взяли на себя ответственную роль "продолжить" развитие марксистской теории, которая, по их мнению, сегодня претерпевает застой и не имеет своих подлинных продолжателей, способных оценить новую общественную ситуацию.

Представитель Франкфуртской школы Г. Маркузе заслужил славу истинного продолжателя Маркса своей теорией "Великого отказа".

4. Популярность Г. Маркузе совпала с широкой волной студенческого движения, охватившего все капиталистические страны в конце 60-х годов. Слава идеолога "Великого отказа" не случайна в студенческом движении. Дело в том, что Г. Маркузе в яркой образной форме показал процесс дегуманизации капиталистического общества, который выражается в навязывании человеку чуждых капиталистических структур, подавляющих личность. При этом он довольно ярко передал

мироощущение этой личности. Г.Маркузе сыграл определенную роль в разоблачении методов буржуазного манипулирования сознанием масс. И, наконец, в своих книгах Г.Маркузе отнесся к студенчеству и к интеллигенции как к агентам новых социальных перемен, и это, по-видимому, явилось решающим моментом для обретения в лице Г.Маркузе апостола студенческого протеста.

5. Популярность Г.Маркузе была яркой, но недолгой, как и популярность "детской болезни левизны" молодежного движения. Сегодня есть уже более актуальные теории других представителей Франкфуртской школы. В частности, речь идет о Ю.Хабермасе, который в 1976 г. выступил с книгой "К реконструкции исторического материализма"².

6. Ю.Хабермас не согласен с маркузианским "Великим отказом". Он отдает должное утопичности такой стратегии и выдвигает новую теорию, которая должна привести общество к социальным переменам. Для этого он сначала пересматривает основные положения исторического материализма и "дополняет" марксизм данными из когнитивной психологии, структурализма и функционализма.

7. Хабермас считает, что после исследований Т.Парсонса и других стало возможным комплексное изучение исторического процесса общественного развития в противоположность сведению всех видов общественной деятельности к производственной деятельности, в чем и обвиняется Маркс.

8. Пересматривая марксово учение, Ю.Хабермас пишет, что он не стремится его полностью перечеркнуть. Даже наоборот, Ю.Хабермас настаивает на том, что его теория не противоречит этому учению. Во введении к его последней книге он пишет, что комплексный подход к общественному развитию не противоречит Марксу, поскольку он "материалистичен", т.к. в круг его рассмотрения входят современные проблемы производства и воспроизводства, и "историчен", поскольку учтена специфика развития современного капиталистического общества, и на основании его теории можно сделать определенные практические выводы.

9. "Практические выводы" теории Хабермаса сводятся к тому, что он "дополняет" марксизм понятиями — языка и интеракции, полагая, что эти новые параметры анализа помогут избежать сложившуюся де в марксизме традицию изображения исторического процесса в виде линейной зависимости экономики, политики, идеологии, где в конечном счете все сводится к экономике.

10. Поскольку труд, по Хабермасу, носит исключительно природно-вещественный характер, то анализ истории согласно Хабермасу с точки зрения развития производительных сил и производственных отношений совершенно исключает такой важнейший момент общественного развития, как становление личности и нравственный прогресс. Более того, согласно Хабермасу сведение истории общества к производственной деятельности не позволяет обратить внимание на такую глобальную проблему современности, как подавление личности "инструментальным разумом" научно-технического прогресса.

"Оценивая деятельность исключительно в плане нравственных задач, не связанных с трудовым процессом, Хабермас считает ненужной такую категорию истмата, как способ производства. Более нужной сегодня, как представляется Ю.Хабермасу, является категория интеракции. В отличие от "инструментальной" и "стратегической" целесообразной деятельности именно интеракция и ее развитие является необходимым условием общественного прогресса. Как раз и инструментальная деятельность подавляет интеракцию, что сегодня обнаруживается в развитии "напряженнейшей рациональности" капитализма, которая противостоит истинно человеческим целям и ценностям.

11. Давая картину развития "традиционного" общества, общества либерального капитализма, и наконец, общества современного индустриального, Хабермас отмечает все возрастающую тенденцию превращения науки и техники в новую "неполитическую" идеологию, которая и превращается в фетиш современного капитализма.

12. Ю.Хабермас пытается разрешить противоречия современного капитализма, по его определению, как общества со

скрытыми (в результате применения науки и техники) конфликтами с помощью соотношения инструментальной деятельности с требованиями интеракции.

13. Уязвимость этой позиции состоит в том, что теоретик отвлекается от базисных проблем капитализма, поскольку считает, что их исследование было необходимо лишь во времена Маркса и он целиком сосредоточивает внимание на идеологических отношениях, совершенно обособляя их от сферы материальных.

14. Надо сказать, что переоценка надстроечных институтов современного буржуазного общества свойственна не одному Ю.Хабермасу. Взгляд на современный капитализм как на общество, которое нуждается лишь в изменении надстройки превратился в предрассудок буржуазного сознания, который вместе с тем разделяется современным реформизмом, ревизионизмом, а также современными социально-критическими теориями, представителем которых является Ю.Хабермас.

1. *Logik, Ethik, Theorie der geisteswissenschaften*, Hamburg, 1977.

2) Habermas J. *Zur Rekonstruktion des historischen Materialismus*. Frankfurt a.Main, 1976.

О КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ "ЖИЗНИ" В.ДИЛЬТЕЯ И Г.ЗИММЕЛЯ

В.В.Дмитриев

1. Философская деятельность В.Дильтея и Г.Зиммеля связана с последовательной и, зачастую, скрупулёзной критикой рационалистических схем построения философии истории и соответствующих им техник и методик исторического исследования. В условиях кризиса буржуазного общества особой трансформации общественного сознания сопутствует иная (неклассическая) интенция философско-исторического сознания.

2. В советской литературе дан достаточно полный анализ основного содержания философского творчества В.Дильтея и Г.Зиммеля. В меньшей степени исследован вопрос о специфической ориентации философов "жизни" в сторону конструирования философии истории, элиминирующей онтологические основания в классическом значении понятия. Это, в свою очередь, приводит к осознанию коренных проблем содержания и источников исторического исследования.

3. К концу 19 и началу 20 вв. выявилась коренная ограниченность двух логико-методологических установок традиционного историзма, антитетичных друг другу: "онтологического", уходящего корнями в традицию древнегреческой философской мудрости, и фактографического историзма фон Ранке и Майнеке. Кризис традиционных культурных установок замечательно проанализирован Т.Манном в ряде эссе и средствами искусства в "Докторе Фаустусе" где, говоря о традиционной интеллектуальности лиц, принадлежащих "онтологическому" стилю мышления, пишет: "Мысль будто общее гармонически содержится в частном, обанкротилась. Связующим априорным условностям...крышка" (Т.Манн. Доктор Фаустус. М., 1959, с. 293).

4. По-существу, в этой ситуации получили экстремальное выражение тенденции упразднения историографии как научной дисциплины. "Онтологический" историзм стремился поднять историческую науку до уровня социологии или философии истории отрицанием её логико-методологической специфики. Историзм фон Ранке возвел в абсолют сомнение в логико-теоретическом характере историографии и отрицал необходимость для нее философии истории и социологии как общетеоретических дисциплин. В.И.Ленин писал по этому поводу: "Домарксовская "социология" и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса" (В.И.Ленин. ПСС, т. 26, с.57).

5. Историзм Гегеля - вершина "онтологического" историзма - не был способен к ассимиляции нового материала европейского мышления, продуцировавшего предметности кризисного сознания, в силу того, что он возродил античную идею познания как интенционального отношения к миру в его целостности

на основе универсальной синтезирующей деятельности абсолютной идеи. Поэтому гегелевская система оказывается и энциклопедией философских наук, всей наукой вообще. Гегелевский историзм — это особым образом снятая история. Формализм системы Гегеля, однозначно и жестко проецированный на сферу феноменологической всеобщности, неспособен к аккумуляции эмпирического содержания познания. Величайшие диалектические прозрения Гегеля все же существуют и развиваются в пространствах, заданных канонами и идеалами формально-логического совершенства, и, так называемая, система Гегеля не только дань "жанру", но, сознательно или неосознанно, является клише финитивных формально-логических схем мышления.

6. Позиция В. Дильтея и Г. Зиммеля явилась реакцией на сложившееся положение дел и открывает новый этап в развитии буржуазной философско-исторической мысли. Философия истории В. Дильтея и Г. Зиммеля базируется на особой интенциональной предметности сознания, охватываемой понятием "жизнь". "Сама жизнь, жизненность, за которую я не могу проникнуть, содержит связи, в которых раскрывается все познание и все мышление" (Dilthey W. *Erfassung und Denken. Gesammelte Schriften*, Bd. V, S. 83.)

Понятием "жизнь" покрывается экстенсивное и интенсивное многообразие психологического содержания в переживании субъекта. Оно акцентирует в нем то, что в любом случае не поддается экспликации средствами понятийно-логического мышления. В этой форме оно является антитезой "ставшему", "оформленному", "объективному", т.е. тому, что является предметом "объективной" науки. "Жизнь" репрезентирует ту реальность, которую стремится понять историк. Они вводят это понятие, руководствуясь идеей определения границ и условий существования объектов исторического познания. Действительно, позиция "исторического объективизма" оперирует понятием сущего как некоего "логоса бытия", который в акте мышления обнаруживает свое существование и становится содержанием мысли. Мыслимое бытие оказывается тождественным бытию вне мысли. Тем самым оправдываются любые конструкции мышления.

7. Развитие точных наук поставило под сомнение возможность "чистого мышления", а условия кризиса, вызвавшие в области надстройки бурный рост форм индивидуального и личного мышления, определившие необыкновенную пестроту идеологических и интеллектуальных позиций и практических ориентаций, окончательно опровергли в их глазах (так же, как и для Т.Манна), возможность какой бы то ни было общезначимой социальной философии и номотетического мышления.

8. Взоры некоторых интеллектуалов, в том числе В.Дильтея и Г.Зиммеля, обратились к выявлению иной (не субъектно-объектной) связи индивида с миром жизненных проявлений. Т.о. оказалось, что понятие исторической реальности ("жизни") имеет смысл только в отношении к субъекту и потенциально содержится в нем "в виде психологической силы, которая принадлежит личности совместно со всем ее опытом, инстинктами и чувствами" (Г.Зиммель. Проблемы философии истории. М., 1898, с. 27). Преодоление рационалистского субъектно-объектного дуализма связан у них с пристальным вниманием к внутреннему миру личности, того, какими путями внеличностное по видимости содержание исторического процесса, формирует и образует внутреннюю структуру личности, оставляющую "запись бытия" в историческом источнике. Герменевтика как "искусство понимания письменно зафиксированных жизненных проявлений" (Dilthey W. *Leben Schleiermacher*. Bd.I. Berlin, 1870, XIV, 542, S.332-333), т.е. есть мифологическое вчувствование, а смыслы и значения исторического исследования репрезентированы мифологическими структурами. В.Дильтей и Г. Зиммель строят концепцию медитативной сущности исторического исследования. Феномен понимания-медитативный акт. "Понимание — это забвение явного я, когда интеллект оставляет в собственном своем я свои особенности, чтобы слиться с объектом, и тогда его я представляю тем, чем был объект" (Г.Зиммель. Указ. соч., с. 24). Понимание требует, чтобы объект переживания стал ситуацией субъекта. Однако не в понятийнологическом смысле, когда сущность "переводится" в субъект посредством логического рассуждения, как в концепции "исторического объективизма", но в акте эмоционально-психического уподобле-

ния субъекта объекту, в процессе которого осуществляется трансляция внутренней субъективности в сферу понимания, где она, актуализированная переживанием постигается историческим разумом. Понимание – "это ощущение того, что я собственно не ощущаю, это воспроизведение субъективности, которая возможна опять-таки только в субъекте, но которая в то же время объективна по отношению к нему..." (Г.Зиммель. Указ. соч., с. 20).

9. Перечисленные обстоятельства опровергают требования исходить в историческом исследовании из фактов, т.к. та или иная историческая связь должна согласоваться с принципом психологической достоверности, являющимся некоторой результирующей внутреннего опыта историка. Принцип психологической достоверности оправдывает любые истолкования исторического источника. По сути дела В.Дильтей и Г.Зиммель возрождают на новой базе гносеологический волюнтаризм бывший в "онтологическом" варианте объектом их критики.

10. Вместе с тем, этот принцип является методологическим уточнением феномена переживания как критерия существования исторических объектов, но уже как критерия истинности, с целью ограничения "исследовательского" произвола объективно содержащегося в методологических посылках концепции, что чувствуют сами ее авторы.

11. Взаимоотношения изначальной субъективности со сферой понятого (истолкованного) невольно напоминают взаимоотношения бессознательного и осознанного в концепции З.Фрейда. Это сходство может быть продолжено, если вспомнить, что для последнего социология и история есть "не что иное... как прикладная психология". (Цит. по: Холличер В. Человек и агрессия. М., 1975, с. 93). Как бы чувствуя З.Фрейду в "Проблемах философии истории" Г.Зиммель пишет: "если бы существовала психология в виде науки о законах, то историческая наука была бы в той же мере прикладной психологией" (Г.Зиммель. Указ. соч., с. 2).

Итак, концепция исторического исследования В.Дильтея и Г.Зиммеля имеет ярко выраженный иррациональный характер.

Авторы ее не только не смогли преодолеть недостатки предшествующих концепций исторического познания, но и возродили их на новой субъективно-идеалистической основе.

В.Дильтей и Г.Зиммель являются пионерами ремифологизации мышления в области исторического познания.

Отталкиваясь от "несомненности кризиса культуры" (Дильтей) они конструируют такой вариант методологии и методики "исторического познания", который приспособлен для выражения смыслов и значений подвергающегося кризису сознания.

С этой точки зрения метод герменевтики есть по сути дела феноменологическое описание наличного содержания сознания субъекта буржуазного общества, который "демонологически осознает" социально-экономические конфликты своего общества в канун его гибели.

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И.Г.ГЕРДЕРА

В.И.Кондратенко, Н.З.Коротков

1. Исходным марксистским принципом понимания истории является взгляд на историю как "естественно-исторический процесс". Научный смысл этого положения в том, что согласно К.Марксу в основе общественного развития лежит процесс производства материальных благ, производительных сил общества и соответствующих им производственных отношений. Вместе с тем классики марксизма неоднократно отмечали сложный характер взаимовлияния различных структур социального прогресса. Ф.Энгельс в известных письмах "против вульгаризации марксизма" подчеркивает взаимовлияние различных форм общественного сознания и их активное воздействие на структуру общественного бытия.

2. Действительное преимущество и все богатство марксистской логико-методологической концептуальной позиции может быть осознано лишь в сравнении как с методологическими

посылками современной буржуазной исторической науки (критический аспект сравнения), итак и с предшественниками марксистской и историко-социологической мысли. "К.Маркс стоял на плечах гигантов" (I, стр. 51).

3. Одним из гигантов домарксистской историографии можно по праву считать Иоганна Готфрида Гердера. Из творческого наследия Гердера мы берем лишь один аспект: взаимовлияние исторической и эстетической концепции Гердера. Этот аспект представляет особый интерес, во-первых, потому что рердеровское понимание истории исходит из принципа естественности совокупного историко-культурного процесса, и, во-вторых, потому что в этом естественном процессе Рердер пытается различить исторические условия развития искусства и обратное влияние искусства на исторические условия жизни народа.

4. Особое внимание в интересующем нас аспекте привлекают к себе "Общие рассуждения о греческой истории" Гердера, в которых автор прямо говорит о логико-методологических принципах понимания истории. Эти принципы следующие:

1. "Что может совершиться в царстве людей в соответствии с обстоятельствами, присущими данной народности, времени, месту, то реально и совершается;

2. Что верно в отношении одного народа, то верно и в отношении нескольких народов, связанных между собой; они существуют, как связало их время и место, и они воздействуют друг на друга так, как это обусловила взаимосвязь живых энергий;

3. Культура народа — это цвет его бытия, изящное, но бренное и хрупкое откровение его существования;

4. Здоровье и долговечность государства опирается не на точку высшего развития его культуры, а на мудрое или счастливое равновесие его живых творческих сил. Чем ниже расположен центр тяжести в этом живом стремлении, тем тверже и долговечнее его государство" (2, стр. 385-389).

5. Уже в первом принципе, который Гердер называет "великим принципом истории" в качестве предпосылок исторического процесса берутся обстоятельства присущие данной народнос-

ти, времени и месту. В общем виде это справедливо. Однако предпосылки исторического процесса не превращаются у Гердера, в отличие от Маркса в элементы системы, которые строго определенным образом взаимодействовали бы между собой. Правда, Гердер в третьем принципе выделяет культуру народа, как "цвет" его бытия. Здесь можно увидеть определенный намек на вторичность культуры по отношению к исходным условиям. Поясняя этот тезис Гердер замечает: "Греческая культура росла, сообразуясь с временем, местностями, предметами, и вместе с ними приходила в упадок" (2, стр. 388).

При всей нестрогости определения культуры и условий "времени и местности" здесь можно проследить потенциально богатую предпосылку конкретно-исторического подхода к явлениям духовной жизни народов. Историзм Гердера не был абстрактным (как у Гегеля), но он был неопределенным с точки зрения действительных движущих мотивов истории. Можно сказать, что марксистская методология снова возвращается к конкретно-историческому пониманию общего прогресса, но уже преодолев абстрактный историзм Гегеля, т.е. на более высокой ступени развития.

6. Из предыдущего следует, что в наивной, нерасчлененной форме Гердеру удалось поставить, а во многом и предугадать решение действительных проблем соотношения материальных предпосылок культуры и искусства в частности, и обратного влияния искусства на сферу нравственной жизни народа и ее материальные предпосылки. Так, говоря об искусстве Древней Греции, Гердер употребляет сравнение с юностью: "Юность уже не вернется к нам, а потому не вернется и юношеское движение наших душевных энергий. Цветок распустился, и это как раз означает, что он скоро завянет; он вобрал в себя всю силу растения, начиная с корней, и когда умирают цветы, то вслед за ним умирает и растение. Если бы породившее Перикла и Сократа время продлилось одно лишнее мгновение по сравнению с длительностью, что определена цепочкой обстоятельств, то это было бы несчастьем, и нужно сказать, что тут был опасный, невыносимый для Афин период истории" (2, стр. 389). Греки всегда были детьми, говорит он в дру-

гом месте (3, стр. 177).

7. Гердер подметил глубокую связь философии и поэзии в античном мире: "Как трагедии, так и большинство лирических жанров возникли из ритуальных хоров и обычаев. Платон со всей своей мудростью полон поэтических речений и сказаний древности в каждом темном и запутанном вопросе; кто недоволен этим, тот несправедлив к нему, ибо без них никогда бы не было Платона. И так, следуя истории и традиции, все жизнеустройство и мудрость греков берут свое начало у поэтов доисторического мира" (3, стр. 175).

Эта мысль в известной мере предвосхищает марксистское понимание глубокой взаимосвязи искусства и философии (см. Зисс А.Я. "Вопросы философии" № II, 1978 г.) и близка также идее Маркса о мифологической основе и предпосылках древнегреческой культуры и искусства.

8. Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что Гердеру удалось создать естественно-реалистическую концепцию истории. Однако это не был материализм. Ошибки Гердера проступают особенно явственно там, где он пытается особенно духовной жизни народа объяснить географическими условиями, и там, где Гердер, порывая со своими исходными посылками понимания истории как естественного процесса, говорит о человеке как носителе только духовности ("царство человека — система духовных сил"), тем более что взгляд на человека не лишен у Гердера религиозного мистицизма. "Нынешнее состояние человека по всей вероятности звено, соединяющее два мира (земной и небесный)".

9. Только в исторической концепции Маркса человек рассмотрен в своей сущности как совокупность общественных отношений, и его историческое развитие, включая все духовные способности, определено общим историческим прогрессом.

Л и т е р а т у р а

1. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр.
2. И.Г. Гердер. "Идем к философии истории человечества", изд. "Наука". М., 1977.
3. Идем эстетического воспитания, т. II, изд. "Искусство", М., 1973.

С о д е р ж а н и е

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Э.Н.Л о о н е. Решенные и нерешенные проблемы философии истории.	3
И.О.Д ж и о е в. Историческая необходимость и человеческое бытие.	6
Секция I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
Р.Н.Б л ю м. Некоторые методологические вопросы изучения истории революционной мысли.	11
А.В.Г у л ы г а. Историческое сознание.	16
В.В.К о с о л а п о в. Структурно-функциональный метод исторического исследования: его возможности и ограничения.	18
Л.В.С у в о й ч и к. О роли воображения в историческом познании. Историческая и художественная правда.	22
А.Я.Г у р е в и ч. Традиционное и новое в историческом знании.	25
В.Н.Ш е в ч е н к о. Исторический материализм. Историческая наука и реальный процесс развития человеческого общества.	28
В.Н.А ф о н и н а. Тип культуры как категория философско-исторического познания.	33
М.А.В а р ш а в ч и к. О предмете методологии исторической науки.	38
В.Г.О с и п о в. Г.В.Плеханов о философских принципах исторического познания.	43
В.П.И л ь ш е ч к и н. О двух логических системах одноименных категорий в теории общественных формаций.	47
А.И.У в а р о в. Понятие исторического общества.	54
А.С.А х и е з е р. Методологические проблемы изучения субъекта истории.	57

Н.И.Смоленский И. Современность и историческое понятие.	62
Р.И.Эпштейн. Социальное пространство как категория исторического материализма.	67
Секция II. ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	
В.П.Илюшечкин. Традиционные исторические эпохи и общественные формации.	73
Ю.К.Ахк. О применении метода моделирования в исторических исследованиях.	79
Д.В.Петров. Структура теории в исторической науке.	81
С.И.Кордон. История и структура: теоретическая дилемма или методологический дуализм. ...	85
Р.А.Вихалемм. О проблеме научной теории в историческом познании.	91
М.А.Киссель. Задачи мета-философии истории.	95
О.Л.Лейбович. К вопросу о содержании исторического факта.	99
А.И.Гавриляк. Специфика гипотезы в историческом познании.	102
Ю.И.Зуев, О.В.Николенко. Некоторые методологические проблемы исторической науки...	105
А.Н.Гурьянов. Понятие метода исследования в исторической науке.	110
И.Б.Крикштопайтис. О роли определения объекта в его историко-научном исследовании.	113
В.П.Фомин. Проблема возникновения исторического объяснения.	117
В.С.Егоров. Процедура реконструкции в исследованиях по гражданской истории.	119
О.И.Кирсанов. О методе исторического исследования духовных явлений.	124

Секция III. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

В.Г.Минаков. История и трансценденция в философии К.Ясперса.	I29
З.Я.Ермацане. Некоторые аспекты концепции философии истории Карла Левита.	I34
В.Г.Федотов. Критика методологических основ буржуазных концепций исторического развития.	I38
А.Н.Ящук. Р.Дж.Коллингвуд и исторический конструктивизм.	I42
А.А.Порк. Проблема объяснения в англоязычной философии истории.	I48
Г.И.Иконников. Разработка концепции философии истории в рамках социологии "технологического детерминизма".	I55
Л.Ф.Кузнецова, Т.Ф.Кузнецова. Некоторые методологические основания философии истории Ю.Хабермаса.	I59
Б.Л.Губман. Вопросы методологии исторического познания в современном неотомизме.	I61
М.И.Ананьев. Концентрация философии истории в "новой философии".	I66
Н.П.Французова. Проблема "исторического понимания" в философии Карла Поппера.	I71
А.М.Нейман. Г.Баттерфилд: от "вигской интерпретации истории" к "эмансипации от прошлого".	I76
А.А.Ермичев. Методологические основы неохристианской философии истории в России начала XX века.	I82
М.И.Чемерисская. Концепция исторического развития у евразийцев.	I86
Ю.Я.Бондаренко. Несостоятельность взглядов А.Дж.Тойнби на роль религии в жизни общества.	I92

Н.А.Ш и р о к о в а. Марксистская методология истори- ческого процесса и Ю.Хабермас. ...	197
В.В.Д м и т р и е в. О концепции исторического иссле- дования в философии "жизни" В.Диль- тея и Г.Зиммеля.	201
В.И.К о н д р а т е н к о, Н.З.К о р о т к о в. Логико- методологические основы историчес- кой концепции и эстетических взгля- дов И.Г.Гердера.	206

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ МЕЖУЗОВОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
"СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ". На рус-
ском языке. Тартуский государственный универси-
тет. ЭССР, г. Тарту, ул. Ыжкооли, 18. Ответст-
венный редактор Э. Лооне. Сдано в печать 27.03.79.
Бумага печатная 30x42 1/4. Печ. листов 13,5 (ус-
ловных 12,6). Учетно-изд. листов 12,14. МВ 01080.
Тираж 200. Типография ТТУ, ЭССР, г. Тарту, ул. Пял-
сона, 14. Зак. № 487. Цена 90 коп.

90 кон.

79-128
I